

М.Х. Шахова, Г.А. Магомедова, П.Б. Шахбанова

**СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ИМЕННОЙ МОРФОЛОГИИ
АВАРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ**

Махачкала 2024

УДК 372.881
ББК 74.268
ШЗ1

Ответственный редактор

доктор филологических наук, профессор **Алисултанов А.С.**

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор **Багомедов М.Р.**

кандидат филологических наук, доцент **Вакилов Х.С.**

Шахова М.Х., Магомедова Г.А., Шахбанова П.Б. Сравнительно-типологический анализ именной морфологии аварского и русского языков. Махачкала: ДГУ, 2024. – 125 с.

Настоящая работа посвящена сравнительно-типологическому исследованию именной морфологии аварского и русского языков, охватывая такие ее аспекты, как используемые в сравниваемых морфологических системах имени существительного формальные средства, принципы организации парадигм словоизменения, набор грамматических категорий и др.

В сопоставляемых языках в структурной организации именного словаря определенную роль играют более или менее совпадающие по лексическому составу и общему значению лексико-семантические группы имен.

ISBN 978-5-907837-90-4

DOI

© ДГУ, 2024.

© Шахова М.Х., Магомедова Г.А., Шахбанова П.Б., 2024

© Оформление. ИП Тагиев Р.Х., 2024.

ВВЕДЕНИЕ

Выбор темы исследования и ее актуальность обусловлены прежде всего широким функционированием в Российской Федерации русского языка как языка межнационального общения, что приводит к высокому уровню национально-русского двуязычия. Естественно, что эти процессы в полной мере проявляются и в Дагестане. Достаточно сказать, что процент свободно владеющих русским языком аварцев по итогам переписей в последние годы неуклонно повышался (1970 – 37,8%; 1979 – 63,3%; 1989 – 64,4%). Все сказанное выше диктует требование совершенствовать методику преподавания русского языка в национальной школе, в основу которой кладется максимальный учет особенностей родного языка, способных повлиять на процесс изучения русского языка. Соответственно, для решения этих задач на передний план выдвигаются сопоставительные исследования.

Нельзя не обратить внимания и на следующие факты: русская грамматическая традиция, представленная крупнейшими лингвистами, в числе которых нельзя не назвать М.В.Ломоносова, Н.И.Греча, А.Х.Востокова, Ф.И.Буслаева, Ф.Ф.Фортунатова, А.А.Потебню, А.А.Шахматова, А.М.Пешковского, Л.В.Щербу, В.В.Виноградова и др., в русле которой детальную проработку получили многие вопросы, в отдельных случаях даже не ставившиеся в кавказоведении, может дать при сопоставительном исследовании новый импульс для изучения тех фрагментов грамматики дагестанских языков, которые не получили пока достойного освещения в специальной литературе. Конечно, морфологическая проблематика находится в более выгодном положении, находясь как бы в центре лингвистических исследований, будь то описательная или сопоставительная грамматика. Тем не менее, уже беглый взгляд на обычный обзор литературы по тому или иному грамматическому вопросу (например, склонение, спряжение, словообразование и т.д.), предваряющий его анализ в рассматриваемом языке, большей частью дает отсылки к аналогичным работам, выполненным на материале русского языка. Таким образом, сформировалась своеобразная схема грамматического анализа, в рамках которой в качестве эталона выступает анализ сопоставимых категорий и явлений русского языка. Между тем еще Л. И. Жирков отмечал в свое время, что «грамматические категории в этих (дагестанских – авторы)

языках настолько специфичны по своей природе, что лишь с оговорками, или, так сказать, в «кавычках», можно употреблять привычные для нас термины: имя, глагол, прилагательное, наречие, предлог и т. п.» [1935: 156-157]. При этом нередко происходит неправомерный перенос свойств русской грамматики и, соответственно, грамматических подходов и терминологии на материал исследуемого языка.

Л. И. Жирков попытался найти этому объяснение в рамках «яфетической теории»: «Переходя к вопросу о том, какие же части речи обнаруживаются в горских языках Дагестана, мы должны будем сказать, что вопреки отмеченной нами связи глагола и имени мы в современной грамматике можем различить почти все те же части речи, что и в русском языке. Этот факт на первый взгляд может показаться удивительным, на самом же деле он служит лучшим доказательством того, что сохранение языком древних, реликтовых фактов сознания ничуть не мешает этому языку развиваться. Как ни изолированы горские народы в своих ущельях (благодаря чему на Кавказе и сохранились реликтовые языки), все же, особенно в нашу эпоху, они не могут жить в полной изоляции. Языковое смешение и в них имеет место, тем более что хозяйственные и культурные отношения связывают их с другими народами, говорящими на языках иной стадии развития. В этих условиях никакой язык не имеет возможности своевременно и достаточно быстро создать все те формы речи, какие нужны на данной стадии развития общества. Недостающие для данных понятий термины вечно вливаются в него из других языков и образуют потребный на данный момент терминологический сектор языка. Необходимая степень абстракции и необходимое количество слов абстрактного значения постоянно бывают обеспечены тем, что каждое слово, даже самой грубо-конкретной семантики, может быть поднято языком до степени настолько абстрактного значения, насколько абстрактны предлоги или союзы в наших языках. Поэтому говорить о «богатстве» или «бедности языка можно только с учетом тех реальных условий, в которых живет данное общество в данную эпоху» [Жирков 1935: 166-167].

Возможна и другая крайность – полное отрицание какого бы то ни было подобия однопорядковых явлений сравниваемых языков.

Прием сопоставления грамматических явлений дагестанских языков с их аналогами в русском не является чуждым для многих да-

гестановедческих работ¹. Уже в фундаментальном труде П.К.Услара мы находим немало ценных наблюдений, дающих как бы контрастивную характеристику целому ряду особенностей морфологии и синтаксиса аварского и русского языков. Так, по существу первая теоретическая интерпретация эргативной конструкции предложения в ее соположении с переходными глаголами индоевропейских языков была дана П.К.Усларом, писавшим, что «в аварском языке существует не действительный глагол любить, а глагол средний или страдательный любиться. В переводе на аварский язык предложение: я люблю отца выражается через мне любится отец, – отец делается подлежащим; все примеры вновь подтверждают общее правило, что глагольные формы согласуются в роде и числе со своим подлежащим» [Услар 1889: 122].

Важным с точки зрения типологической характеристики аварского языка представляется и наблюдение П. Услара, сформулированное в его монографии «Аварский язык», о том, что «винительного падежа нет в аварском языке по самому существу аварского глагола» [Услар 1889: 122-123].

Как явствует из данного высказывания, квалификацию падежного инвентаря, как и вообще решение проблемы эргативной конструкции на материале аварского языка, П. К. Услар увязывал с природой глагола-сказуемого. Соответственно, отсутствие винительного падежа в аварском языке П. К. Услар объясняет тем, что аварский глагол – страдательный, так что прямое дополнение не может иметь при нем форму винительного падежа. Имя объекта в эргативной конструкции переходного предложения, по Услару, является подлежащим, стоящим в именительном падеже, а имя субъекта – косвенным объектом, стоящим в творительном падеже. Постановка имени субъекта в творительном падеже, а имени объекта в именительном падеже, таким образом, вызвана тем, что аварский переходный глагол не действительного, а страдательного залога.

Существенным признаком, привлечшим внимание П. К. Услара, оказалось и то, что в аварском языке, как известно, глагол не изменяется по лицам, но спрягается по грамматическим классам. Префиксальный классный показатель в словоформе переходного глагола со-

¹В этом достаточно обширном списке трудов прежде всего следует выделить работы по аварской грамматике П.К.Услара [1889], Л. И. Жиркова [1926], А. А. Бокарева [1949], Г. И. Мадиевой [1965; 1981], А. С. Чикобава и И. И. Церцвадзе [1962] и др.

гласуется с именем объекта, принимающим форму именительного падежа, в то время как с именем субъекта, стоящего в эргативном падеже, аварский переходный глагол не согласуется.

Заметки сопоставительного характера можно найти также в работах Л. И. Жиркова, А. А. Бокарева и других дагестановедов, занимавшихся исследованием аварского языка.

Первым же специальным исследованием на материале аварского языка, в котором сопоставление применяется как самостоятельный метод грамматического анализа, следует признать сравнительно небольшую, но весьма насыщенную по материалу статью А. А. Бокарева [1940], предметом которой является поиск соответствий в аварском языке русскому творительному предикативному. Таким образом, в этом труде, освещающем в равной степени морфологические и синтаксические вопросы, была не только разрешена частная задача сопоставления конкретных грамматических фактов, но и намечены методические направления дальнейших исследований сопоставительного характера на материале дагестанских языков в целом.

Можно сказать, что впоследствии дагестанско-русская сопоставительная лингвистика акцентировала внимание не на фундаментальных проблемах контрастивной грамматики, а на практических задачах обучения русскому языку учащихся-дагестанцев. Свидетельством тому может служить, в частности, справочник по русской грамматике П. Карбоненко [1954] – первый в серии публикаций в рамках этого направления. Основной задачей справочника явилось дать информацию прежде всего по русской грамматике, в то время как грамматические явления дагестанских языков (в основном, кумыкского и аварского, реже – лакского, лезгинского, даргинского) приводятся в качестве параллелей коррелирующих фактов русского языка.

Комплексный сопоставительный анализ грамматики русского и аварского языков содержит в сжатой форме монография Г. И. Мадиевой [1959], в целом продолжающая охарактеризованное выше направление. Вместе с тем, в этом учебном пособии сосредоточен и целый ряд наблюдений, имеющих не только методико-дидактическое, но и общелингвистическое значение.

Из морфологических явлений в работе Г. И. Мадиевой рассмотрены морфологический состав слова (корень, приставки, суффиксы,

основа слова; словообразование, особенности частей речи – число и падежи существительных; разряды местоимений и т.д.).

Таким образом, в данной работе намечены основные контуры сопоставительной грамматики русского и аварского языков, хотя здесь, с одной стороны, не нашли отражения довольно важные вопросы формально-типологического плана, в том числе роль различных грамматических средств (флексия, агглютинация, супплетивизм, аблаут, аналитизм и синтетизм и т.п.) в именной и глагольной морфологии, строение именных парадигм сравниваемых языков (в частности, роль косвенной основы в аварском склонении) и некоторые другие, с другой стороны, ряд вопросов, рассмотренных в учебном пособии, не имеет достаточной степени детализации. Нельзя не указать и на отдельные просчеты в теоретическом и терминологическом подходе к материалу. Ср.: «Если мы сравним слово труд со словом сотрудник, то можно установить, что слово сотрудник состоит из слова труд, к началу которого добавлено со и к концу ник; а в аварском языке, при сравнении слова хьулухь (работа) и хьулухьчи (сотрудник), ясно, что последнее содержит в своем составе хьулухь и прибавленную часть чи» [Мадиева 1991: 9-10].

Нельзя не обратить внимание на то, что приведенная выше формулировка прямо противоречит иерархическому устройству уровней языка: слово состоит из морфем, так что в слове *сотрудник* не может вычлениваться не слово *труд*, но формально совпадающая с ним морфема. Кроме того, по меньшей мере рискованно говорить о равенстве значения русского *сотрудник* и аварского *хьулухьчи*.

В последние годы в помощь преподавателям русского языка и учащимся-старшеклассникам дагестанской школы были публикации, варьирующие как по охвату языковых явлений, так и по материалу привлекаемых к анализу языков. Особое внимание особенностям родных языков учащихся дагестанской школы, которые вызывают затруднения в усвоении русского языка, уделяет в своих методических пособиях А. М. Айтберов [1967; 1980; 1983; 1989]. В этом же плане подходят к сопоставляемым явлениям русского и дагестанских языков Г. Г. Буржунов [1975; 1982; 1985], З. М. Загиров [1978; 1982; 1982а], М. И. Шурпаева [1980], Г. И. Магомедов [1990] и др. В этот же ряд можно поставить и сопоставительную грамматику кумыкского и русского языков Н. Х. Ольмесова [1982]. Перечисленные работы имеют ярко выраженную лингводидактическую ориентацию, направ-

ленную на более полное овладение учащимися-дагестанцами русским языком, на подготовку специалистов для дагестанских нерусских школ. Таким образом, в перечисленных работах данные дагестанских языков играют как бы вспомогательную роль. В то же время назрела необходимость описания именно дагестанских языков на основе эксплицитного сопоставления с русским.

Названные выше исследования, как правило, оперировали дагестанскими языками в целом. Оценивая подобную методику подачи материала, мы не можем не согласиться с А. Г. Гюльмагомедовым, по мнению которого «объективное и детальное сопоставительное описание фонетических (равно как и морфологических – авторы) систем можно осуществить только при бинарном сопоставлении языков. Когда же с одним языком сопоставляется три и более языков, приблизительность оснований сопоставлений, фрагментарность выводов неизбежны» [1985: 9].

На иных началах строится сопоставительная грамматика лезгинского и русского языков Э. М. Шейхова [1993], посвященная сопоставительному исследованию морфологии. Последняя работа заслуживает особого внимания и в общетеоретическом аспекте, поскольку опирается на современные идеи сравнительной типологии (в частности, на концепцию В. Г. Гака о необходимости анализа сопоставляемых явлений с трех точек зрения – формы, содержания и функции).

Вместе с тем, эта работа содержит и ряд оригинальных русско-лезгинских сопоставлений, полезных при исследовании других дагестанских языков. Наибольший интерес при этом, на наш взгляд, вызывает обращение автора к тем морфологическим структурам лезгинского и русского языков, которые обнаруживают определенное сходство, усиливающееся субъективно употреблением идентичной терминологии, различаясь в то же время по целому ряду параметров. Наиболее ярким примером этого в монографии Э. М. Шейхова можно считать, в частности, выводы относительно позиционных падежей в сопоставляемых языках: хотя генитив и датив, на первый взгляд, тождественны, между ними проходят весьма явные демаркационные линии как в семантике, так и в функции.

Хотя, как видно из нашего краткого обзора, сравнительные лингводидактические исследования ведутся достаточно интенсивно как в Дагестане, так и в России, русско-аварское сопоставительное языкознание еще не достигло своего апогея, нуждаясь как в конкретизации

материала исследования, так и в совершенствовании методических установок. В связи с этим нельзя не обратить внимания на подход к проблематике сравнительной типологии в монографии А. Г. Гюльмагомедова «Сопоставительное изучение фонетики русского и лезгинского языков» [1985], опирающейся на такие принципы исследования, как эксплицитность методических оснований, комплексный характер сопоставления, постановку и решение не только методических, но и теоретических задач сопоставительного изучения русского и дагестанских языков. Последний аспект исследований ставится также во главу угла в ряде статей, вышедших в сборниках по сопоставительной фонетике [1985], фразеологии [1992] и лексикологии [1992] под редакцией А. Г. Гюльмагомедова, а также в сборнике «Русский язык и языки народов Дагестана» [1991].

В связи с общетеоретическими аспектами сопоставительной грамматики нельзя также не учитывать тех возможностей, которые предоставляет сопоставление для более полного раскрытия языковой специфики, многие аспекты которой ускользают из поля зрения языковедов, описывающих язык без обращения к внешнему эталону.

По нашему мнению, с решением задач сопоставительной грамматики связана и проблема лингвистической терминологии, заключающаяся, с одной стороны, в необходимости унификации частных терминологических систем (т.е. достижения определенной эквивалентности обозначения эквивалентных понятий в русистике и дагестановедении) и, с другой стороны, в терминологическом обособлении специфических для сопоставляемых языков явлений. Как и дагестановедческая терминология в целом, аварская лингвистическая терминология нередко прибегает либо к прямому заимствованию, либо к калькированию с русского. В этом смысле показательна дискуссия о названии основного (прямого) падежа, обозначаемого в аварской традиции термином «именительный».

В то же время в типологических исследованиях, а именно в интенсивно-типологических разработках, была высказана мысль об отсутствии в эргативных языках именительного падежа как единицы, аналогичной соответствующему падежу в языках номинативного строя. Это различие между языками двух типов предлагается отразить и терминологически: обозначением противопоставленного эргативу в эргативных языках падежа термином «абсолютный». Еще И.И.Мещанинов писал следующее об абсолютном падеже эргативных

языков: «... он по выполняемой им синтаксической функции резко отличается от именительного падежа индоевропейских и других языков с их единым падежом подлежащего, сохраняющего как активное, так и пассивное значение. Это дает достаточное основание для отказа в отождествлении данного падежа эргативной системы с именительным падежом индоевропейской системы и для включения его в число падежей эргативного склонения» [Мещанинов 1964: 24-25]. Позднее эта мысль развивалась в трудах Г.А.Климова [см.: 1973: 111 и др.] и других отечественных и зарубежных ученых.

Не отрицая общепризнанной положительной оценки вклада иноязычной терминологии в аварскую, нельзя в то же время не усомниться в правомерности такого непродуманного переноса во многих отдельных случаях. Трудно не согласиться со следующей точкой зрения, высказанной К.Ш.Микаиловым: «Мы далеки от мысли, что есть необходимость оградить (тем более искусственным путем) родные языки от естественного, философски обусловленного и объективно неизбежного процесса влияния (в первую очередь в области лексики) на них великого русского языка, уже ставшего вторым родным языком дагестанских народов. Такого рода пуристические тенденции отмечались и отмечаются всегда в псевдоинтеллигентской среде любого народа... Но нельзя впадать и в другую крайность – ориентация на космополитическое, необоснованное заимствование громадного потока слов чужого и родного языков не менее вредна». Думается, что и в этом аспекте сопоставительное исследование грамматики аварского и русского языков является весьма актуальным.

Цели и задачи исследования непосредственно вытекают из охарактеризованных выше проблем, стоящих перед современной аварской и дагестанской лингвистикой, в т.ч. и сопоставительной. В настоящей работе предлагается комплексный сопоставительный анализ морфологического своеобразия одной из важнейших частей речи – имени существительного на материале русского и аварского языков. Достижение этой цели, в свою очередь, опиралось на решение целого ряда более конкретных задач:

1. Выявление и описание «белых пятен» в грамматической структуре аварского языка, особенно в тех ее областях, которые касаются функциональных характеристик грамматических категорий.

2. Определение единиц сопоставления и конкретных методик их сравнения (грамматическая категория, часть речи, граммама, морфема и виды морфем, морфа, грамматические процессы и др.).

3. Выделение черт изоморфизма и алломорфизма в морфологии сопоставляемых языков.

4. Уточнение и упорядочение морфологической терминологии аварского языка в связи с уточненным отношением соответствующих явлений к их русским аналогам.

5. Выявление (по мере возможности) причин генетического, ареального и типологического характера тех или иных сходств и различий.

6. Установление явлений, вызванных контактами сопоставляемых языков, в т.ч. и интерферентных.

Научная новизна работы связана, во-первых, с тем, что сопоставительное исследование, всесторонне охватывающее одну из основных лексико-грамматических категорий – имя существительное, проводится впервые не только на материале аварского, но и дагестанских языков в целом. Это позволило отойти от бытовавшего в некоторых имеющихся сопоставительных разысканиях упрощенного подхода к сопоставляемым явлениям, когда при наличии в двух языках одноименных категорий (например, падежа и числа) между ними ставился знак равенства, и проанализировать их в трех аспектах: с точки зрения формы, содержания и функции. С другой стороны, в обычно размежевывавшихся категориях рода и грамматического класса, помимо известных расхождений, было обнаружено и определенное сходство.

Соответственно, в работе содержатся новые наблюдения в области грамматики аварского языка, которые в немалой степени были обусловлены необходимостью исследования тех ее неисследованных до настоящего времени фрагментов, которые уже получили достаточное освещение в русской грамматической традиции. Определенную новизну можно усматривать также в трактовке некоторых грамматических категорий, рассматриваемых в настоящей работе не только с точки зрения сопоставительной грамматики, но и с точки зрения типологии, в частности, контенсивной.

Теоретическая значимость работы определяется прежде всего ее вкладом в методический аппарат и теорию аварской грамматики и, соответственно, в дагестанскую грамматическую традицию в целом. Говоря в связи с этим об общетеоретических аспектах сопостави-

тельной грамматики, следует обратить внимание на более широкие возможности адекватного грамматического описания, которые предоставляет эксплицитное сопоставление. Дело в том, что языковое своеобразие ускользает порой из поля зрения лингвистов, подходящих к описанию языка без обращения к внешнему эталону, поскольку в условиях отсутствия значительной сопоставительной традиции исследователь имплицитно как бы повторяет в принципиальной схеме своего анализа грамматическую схематику русского языка, игнорируя произвольно специфику морфологической и синтаксической структуры описываемых языков.²

В случае же достаточно резкого контраста возникают практически непреодолимые препятствия, вызывающие к жизни решения, продиктованные факторами скорее сугубо внешнего порядка, нежели представлениями о принципиальном устройстве именной и глагольной словоформы, словоизменительной парадигмы и т.п.

Сопоставительное изучение языков в теоретических целях (отвлекаясь от возможностей использования его результатов в практике преподавания) ориентировано на определение сходств и различий между сопоставляемыми языками наряду с выявлением, насколько это возможно, причин сходств и расхождений, что, естественно, ведет к более глубокому познанию систем сравниваемых языков, на основе которого становится возможным вскрытие явлений, оставшихся незамеченными при изучении одного языка. Соответственно, в качестве «стратегической» задачи такого анализа можно квалифицировать определение системных соответствий и несоответствий между сравниваемыми языками, непосредственно соприкасающееся с проблематикой типологии. Достаточно убедительно в этом отношении следующее высказывание А.С.Чикобава: «Сопоставительное изучение языков ценно для изучения общих вопросов формирования и развития определенных грамматических категорий, общих процессов и закономерностей, представляющих актуальный интерес с точки зрения общелингвистической» [1958: 3].

² Хотя еще в прошлом столетии грамматические описания, основанные на подобных принципах были подвергнуты справедливой критике, ср.: «Самая неудачная метода заключается в переводах форм русской грамматики на неизвестный язык. Мне случалось видеть таковые грамматические очерки: нельзя не пожалеть о потерянном времени и труде» [Услар 1888: 17].

Таким образом, к результатам сопоставительного изучения языков в теоретическом аспекте следует отнести в первую очередь возможность глубже проникнуть в системы сравниваемых языков, в то время как лингводидактика более склонна рассматривать те или иные закономерности грамматического строя в отдельности, будучи ориентированной прежде всего на приемы и способы более эффективного усвоения необычных грамматических структур и устранения интерферентных явлений особенно при частичных схождениях. Иными словами, теоретический аспект сопоставления заключается в том, что, проведенное на должном методическом уровне, оно обогащает общее языкознание новыми данными и расширяет эмпирическую базу теоретических и типологических обобщений.

Результаты сопоставительного анализа, в ходе которого непосредственно акцентируется внимание на сходства и различия языка-объекта и языка-эталона, относящиеся к различным аспектам функционирования соположенных единиц, помогут избежать неосознанного приписывания рассматриваемым явлениям в дагестанских языках содержательных характеристик русского³, вызванного не только более длительной традицией изучения русского языка, сложившейся системой понятий и терминов русистики, но и, как правило, лучшей лингвистической подготовкой специалиста по русскому языку, нежели по родному, а также и тем, что метаязыком описания гораздо чаще оказывается не родной язык, а русский.

Учет этих факторов становится особенно важным в современных условиях возрождения интереса к национальному языку и национальной культуре, когда, наряду с изучением русского языка, признанного государственным на всей территории Российской Федерации, не менее фундаментальной признается задача сохранения национально-культурной самобытности народов России, в том числе и в языковом отношении (ср. в связи с этим Закон о языках РСФСР, проект Закона о языках Дагестана и другие документы).

Как отмечалось выше, в работах дагестанских лингвистов [Айтберов 1983; 1989; Буржунов 1985; Загиров 1988 и др.], посвященных сопоставительным грамматическим исследованиям по русскому и дагестанским языкам, как правило, преобладает лингводидактический

³ Несмотря на следующее предостережение П.К.Услара: «Не должно спешить подводить разобранное под русскую грамматическую номенклатуру; притом большая часть кавказских языков вовсе под нее не подходит» [Услар 1888: 17].

аспект. Это влечет за собой, помимо положительных моментов (учитель вооружен знаниями о возможном отрицательном влиянии родного языка при изучении неродного, которое проявляется, по крайней мере, в трех аспектах: во-первых, серьезные затруднения возникают при усвоении тех лексико-грамматических явлений изучаемого языка, которые в родном языке отсутствуют; во-вторых, речевые навыки на родном языке учащийся непроизвольно переносит на свою речь на изучаемом языке; в-третьих, учащийся старается избегать употребления в речи на изучаемом языке форм и конструкций, не имеющих аналогов в родном), определенные недостатки: так, сравнение ограничивается рамками учебной программы, поэтому сопоставление не следует собственной схеме логического развертывания и не всегда дает комплексную картину. В свете сказанного выше практическая ценность работы вытекает уже из самой сущности сопоставительных исследований, стимулировавшихся, в первую очередь, практическими потребностями изучения неродного языка: кажется излишним напоминать, что сопоставительное изучение языков в лингводидактических целях диктовалось задачами обучения неродному языку. Еще Е.Д.Поливанов [1931;1933] – основоположник сопоставительного изучения языков в учебных целях относил к числу потенциальных результатов контрастивного исследования не только различия, выявленные в ходе сопоставления тех или иных явлений в различных языках, и обусловленные этими различиями трудности изучения второго языка, но и прогноз наиболее вероятных ошибок говорящих на неродном языке. Интересно заметить, что многие современные отечественные и зарубежные исследователи связывают сопоставительное изучение языков именно с этими целями, включая в круг основных задач сопоставительной лингвистики выявление источников интерференции с целью предсказания типичных ошибок [Stockwell 1968], определение иерархии трудностей иностранного языка для изучающих этот язык [Stockwell, Bowen 1965], объяснение типичных ошибок [Roger, Snool 1971].

В силу этого данная работа строилась таким образом, что многие конкретные положения настоящей работы могут быть сформулированы в виде практических рекомендаций при составлении школьных и вузовских учебников как аварского, так и русского (для национальной школы) языков, методических пособий для учителей, справочных изданий для издательских работников и др. Нельзя также не

указать на непосредственное влияние достижений сопоставительной лингвистики на практику составления двуязычных грамматических словарей, на первостепенную роль сопоставления языков в составлении компьютерных программ и баз данных, на его особое место в контексте соотношения языка и культуры, хотя, конечно, это в большей степени приложимо к лексическому составу языка.

Возможные практические приложения настоящего исследования отчасти продиктованы также изменившимися условиями соотношения русского языка и языков коренных национальностей Дагестана, в частности тем, что появилась необходимость изучения родного языка некоторыми представителями аварской народности, которые, будучи уроженцами городов (особенно за пределами Дагестана), выходцами из интернациональных семей, не получили возможности изучить свой родной язык естественным путем – путем общения с родителями, сверстниками и т. п. (насколько нам известно, Р.Э.Гамзатовым создан и проспект учебника аварского языка для московских школьников). Здесь обращение к русскому языку имеет уже иной ракурс: он выступает как языку-посредник и для этой категории наших соотечественников может оказаться плодотворным.

Наряду с отмеченными выше возможными практическими приложениями результатов данного исследования, нельзя забывать и о такой традиционной отрасли филологии, как теория и практика перевода. Безусловно, структурные соответствия, выявленные в ходе сопоставительного анализа, не могут восприниматься как категорический императив для переводчиков, однако подтвержденные на широком материале выводы о предпочтении тех или иных структур послужат серьезным инструментом для оптимизации как переводческой, так и журналистской деятельности.

Приемы и методы исследования, используемые в работе, как и в других работах данной жанровой принадлежности, определяются в целом как сопоставительные, что, впрочем, допускает в рамках единой сопоставительной методики значительное количество конкретных приемов и способов анализа конкретного материала, применение которых непосредственно зависит от его специфики и целей сопоставления. Наиболее рельефно дифференцируются, в частности, методики, основанные, с одной стороны, на выявлении только различий («контрастивная/ конфронтативная лингвистика»), и, с другой стороны, учитывающие как различия, так и схождения. Существенным по

целям и результатам является также противопоставление методов анализа, строящихся по схеме «от формы к содержанию» (анализирующая модель) и «от содержания к форме» (порождающая модель).

Сопоставительное исследование, особенно в тех случаях, когда оно оперирует материалом языков «различной типологической принадлежности, не может не касаться вопросов, относящихся к области общей типологии» [Ярцева 1981: 12]. Типология, призванная решать задачи выявления изоморфизма (языковые универсалии) и алломорфизма (уникалии) языков мира, значительно укрепила свои позиции в ряду других фундаментальных лингвистических дисциплин. О том, что роль типологических изысканий значительно возросла за последние десятилетия, красноречиво свидетельствует все увеличивающееся число отечественных и зарубежных публикаций в этой области, а также появление все новых типологических школ. Типологию в широком смысле можно понимать как объединение различных разновидностей структурного исследования языка -контрастивного (сопоставительного) языкознания, лингвистической характерологии, универсалологии (лингвологии) и собственно типологии (т.е. типологии в узком смысле) – синхронной и диахронической (исторической⁴).

По мнению В. П. Нерознака [1987: 16], специфика сопоставительной грамматики в общем кругу типологических дисциплин заключается в том, что, «в отличие от типологии и характерологии контрастивная лингвистика имеет дело с попарным сопоставлением языковых систем (структур) на всех уровнях вне зависимости от генетической или типологической принадлежности сопоставляемых языков с целью выявления их структурных и функциональных особенностей, сходств и различий (контрастов)». С формальной стороны, это действительно так, даже если в сопоставление вовлечены группы языков (в этом случае в ходе исследования в бинарные отношения вступают попеременно различные представители сопоставляемых групп языков). Если же говорить о сущностном своеобразии контрастивной лингвистики, то, воспользовавшись определением Г. А. Климова [1983: 27-28], согласно которому предметом исследования типологического языкознания являются структурные элементы

⁴ Ср.: «В обобщенной форме предмет исторической типологии мог бы быть определен как выявление и изучение узуальных однонаправленных процессов, в конечном счете соотношенных с преобразованием системы взаимообусловленных признаков, структурирующих тип языка» [Гухман 1981: 14].

языкового изоморфизма, независимые от процессов дивергенции или конвергенции и обусловленные принадлежностью языков к особым типологическим классам, ее главным отличием (наряду с характерологией и универсалологией) от собственно типологии является то, что она не нуждается в понятии языкового типа.

Все же взаимосвязанность современной сопоставительной грамматики с общей типологией – факт достаточно очевидный, проявляющийся в возможностях объяснения наблюдаемых сходств и различий сопоставляемых языков на основе их принадлежности к одному или к разным типам. Возвращаясь к предмету данного исследования, следует напомнить, что, с точки зрения формальной (морфологической) классификации, аварский язык, как известно, относится к агглютинативным, хотя и с определенным компонентом флективности. Для морфологической структуры русского языка более приемлема его характеристика как флективного с элементами агглютинации.

Кроме того, аварский язык может быть охарактеризован как синтетический с элементами аналитизма, проявляющегося в использовании для передачи «падежных» (т.е. пространственных, временных, причинно-целевых, субъектно-объектных и т.п.) значений послелогов и вспомогательных глаголов для формирования аналитических глагольных словоформ. В этом плане сопоставляемые языки более или менее близки друг другу.

Особо следует подчеркнуть методическую роль в сопоставительных исследованиях общих принципов типологического изучения языков. В частности, для сопоставительной грамматики аварского и русского языков немаловажное значение имеет их принадлежность соответственно к эргативному и номинативному типам, откуда следует целый ряд их конкретных дифференциальных признаков в области морфологии и синтаксиса.

Наиболее широкие перспективы в типологически ориентированной контрастивной грамматике открывает использование, как это показывает практика конкретных исследований, принципа анализа от содержания к форме: разносистемный материал упомянутых изысканий лишает языковеда выбора стабильных критериев, в то время как в формально-типологических построениях этот выбор приобретает обычно произвольный характер. «Именно семантический фактор, – как отмечает Г.А. Климов, – позволяет в этом случае найти определенные основания для сопоставления формальных средств самых

разных языков» (там же: 14-15). В контенсивно-типологических исследованиях роль такой семантической опоры играют, как известно, субъектно-объектные отношения действительности, облигаторно выражаемые во всех языках мира. Тем не менее, большинство типологически ориентированных исследований языков придерживается формально-типологической схематики, не учитывая передаваемого в языке содержания. Исключение в этом отношении составляют работы характерологического жанра по кавказским языкам [Структурные... 1978; Климов, Алексеев 1980], а также серия очерков А.Е. Кибрика [1979-1981], обращающего внимание прежде всего на способы выражения субъектно-объектных отношений в дагестанских языках. В других работах А.Е.Кибрика продуктивным является использование исчисляющей модели на материале ограниченной понятийной области (пространственные падежи, категория числа), что позволяет выявить гипотетически возможные сочетания содержательных дифференциальных признаков и описать пути их конкретных реализаций в различных сопоставляемых языках.

Одним из принципов сопоставительного изучения языков как в лингводидактических, так и в теоретических целях является равная изученность рассматриваемых явлений в обоих компонентах сравнения. В связи с этим в настоящей работе акцент ставится прежде всего на исследовании грамматики аварского языка, как не имеющего столь длительной традиции изучения и специальных работ по целому ряду проблем.

Среди общих принципов сопоставительного исследования можно, на наш взгляд, выделить следующие: системность анализа, когда соответствующие явления сопоставляются не изолированно, а в ряду однородных (например, трудно признать адекватным сопоставление аварского абсолютива и русского номинатива в отрыве от противопоставленных им соответственно эргатива и аккузатива)⁵; многоас-

⁵ В области русско-дагестанской сопоставительной фонетики этот принцип был весьма удачно сформулирован Г.Г.Буржуновым: "При сопоставительном описании звукового строя русского и дагестанских (аварского, даргинского, лакского, аварского и табасаранского) языков целесообразно брать за основу фонологическую систему русского языка и исходить из ее системного характера. Сопоставление отдельных звуков (а не фонем) не может дать ясной картины о системном характере звукового строя в сопоставительном плане, о реализации фонем в речи в виде конкретных звуков, о синтагматическом и парадигматических законах фонетики и их отличии или сходстве от тех же законов и звуковых единиц родного языка" [Буржунов 1975: 6].

пектность сопоставления [ср. Гак 1977], когда требуется учитывать не только тождества /различия в форме и содержании, но и в условиях функционирования сопоставляемых единиц, в их конкретных реализациях (так, при известном тождестве деепричастных оборотов в русском и аварском языках они дифференцируются по целому ряду параметров, что приводит порой к необходимости квалифицировать аварские деепричастные обороты как придаточные предложения); сопоставимость сопоставляемых явлений (явления должны быть с одинаковой степенью полноты изучены в обоих языках; они должны соотноситься с более или менее эквивалентными понятийными областями и описываться в адекватных лингвистических терминах); двусторонность (хотя в настоящей работе большее внимание уделяется, в силу различия степени изученности, фактам аварского языка, практические и теоретические задачи, поставленные выше, требуют равноправия сопоставляемых материалов обоих языков) и некоторых других.

ГЛАВА I

ХАРАКТЕРИСТИКА СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В АВАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

1. Особенности проявления основных морфологических единиц в сопоставляемых языках

Основа («ядерная форма», «значащая часть слова», «база»). Это понятие нашло широкое применение в русистике, о чем свидетельствует и наличие различных точек зрения и подходов к его определению. С одной стороны, эта морфологическая единица определяется по самой методике ее дифференциации среди смежных единиц. В этом случае основа рассматривается как часть слова, остающаяся после отсечения словоизменительного аффикса, ср.: «Под основой понимается та часть слова, которая остается за вычетом всех словоизменительных или формообразующих морфем» [Кубрякова 1965: 49].

С другой стороны, основа определяется по тем свойствам, которые характеризуют ее сущность вне зависимости от внешних оппозиций, а именно как часть слова, выражающая его лексическое значение, ср.: «Основа, как общая часть слова, является прежде всего носителем его лексического значения» [Лопатин 1977: 84; ср. также Кодухов 1979: 25].

Говоря об аварском языкознании, можно отметить формулировку Г.И.Мадиевой, которая, как видно, придерживается второго подхода [1991: 31]. В противопоставлении двух приведенных видов определения нетрудно заметить два подхода к одной и той же сущности. В изучении различных аспектов морфологического состава слова методологически значимыми являются понятия, предполагающие более дробную классификацию морфологических единиц, ср., в частности, такие виды основы, как исходная основа, главная основа, мотивирующая основа, мотивированная основа, простая основа, сложная основа; прямая основа, косвенная основа, производная/непроизводная основа, нашедшие определенное отражение и в аварском языкознании: «Когда корень и основа слова совпадают, то такие основы считают непроизводными, как например: *дом-а* – *кIодо-ца* (бабушка)»

[Мадиева 1991: 31].

Окончание («грамматический аффикс», «парадигматический аффикс», «морфологический аффикс», «реляционный аффикс», словоизменяющий (формообразующий) аффикс) определяется обычно как аффикс, используемый в качестве средства словоизменения.

Важно заметить, что термин окончание не совсем приложим к материалу аварского языка, где словоизменяющий (формообразующий) аффикс может выступать как в виде суффикса, например, в *рокъо-в/-й/-б/-р* «в доме», так и в виде префикса, например, в *в/-й/-б/-р-укI-ана* «был, -а, -о, -и», где набор классных показателей занимает соответственно суффиксальную и префиксальную позиции. Кроме того, агглютинативный характер аварской морфологии обуславливает и такую его особенность, как одновременное наличие в словоформе нескольких словоизменяющих аффиксов, ср. *рокъо-в/-й/-б/-р* «в лесу», но *рокъо-в/-й/-б/-р-е* «в лес». Если ауслатный классный показатель в первом примере может рассматриваться как окончание, то во втором подобная его квалификация оказывается несколько условной.

Существенным отличием словоизменяющих аффиксов от основ является то, что «словоизменяющие аффиксы (флексии, словоизменяющий суффикс, постфикс *-те*) присущи словоформам, а не словам в целом, и выражают морфологические значения» [Русская грамматика 1980: 129].

В этом плане нельзя не указать на определение Г. И. Мадиевой, которая делает следующую характеристику рассматриваемым единицам: «Окончания в русском и в аварском языках являются служебной частью слова,- которые указывают на отношение данного слова к другим словам, т. е. они выражают синтаксические отношения» [Мадиева 1991: 11]. В этом определении, на наш взгляд, необоснованно делается упор на синтаксический аспект, в то время как словоизменяющие аффиксы, или окончания, могут выражать и чисто денотативные значения. Например, формы числа у существительных не являются синтаксическими, отражая количественную сторону предметов, явлений и т.п., но никак не их взаимоотношения.

Корень определяется как носитель вещественного значения слова, центральная его часть, остающаяся неизменной в процессах морфологической деривации [Лингв. энц. словарь 1990: 243]. Определяющим отличием корня от основы является его неразложимость,

что подчеркивает Г. И. Мадиева, описывая процедуру вычленения корня: «Если из слов **перевоспитывать** – в русском языке и в слове **хІалтІухъан** – в аварском языке выделить общую часть, то получится **пит** и **хІалтІ**. Эти неразложимые части родственных слов, - повторяющиеся в двух или более словах, называются корнем» [1991: 10].

Словообразующий аффикс, по общепринятому определению, это аффикс, используемый в качестве средства словообразования (ср.: «... аффикс, служащий для образования новых слов» [Ахманова 1966: 61]). Наличие словообразующего аффикса может в определенной мере служить и определяющим признаком производных основ. Однако это понятие нельзя приравнивать к понятию основообразующего аффикса, поскольку последнее включает и понятие темы, тематического аффикса, которое определяется как аффикс, присоединяемый к корню для образования основы в некоторых словоформах слова (в некоторых определениях подчеркивается связующая функция тематических показателей для соединения значащих морфем в словоформе). В близком значении используется и понятие **детерминанта** (детерминатива), в котором все же акцент делается на исторический аспект (особенно в дагестановедении), ср.: «Суффикс-детерминант стоит обычно в позиции после корня. В то же время он настолько срастается с корнем, что подчас бывает трудно его отделить. Для выделения детерминативного суффикса приходится прибегать к материалам родственных языков и их диалектов» [Лексика 1971: 69]. Как видно, в подобной характеристике понятие детерминанта не ограничивается синхронной членимостью основы, а увязывается с различными историческими процессами.

В известной работе, посвященной сравнению глагольных основ аварского и андийских языков, грузинский лингвист Т. Е. Гудава попытался дифференцировать понятия тематического и детерминативного показателей, хотя при этом указал и на трудность такой процедуры: «Нелегко разграничить тематический показатель от суффиксов детерминативов. В большинстве случаев (особенно тогда, когда тематический показатель следует за детерминативным суффиксом) это довольно просто, но положение осложняется, когда тематический показатель присоединяется к корню или основе непосредственно, или же когда согласный элемент детерминативного суффикса утерян и таким согласным выглядит тематический показатель.

Разграничение друг от друга детерминативных суффиксов и тематических показателей необходимо, несмотря на то, что они, возможно, по происхождению родственны между собой. В грамматической структуре языка они занимают не одинаковое место.

1. Детерминативные суффиксы как в именных, так и в глагольных основах встречаются одинаково, тематические же показатели преимущественно (если не только!) суть глагольные суффиксы.

2. Детерминативный суффикс – неотделяемый компонент основы, – он одинаково выступает во всех спрягаемых формах глагола. Тематический показатель, наоборот, может не выступать в некоторых формах, он отделяемый компонент основы.

3. Детерминативный суффикс не сливается с глагольными суффиксами, образующими разные морфологические категории (времена, наклонения и др.). Тематический показатель, наоборот, в ряде случаев сливается с другими глагольными суффиксами настолько органически, что подчас затрудняется их разграничение.

4. Детерминативный суффикс без гласного элемента встречается весьма редко (обычный строй детерминанта-гласный + согласный). Тематический показатель, наоборот, чаще выступает без гласного звука (гласный звук утрачен).

5. Детерминативный суффикс присоединяется непосредственно к корню, а тематические показатели обычно к детерминативному суффиксу.

6. Заимствованные глагольные основы в андийских языках часто принимают тематические показатели (а в таких случаях присоединение детерминативных суффиксов не встречается)» [Гудава 1959: 28-29].

Аблаут (в специальных работах употребляются также термины перегласовка, апофония, аблаутное чередование) определяют обычно как морфологически обусловленное чередование гласных. В русском языке наличие аблаута фиксируется, как правило, в словообразовании, хотя он не чужд и словоизменению, ср., например: *бер-у / бор / бр-ал / со-бир-аю*.

Нередко аблаут ограничивают случаями исключительного использования чередования для выражения грамматических значений (в этом смысле используется и понятие внутренней флексии). Это понимание аблаута особенно последовательно проводится в аварской грамматике, когда практически все изменения гласных в основе, ха-

раактерные для именного словоизменения, толкуются как проявления ассимиляции и диссимиляции.

В литературе различают такие виды аблаута, как качественный и количественный. Поскольку дифференциация долгих и кратких гласных не характерна для сопоставляемых языков, эта дихотомия для нашего исследования оказывается несущественной.

2. Особенности выражения грамматических значений в сопоставляемых языках

Как известно, в своих грамматических категориях разные языки отражают различные явления действительности и отношения между этими явлениями. Подобные различия прежде всего отражаются в соответствующем наборе грамматических категорий, однако не меньшее значение при сравнении языков имеет и план выражения: не случайно первые классификации языков строились именно на основе формальных признаков морфологической структуры слова с выделением таких языковых типов, как флективный, агглютинативный и изолирующий. Ср., например, следующую характеристику основных видов морфологической техники, данную В. Гумбольдтом: «Между отсутствием какого бы то ни было указания на категории слов, как это наблюдается в китайском языке, и настоящей флексией не может быть никакого третьего состояния, совместимого с совершенной организацией языка. Единственное, что можно себе представить в промежутке между этими двумя состояниями, это сложение, используемое в качестве флексии, то есть правильно задуманная, но не доведенная до совершенства флексия, более или менее механическое добавление, а не чисто органическое пристраивание. Такое, не всегда легко распознаваемое, промежуточное состояние в последнее время получило название агглютинации» [Гумбольдт 1984: 124]. Естественно, что именно эти признаки используются в первую очередь в сопоставительной морфологии, хотя отдельные исследования [см., в частности, Мадиева 1991] избегают характеристик этого аспекта морфологии.

Агглютинативный принцип словоизменения в целом прослеживается в обоих языках, причем с точки зрения соотношения различных категориальных форм имеет смысл различать:

- а) собственно агглютинацию как присоединение дополнитель-

ного формального элемента к одной форме для выражения другой формы (или «добавление грамматического элемента к основе без ее изменения» [Гак 1977: 87]). Ср.:

рус. *лес* – мн.ч. *лес-а*, *крот* – тв.п. *крот-ом*;

ав. *рукъ* «дом» – *рукъ-зал*, *Муса* (собств. мужское имя) – эрг.п. *Муса-ца* и т.п.

С данным явлением тесно связано функционирование нулевого знака – грамматического явления, характерного в равной степени для русского и дагестанских языков.

В русском языке нулевой знак может выражать значения именительного падежа ед.ч. (*один чулок*), а в ряде случаев – родительного падежа мн.ч. (*без чулок*), винительного падежа неодушевленных имен (*вижу камень*).

В аварском языке нулевой знак выражает значение именительного (абсолютного) падежа единственного числа имен существительных, ср.: *яс* «девушка», *бацI* «волк», *мах* «береза», *ци* «медведь», *цер* «лиса».

б) флексию как замену формального элемента к одной форме для выражения другой формы. Ср.:

рус. *лес-а* – род.п. *лес-ов*, *бел-ый* – дат.п. *бел-ому*;

ав. *багIара-б* «красный» – мн.ч. *багIара-л*, эрг. п. *Муса-ца* – дат. п. *Муса-е* и т.п.

В этом ряду можно рассматривать и другие виды соотношений грамматических форм (нередко функционирующие в комбинации с вышеназванными):

в) супплетивизм, т.е. наличие у грамматических форм одного слова разных основ:

рус. *человек* – мн.ч. *люди*; *ребенок* – мн.ч. *дети*; *мы* – дат. п. *нам*;

ав. *чIужу* «жена, женщина» – мн.ч. *руччаби*; *ци-в* «кто» – эрг. п. *льи-ца*; *эмен* «отец» – эрг.п. *инсу-ца*;

г) внутреннюю флексию, т.е. наличие у грамматических форм одного слова различных видоизменений одной основы. Среди этих видоизменений можно выделить:

- собственно чередования:

рус. *козл-ен-ок* – мн.ч. *козл-ят-а* (редкий тип соотношения словоизменительных основ);

ав. *цер* «лиса» – эрг.п. *цар-а-ца*; *тIехь* «книга» – эрг.п. *тIохь-о-ца*; *бече* «лиса» – эрг.п. *бач-и-ца*;

Некоторые исследователи аварского языка предпочитают квалифицировать приведенные выше соотношения корневых гласных как результат ассимилятивно-диссимилятивных процессов. С описательной точки зрения определенную трудность представляет в аварской грамматике истолкование соотношений типа *лъади* «жена» – эрг.п. *лъад-у-ца*. С одной стороны, можно считать, что здесь налицо чередование *-и-/-у-* в основе, с другой – трактовать *-у-* как наращение (с последующим усечением *-и-* перед гласным). Кроме того, принципиально допустимо приписывать *-и* функцию показателя именительного (абсолютного) падежа.

В русском языке довольно распространены также не отражаемые в письменной речи фонетические чередования, связанные с позицией фонемы в слове (например, оглушение звонких в конце слова, редукция безударных гласных), в то же время для аварского языка характерной можно считать лишь редукцию (вплоть до выпадения) и сопутствующую ассимиляцию/диссимиляцию:

рус. *дуб* [n] – мн.ч. *дуб-ы*; *год* [m] – дат.п. *год-у*; *вод* [a] – вин.п. *вод-у*;

ав. *гамачI* «камень» – эрг.п. *ганчI-и-ца*; *гомоз* «желоб» – эрг.п. *гонг-и-ца*; *габур* «шея» – эрг.п. *гарб-и-ца*;

- наращения (производная основа отличается от исходной наличием дополнительного элемента. В отличие от чистой флексии он не имеет собственного грамматического значения)

рус. *неб-о* – мн.ч. *неб-ес-а*; *чуд-о* – мн.ч. *чуд-ес-а*;

ав. *вас* «мальчик» – род.п. *вас-ас-ул*; *яс* «девочка» – род.п. *яс-аль-ул*; *гудур* «капкан» – эрг.п. *гудр-а-ца*;

В русском языке этот тип соотношения основ практически ограничивается приведенными примерами, в то время как в аварском он весьма продуктивен.

д) специфическим способом выражения грамматических значений может также считаться редупликация, которая представлена в обоих языках. В русском это эмфатическое средство выражения высокой степени качества (*белый-белый*; *старый-старый*); в аварском – более грамматикализованное средство выражения дистрибутивной, распределительной множественности (*кли-кли* «по два»; *цо-цо* «по одному» и т.д.; в глагольной морфологии аварского языка редупликация характеризует учащательный аспект).

Значительное место в плане соотношения формы и содержания в

морфологии занимает и вопрос о соотношении между синтетическими и аналитическими средствами выражения, в той или иной степени представленными как в русском, так и в аварском языках.

Аналитизм и синтетизм обычно определяют в зависимости от выражения грамматического значения внутри слова или вне его, т.е. в пределах предложения и, соответственно, от слитного или членимого характера грамматической формы. Соответственно, выражение грамматических значений в пределах слова (морфологическими категориями) свидетельствует о синтетизме, вне (в рамках синтаксических конструкций) – об аналитизме.

И тот и другой способы выражения грамматических значений зафиксированы как в русском, так и в аварском языке. Об аналитизме обычно говорят, когда имеется в виду использование служебных слов, которые, если говорить об именном словоизменении, сводятся к предлогам в русском языке и послелогам в аварском:

рус. *в небо, на море, над облаками, под столом, по дороге, через вселенную, от винта*

ав. *столалда тIад* «на столе», *ВатIаналъе гIоло* «ради Родины», *клубалда нахъа* «за (позади) клубом», *рукъалда жанив* «в доме», *гъотIода аскIосан* «мимо дерева», *дида цеве/цее* «передо мной».

По мнению В. Г. Гака [1977: 87], сюда можно отнести также окружение («замена слов, с которыми синтаксически связан данный элемент; изменение порядка элементов»), однако здесь, на наш взгляд, мы выходим за пределы морфологии и вторгаемся в сферу лексики. Ср.:

рус. *за деревом – под деревом – перед деревом – над деревом*

ав. *рукъалда жанив* «в доме» – *рукъалда аскIов* «около дома» – *рукъалда цеве* «перед домом» – *рукъалда нахъа* «за домом».

В специальных работах отмечается, что аналитизм шире представлен в дагестанских языках, нежели в русском. Данное утверждение базируется на примерах расхождений в выражении таких грамматических значений, как падеж (в ряде дагестанских языков и число) несамостоятельных прилагательных и числительных, ср. рус. *большой (дом) – большого (дома)*, но авар. *кIудияб рукъ – кIудияб рукъальул*; *два (дома) – двух (домов)*, но авар. *кIуго рукъ – кIуго рукъальул*; степени сравнения прилагательных и др.

Возвращаясь к таким характеристикам сравниваемых языков, как флективность и агглютинативность, надо заметить, что в лин-

гвистике понятия флективности и агглютинации (агглютинативности) используются несколько шире, чем было указано выше. В частности, как явление флективности трактуется совмещение означаемых, которое заключается в том, что одна морфема в пределах конкретной словоформы заключает в себе сразу несколько грамматических значений.

В русском языке совмещение означаемых представляет собой весьма характерное явление и обнаруживается почти во всех флексиях. Например, *-у* в *дом-у* выражает дательный падеж и единственное число; еще более развито это явление у прилагательных, где одной морфемой выражаются одновременно род, число и падеж.

В аварском языке каждая морфема в конкретной словоформе имеет лишь одно закрепленное за ней значение. Случаи же совмещения означаемых, подобные описанным выше, выявляются в наличии классно-числовых показателей: «большой» – *кIудия-в* 1 кл. ед.ч., *кIудия-й* 2 кл. ед.ч., *кIудия-б* 3 кл. ед.ч., *кIудия-л* мн.ч. Как видно, в первых трех формах соответствующие показатели совмещают значения класса и числа. Аналогичный пример дают показатели косвенной основы, выражающие, кроме того, следующие значения: *-ас-* 1 кл. ед.ч., *-аль-* – 2/3 кл. ед.ч., *-аз-* – мн.ч.

Наконец, в этом же ряду следует рассматривать локативные формы, выраженные с помощью классовых показателей. ср. *жани-в* (при субъекте/объекте I кл.), *жани-й* (при субъекте/объекте II кл.), *жани-б* (при субъекте/объекте III кл.) *жани-р* (при субъекте/объекте мн. числ.) «в доме». Тем не менее механика совмещения здесь иная: классный показатель означает классно-числовую принадлежность определенного именного члена предложения и в то же время его наличие само по себе служит индексом локализации «внутри».

Несмотря на наличие примеров подобного вида, для аварского языка больше характерна раздельность означаемых. Это, конечно, не может не свидетельствовать в пользу более выраженного агглютинирующего характера аварской именной морфологии по сравнению с русской. Соответственно, свойственное русскому языку совмещение означаемых говорит в пользу его флективного характера.

По-видимому, сквозь призму дихотомии флективность/ агглютинативность могут рассматриваться также явления грамматической синонимии (выражения одного и того же значения различными формами, т.е. при помощи свободных вариантов морфем) и грамматиче-

ской полисемии (омонимии, т.е. способности одного и того же звукового комплекса выражать разные грамматические значения).

Морфологическая (не обусловленная контекстно) синонимия довольно редко встречается в языках мира. Более широко представлено связанное с этим явление вариантности, когда выбор конкретного варианта морфемы зависит от основы.

В русском языке вариантность морфем в имени проявляется в следующих случаях:

а) показатели множественного числа (им. пад.): *стол-ы, ученики, дом-а, граждан-е, больш-ие*;

б) падежные показатели:

- именительный падеж: *стол* (нулевой показатель), *рук-а, сел-о, пол-е* (+ показатели мн. числа; см. выше; + показатели прилагательных и т.д.);

- родительный падеж: *стол-а, рук-и, стол-ов, рук* (нулевой показатель), *пол-ей* и др.;

- дательный падеж: *стол-у, рук-е, стол-ам, ноч-и* и др.;

- винительный падеж: *стол, рук-у, ученик-а, ученик-ов* и др.;

- творительный падеж: *стол-ом, рук-ой, ночь-ю* и др.;

- предложный падеж: *(в) стол-е, стол-ах, пут-и* и др.

Аварскому языку менее свойственна вариантность морфем, которая проявляется по существу лишь в существенном разнообразии аффиксов множественного числа имен существительных, выбор которых зависит от характера основы, а также в наличии различных вариантов показателей эргативного падежа:

а) показатели множественного числа (им. пад.): *бер-ал* «глаза», *къуркъ-би* «лягушки», *рукъ-зал* «дома», *гьудул-заби* «друзья», *гьуж-дул* «плечи», *хIам-ул* «ослы», *хIанчI-и* «птицы» и т.д.;

б) показатели косвенной основы (род. падеж): *бер-зу-л* «глаза», *къоркъ-о-л* «лягушки», *рукъ-аль-уль* «дома», *гьудул-ас-ул* «друга», *гьад-и-л* «вороны», *хIалтI-у-л* «работы» и т.д.

Таким образом, морфологическая вариантность более свойст-

венна русскому языку, что, несомненно, связано с его большей флективностью по сравнению с дагестанскими языками. В то же время свободная синонимия форм шире распространена в аварском языке. От отмеченных выше явлений мы отличаем вариантность обусловленную морфонологически:

- употребление аварских показателей аблатива *-са* и *-а* в различных сериях в зависимости от гласного или согласного исхода показателя серии;

- употребление показателей косвенной основы, обусловленное лексически (оппозиция некоторых вариантов носит семантический характер, ср. *-ас-* муж. кл., *-аль-* жен., ср. кл., *-аз-* мн. число).

Омонимия морфологических единиц, т.е. способность одной и той же звуковой последовательности выражать разные грамматические значения, характерна для обоих языков. Например, морфема *-л* в аварском языке является формантом родительного падежа (*инсу-л* «отца»), множественного числа субстантивов (*вац-ал* «братья»), грамматического класса прилагательных (мн. число: *хирия-л* «дорогие»), вариантом показателя косвенной основы в локативе (*школа-лда* «в школе»), словообразовательным суффиксом существительных (*ретле-л* «одежда»).

В русском языке грамматическая омонимия также имеет широкое распространение, например, морфема *-а* может передавать значение им.п.ед.ч. ж.рода (*лис-а*), им.п. мн.ч. ср./муж.рода (*дом-а, тел-а*), р.п.ед.ч. ср./муж.рода (*дом-а, тел-а*), вин.п. ед.ч. муж.рода, одуш. (*человек-а*), морфема *-у* – значение вин.п.ед.ч. ж.рода (*лис-у*), дат.п. мн.ч. ср./муж.рода (*дом-у, тел-у*), р.п.ед.ч. ср./муж.рода (*[кило] сахар-у*), дат.п. ед.ч. муж.рода, одуш. (*[в] лес-у*) и др. Приведенные выше ряды можно легко продолжить, если учесть данные глагольной морфологии; ср. *-а* в функции показателя ед.ч. жен. рода в прош. времени глагола (*ушл-а*), деепричастия наст. вр. глагола (*держ-а*).

Русский язык отличается большим разнообразием флексий по сравнению с аварским, поэтому омонимия в морфологии в количественном отношении более свойственна русскому языку, однако ее удельный вес среди общего числа грамматических формантов оказывается выше в аварском языке.

Таким образом, можно считать, что грамматическая омонимия более присуща русскому языку. Омонимия формантов в русском языке часто приводит к омонимии словоформ, что для аварского языка – редкое явление. Ср.

рус. *злой (человек), злой (судьбы), злой (судьбе), злой (удел – им./вин.), злой (судьбой), (о) злой (судьбе)*.

В аварском языке грамматическая омонимия не достигает такой степени, как в русском. Определенный параллелизм между русским и аварским языком наблюдается в близости форм выражения именительного падежа множественного и родительного падежа единственного числа (рус. *рук-и, пол-я* – авар. *гИи-ял* «овцы», где в обоих языках средством различения грамматических форм является позиция ударения).

3. Принципы организации именной парадигмы

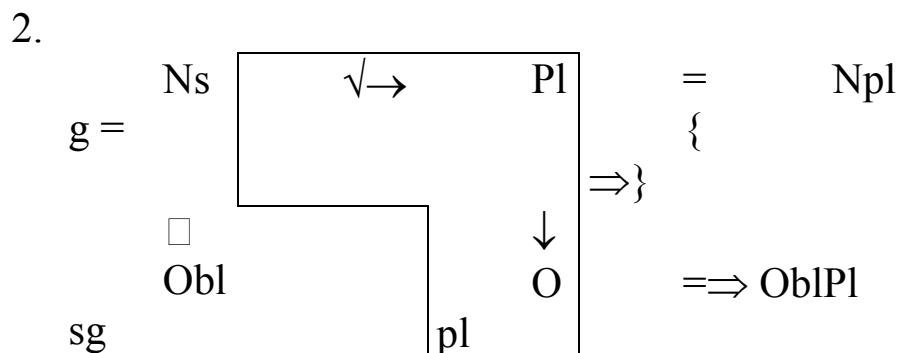
Одним из важнейших компонентов характеристики формальных особенностей именного словоизменения в сравниваемых языках является модель словоизменительной парадигмы. В специальном исследовании, посвященном выявлению основных парадигматических схем именного словоизменения в дагестанских языках, А.Е.Кибрик [Кибрик, Кодзасов 1990: 252-253, 259] охарактеризовал аварское склонение как реализующееся в следующих схемах:

$$\begin{array}{ccccccc}
 1. & & & & & & \\
 \text{Nsg} = & \sqrt{\rightarrow} & \text{Pl} & = & \text{Npl} & & \\
 & & & \Rightarrow & & & \\
 & \downarrow & \downarrow & & & & \\
 \text{Oblsg} \square & \text{Osg} & \text{Opl} & \Rightarrow & \text{OblPl} & &
 \end{array}$$

Данная схема может быть проиллюстрирована фрагментом парадигмы слова *вас* «мальчик, сын» (Nsg), *вас-ас* (Oblsg), *вас-а-л* (Npl), *вас-а-з* (OblPl). Как видно, специфику склонения аварского языка составляет то, что именительный падеж множественного числа не может быть приравнен к основе плюралиса, а образуется от нее с помощью окончания *-л*. Другим морфологическим решением по поводу

интерпретации данной парадигмы может быть признание формы номинатива общей основой плюралиса, от которой косвенная образуется уже усечением *-л* перед показателем косвенной основы *-з-*.

На материале чадаколовского говора приведенная выше схема признается А.Е. Кибриком ведущей. Как было показано на нашем примере, в этом аспекте чадаколовский говор следует нормам литературного языка.

Отличием данной схемы от первой модели является отсутствие специальной косвенной основы единственного числа (вариант морфологического решения: нулевой показатель косвенной основы; по А.Е.Кибрику [1990: 304], «возможна иная интерпретация, при которой к основе на гласный присоединяется показатель *-i/a/o/u*, тождественный конечному гласному основы. Особенно это правдоподобно при перенесении ударения на конечный гласный»). Судя по примерам, в этой схеме чадаколовский говор отличается от литературного аварского. В последнем о единой основе склонения в единственном числе можно говорить в отношении имен собственных, где «вставочный» *-и-* (ср. *Расул* – эрг. *Расул-и-ца*, род. *Расул-и-л* и т.д.) можно объяснять фонетическими причинами.

Последнее, однако, не совсем верно, если учесть форму датива *Расул-и-е* при *вас-ас-е* сыну». В случае фонетической природы *-и-* ожидалась бы форма **Расул-е*.

Независимо от конкретных морфологических интерпретаций, объясняющих отдельные особенности аварской именной парадигматики, можно констатировать, что модель склонения, характерная для

аварского языка с выделением нескольких словоизменительных основ, вообще не представлена в русском. Это обусловлено, прежде всего, совмещением в русском языке в одной морфеме значений числа и падежа, что дает упрощенную схему с именительным падежом, совпадающим с исходной основой:

$$Nsg = \sqrt{\Rightarrow} Oblsg, Npl, OblPl.$$

Примером реализации этой схемы может служить парадигма слова *завод*:

Ед.		Мн.	
Им.	<i>завод</i>		<i>завод-ы</i>
Род.	<i>завод-а</i>		<i>завод-ов...</i>

Разнообразие парадигматических схем в русском именном словоизменении достигается наличием различных чередований и разноместным ударением. Так, в словах с беглыми *е* и *о* налицо противопоставление двух основ основы именительного падежа единственного числа и второй основы, единой для всех остальных форм. Ср.:

$$Nsg = \sqrt{\rightarrow O} \Rightarrow Oblsg, Npl, OblPl.$$

Примером реализации этой схемы может служить парадигма слова *сон* с противопоставлением основ *сон* и *сн-*:

	Ед.		Мн.
Им.	<i>сон</i>		<i>сн-ы</i>
Род.	<i>сн-а</i>		<i>сн-ов...</i>

Лексемы с разноместным ударением реализуют схему с двумя равноправными основами. Ср.:

$$1) Sg (УДАРН.) \leftarrow \sqrt{\rightarrow} Pl (БЕЗУДАРН.)$$

Примером реализации этой схемы может служить парадигма слова *лес* с противопоставлением ударной и безударной основ :

	Ед.		Мн.
Им.	<i>лес</i>		<i>лес-аб</i>
Род.	<i>лес-а</i>		<i>лес-обв...</i>

2) Sg (БЕЗУДАРН.) $\sqrt{\rightarrow}$ Pl (УДАРН.)

	Ед.	Мн.
Им.	<i>трав-аб</i>	<i>трабв-а</i>
Род.	<i>трав-ыб</i>	<i>трав...</i>

Если в предыдущем типе исходную основу можно было приравнять к номинативу ед. числа, то здесь она уже совпадает с генитивом множ. числа. Возможность выделения в качестве исходной не только формы номинатива является еще одной характерной чертой русской именной парадигматики.

2) Sg, Pl (БЕЗУДАРН.) $\sqrt{\rightarrow}$ ObI Pl (УДАРН.)

	Ед.	Мн.
Им.	<i>губ-аб</i>	<i>губб-ы</i>
Род.	<i>губ-ыб</i>	<i>губ</i>
Твор.	<i>губ-обй</i>	<i>губ-абми</i>

В этой парадигме мы условно подразделили падежи на прямые (им., вин.) с безударной основой множественного числа и косвенные (родительный, дательный, творительный, предложный). Безударность основы родительного падежа определяется по словоизменению слов мужского рода.

Интересно, что в русистике подобные парадигмы описываются не как противопоставляющие ударные и безударные основы, а как парадигмы с переходом ударения с основы на окончания, причем основа в соответствии с таким описанием остается неизменной. Это, на наш взгляд, вызвано тем, что множественность наборов окончаний существительных приводит к тому, что более эксплицитным описание русского именного словоизменения выглядит через описание парадигматических классов с единой, но видоизменяющейся основой.

Существенным отличием аварской именной парадигмы (присущей, впрочем, и другим дагестанским языкам) является ее иерархическое строение, обусловленное наличием локативных падежей, представляющих серийную модель образования, при которой форманты собственно локатива, аллатива, аблатива и транслатива присоединяются не к основе (прямой или косвенной), а к основе, осложненной показателем серии («локализации»). Таким образом, в единой парадигме имени выделяются несколько подпарадигм: во-первых, подпа-

радикала общеграмматических (абстрактных, позиционных, синтаксических...) падежей, не осложненных показателем локализации, и подпарадигмы местных (пространственных) падежей.

Различия в именной парадигматике сравниваемых языков характеризуются также такими признаками, как количество парадигматических классов (типов склонения), сопряженное с вариантностью аффиксальных и корневых морфем, а также наличие дефектных парадигм и синкретических форм. Ряд этих проблем был рассмотрен выше (см. выше: «Особенности выражения грамматических значений в сопоставляемых языках»).

Как известно, в сравниваемых языках выделяется по три типа склонения. Однако принципы их выделения различны. С одной стороны, в русском языке имеется значительное количество различных подтипов. С другой стороны, если для аварского языка признать показатели *-ас*, *-аль*, *-аз* (мн.) и *-ца* единицами с разными функциями (первые три образуют косвенную основу и лишь последний является действительным окончанием активного падежа⁶), то придется пересмотреть и классификацию типов склонения, поскольку набор падежных окончаний I и II склонений, различающихся образованием активного падежа (*-ас* и *-аль* соответственно), в этом случае оказывается тождественным с нулевым окончанием эргатива и в том и в другом случае. В связи с этим уместно вспомнить классификацию Л. И. Жиркова, который различал «живое» и «архаическое» склонения, различая их следующим образом: «В «живом» и «архаическом» типе склонения отношения между Act. и производными от него падежами не одинаковы. В живом склонении к Act. прибавляются формативы Dat. и Poss., все местные падежи образуются сменой окончаний Poss. на окончание соответствующего Loc.; в архаическом склонении окончание Act. непосредственно сменяется окончаниями Dat., Poss. и всех Loc.»⁷

⁶ Ср.: "Если учесть, что форманты *-ас* и *-аль*, а также *-аз* во мн. числе, по существу, являются показателями косвенной основы, вопреки распространенной традиции считать их формантами эргатива, то в качестве специальных суффиксов данного падежа следует выделять *-ца*, *-льа*, *-д* и (при *-ас*, *-аль*, *-аз*) нулевой показатель" [см. Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М., 1988. – С. 23].

⁷ Жирков Л. И. Развитие частей речи в горских языках Дагестана// Языки Северного Кавказа и Дагестана. Вып. I. М., 1935. – С. 163.

ГЛАВА II

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В АВАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

1. Место имени существительного среди других частей речи в сравниваемых языках

Лексико-грамматические группы слов, называемые частями речи, выделяются во всех языках мира, хотя инвентарь частей речи в них может в разной степени варьировать. Подобные различия обусловлены прежде всего особенностями сравниваемых языков, однако иногда это является следствием того, что разные исследователи при выделении частей речи используют не совпадающие критерии (это особенно важно учитывать в сопоставительной грамматике, требующей единых подходов к описанию в обоих компонентах сравнения).

Выделение частей речи опирается на целую совокупность признаков, которые, как правило, пересекаются, т.е. частично противоречат друг другу. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

По мнению В.Г.Гака [1977: 97] одним из центральных признаков, дифференцирующих части речи, является способ отображения элементов действительности, разлагающийся на несколько элементарных признаков: непосредственно/ опосредованно, самостоятельно/ несамостоятельно, расчлененно/ нерасчлененно. Применение этого признака позволяет различать основные части речи (существительные, прилагательные, глаголы, наречия) и дополнительные (междометия, местоимения, служебные слова). Основные части речи обозначают элементы действительности непосредственно, самостоятельно и расчлененно. В противоположность им, местоимения обозначают эти элементы не непосредственно, а через замещаемые ими слова и по соотносительности с участниками речи. Что касается служебных слов, то они лишены способности самостоятельно обозначать элементы действительности и служат для связи других элементов высказывания или же выражения различных дополнительных значений. В свою очередь, междометия обозначают явления действительности в нерасчлененном виде (отсюда их невозможность выступать в качестве членов предложения, предполагающего расчлененное представление описываемой реальности).

Местоимения и междометия, как видно из вышеизложенного, не входят в число основных частей речи, однако объединяются с ними в группу знаменательных частей речи, противостоящую по признаку «самостоятельно / несамостоятельно» служебным словам. С этой точки зрения аварский и русский языки не обнаруживают расхождений.

Второй дифференциальный признак частей речи – характер отображаемых элементов. На основе этого признака различаются существительные (S – наименование субстанции), глаголы (V – наименование процессов), прилагательные и наречия.

Два отмеченных признака пересекаются: так, среди местоимений можно найти местоименные существительные (*щи-в – кто*), прилагательные (*гьа-в – этот*), наречия (*до-б-а – там*), глаголы (например, аварский глагол-заместитель ограниченного употребления *щиби-зе* «что делать»). Среди служебных слов можно найти субстантивные элементы, адъективные (некоторые частицы), адвербиальные (пространственные предлоги и послелоги) и глагольные (глаголы-связки).

Более традиционное деление частей речи опирается на совокупность трех признаков: семантического (общее категориальное значение), морфологического (наличие специфических грамматических категорий) и синтаксического (функции в предложении). Как правило, преимущество при этом отдается морфологическому признаку. Соответственно, в языках синтетического строя части речи выражены более четко по сравнению с языками аналитическими.

В соответствии с представленной выше классификацией в аварском и русском языках различаются четыре основные части речи, хотя имеются определенные различия в степени их взаимной дифференциации.

В аварском языке, например, краткие прилагательные и наречия имеют гораздо больше точек соприкосновения, нежели в русском, хотя и здесь краткое прилагательное в форме среднего рода почти не отличается от наречия (*хорошо, холодно*). Как в русском, так и в аварском часто адвербиализируются косвенные падежи существительных (*утром, вечером, стрелой*).

Отношения между этими частями речи тесны в обоих языках. Особенно легко здесь совершается переход прилагательного в существительное, однако в русском этот процесс заметно активнее. С другой стороны, специфику аварского языка составляет возможность

контаминации прилагательного и генитива существительных: *лъима-дул(аб) – детей / детский*. Размытость границ между глаголом и именем в аварском демонстрирует наличие глагольного имени – масдара, объединяющего глагольные и именные свойства.

Глагол переходит в прилагательное только в форме причастия, которое в аварском в определенных случаях выступает в качестве предикативного члена. В русском имя может выступать предикатом в ограниченном типе конструкций предложениях, причем аварский язык требует использования в подобных предложениях вспомогательного глагола: *Он мой друг – Дов дир гьудул вуго*.

Деепричастие, в свою очередь, сближается с наречием, что, по-видимому, особенно характерно для русского языка (ср. *молча, сидя*).

Интересны данные о распределении слов по частям речи в сравниваемых языках:

	Русский язык ⁸		
	Обратный словарь (120000)	Частотный	словарь
(1250)			
	Существительное	46,3	40,7
	Глагол	30,7	22,4
	Прилагательное	20,4	15,4
	Наречие	1,6	10,3
	Прочие	1,0	11,2

В аварском языке, по нашим подсчетам, на материале различных оригинальных текстов распределение слов по частям речи (в процентах) выглядит следующим образом:

Существительное	44
Глагол	28
Наречие	8
Местоимение	7
Числительное	7
Прилагательное	2
Прочие	4

Таким образом, в обоих сравниваемых языках существительное

⁸ См. Гак 1977: 103.

доминирует в количественном отношении среди прочих частей речи.

Говоря о служебных словах, следует отметить отсутствие в аварском предлогов и соответствующее функционирование послелогов, в то время как союзы, связки (как особая часть речи не выделяются) и частицы в равной степени присущи обоим языкам.

§ 2. Грамматические категории и лексико-грамматические разряды имен существительных в сравниваемых языках

Имя существительное как часть речи, выражающая предметность, в сравниваемых языках, как и во многих других языках мира, характеризуется рядом особенностей, проявляющихся на различных уровнях языковой структуры: своей семантикой (можно считать, что ядерную группу здесь составляют конкретные имена – предметные, в т.ч. одушевленные и неодушевленные, и вещественные), грамматической формой (набором грамматических категорий: падежа, числа, – словоизменительных, рода, одушевленности/ неодушевленности, конкретности, вещественности, собирательности, отвлеченности, субъективной оценки – классифицирующих) и синтаксическими функциями (оно выступает в предложении подлежащим и дополнением, а также всеми другими членами предложения (сказуемым, определением, обстоятельством; в то же время с ним согласуются прилагательное и глагол). Существительное обладает также своими средствами словообразования (главным образом суффиксами и типами сложных слов).

В обоих языках в структурной организации именного словаря определенную роль играют более или менее совпадающие по лексическому составу и общему значению лексико-семантические группы имен. Так, абстрактные существительные (названия действий, качеств, состояний) и в русском и в аварском, так же как и имена собственные, относятся к периферийным разрядам существительных, что, в частности, находит свое отражение в том, что абстрактные существительные, за весьма редкими исключениями, оказываются образованными от глаголов и прилагательных с помощью специальных суффиксов.

Абстрактным существительным русского языка, образованным

от прилагательных и существительных, в аварском соответствуют также производные имена существительные, образованные с помощью продуктивного суффикса =льи, например: *белизна* – *хъахIльи* (от *хъахI-аб* «белый»), *старость* – *херльи* (от *хер-аб* «радостный»), *братство* – *вацльи* (от *вац* «брат»), *человечность* – *Гладанльи* (от *Гладан* «человек») и т.п.

Абстрактным существительным, образованным от глаголов в русском языке, во многом соответствует аварский масдар: например: *цIали* «читать» и «чтение», *тунки* «стучать» и «стук». Масдар содержит в себе больше характерных глагольных признаков, чем отглагольное существительное (ср., например, выраженность в масдаре категории переходности глагола, наличие классного показателя и др.).

Имя существительное в сравниваемых языках имеет следующие грамматические категории:

категории	аварский язык	русский язык
род / класс	+	+
число	+	+
одушевленность	-	+
частичность	-	+
падеж	+	+
локализация	+	-

Как видно из таблицы, существительное русского языка в оппозициях своих форм выражает в целом пять грамматических значений, тогда как существительное аварского языка – четыре. Категория рода является наиболее ярким, характерным морфологическим признаком существительного в русском языке. Категория рода в русском языке – явление, на наш взгляд, вполне сопоставимое с аварским материалом, поскольку последний имеет категорию грамматического класса, принципы функционирования которой аналогичны родовым классификациям.

Категория рода в русском языке связана с одушевленностью объектов, обозначаемых существительными. Кроме того, одушевленность в русском выражена морфологически противопоставлением

форм винительного падежа: во множественном числе (*вижу людей, животных – вижу поля, реки*), в единственном числе – только у существительных мужского рода (*вижу дом – вижу человека*). В аварском, как и во всех языках, знакомых с явлением именной классификации, система грамматических классов, связанная с полом и одушевленностью объектов, по существу заменяет в определенной мере категорию рода [ср. Есперсен 1958: 263].

Категории рода и класса

В обоих языках лексико-грамматическая классификация находит свое формальное выражение. При этом в аварском языке, в отличие от русского языка, исследователи предпочитают говорить не о родах, а о грамматических классах. На наш взгляд, несмотря на неравнозначность конкретного разбиения именного словаря, лежащий в основе этого разделения принцип по существу один и тот же. Поэтому не случайно в школьном учебнике аварского языка говорят не о грамматическом классе, а о роде (*жинс*) существительного. Дополнительным аргументом в пользу такой трактовки является тот факт, что принадлежность существительного к определенному классу может быть выяснена на основе согласования существительного с глаголом или с прилагательным, так как эти части речи при определенных условиях показывают с помощью специальных морфем (классных показателей), к какому классу/ роду относится данное имя.

В русском языке имена существительные классифицируются на мужской (названия мужчин: *отец, брат, столяр, мальчик, хозяин; животных-самцов: слон, козел, петух*, ср. также недифференцированные по полу обозначения типа *таракан, паук* и т.п. + неодушевленные имена: *стол, дуб, очаг, дом* и т.д.), женский (названия женщин: *мать, сестра, золовка, доярка, животных-самок: коза, кошка, корова*⁹, ср. также недифференцированные по полу обозначения типа *рыба, лягушка, змея, муха* + неодушевленные имена: *поляна, луна, кружка, сосна*), средний (неодушевленные имена + некоторые одушевленные, как правило, обобщенные названия типа *животное, на-*

⁹ Интересно, что для нейтрального обозначения вида, без дифференциации по полу употребляются слова женского рода: *Наша бабушка разводит гусей, кур, уток, овец, лошадей.*

секомое и т.д.). Любопытно, что роль немаркированного члена выполняет здесь мужской род: его форма обычно принимает на себя функции «общего» рода. Кроме того, к мужскому роду обычно относятся и названия детенышей:

В аварском языке имена делятся на три класса (рода). К первому классу относятся названия мужчин: *эмен* «отец», *имгIал* «дядя», *эмен* «отец», *бихьинчи* «мужчина» и т. д.

Ко второму классу относятся названия женщин): *чIужу* «женщина», *лъади* «жена», *эбел* «мать» и т.п.

К третьему классу относятся все названия животных, предметов, абстрактных понятий. Сюда относятся: *борохь* «змея», *ургьисала* «почка», *гIарац* «деньги», *мучари* «просо», *рукь* «дом», *хIариц* «грязь, глина», *хьибил* «бок», *магь* «охапка, вязанка», *тIавус* «павлин», *турут* «дорожка, палас», *гьуни* «стог», *иц* «моль», *хер* «трава», *чарх* «колесо», *шагьар* «город», *бер* «глаз», *аманат* «поручение», *чIоло* «ремень», *чирахь* «свеча, лампа», *нильу* «подбородок», *къо* «день», *хьабахь* «тыква» и т. д.

Таким образом, род (класс) существительного в аварском языке определяется отнесенностью к категории человека и полом обозначаемого лица. Соответственно, одушевленность и неодушевленность также не имеют в аварском языке специального грамматического выражения.

В русском языке род существительного детерминирован семантически только для одушевленных имен (т.е., в отличие от аварского, и для большого количества названий животных). В остальных случаях род существительного может быть определен по его морфологическим признакам, в первую очередь по структуре именительного падежа: существительные с основой на твердый согласный (за исключением шипящих), а также на *й*, не имеющие окончаний (с нулевой флексией): *город, лотос, воз, стон, волк, край, воробей*, – относятся к мужскому роду; слова с окончанием *-а (-я)* относятся к женскому роду; слова с окончанием *-о* (после мягкого – *-е*) – к среднему роду. Слова с основой на мягкий согласный, а также на твердые шипящие (*ш, ж*) распределяются по родам в зависимости от типа склонения (диагностической считается форма родительного падежа: слова, имеющие в родительном окончании *-а (-я)*, принадлежат к мужскому ро-

ду: *кремень – кремня, мяч – мяча, нос – носа*, а с окончанием *-и* – женскому: *сирень – сирени, мышь – мыши, помощь – помощи*.

Такая зависимость рода от морфологической структуры является действующим законом современного русского языка, в соответствии с которым вновь входящие в язык заимствования и новообразования характеризуются с точки зрения рода в соответствии с этими признаками. Конечно, необходимо иметь в виду и ряд исключений:

1. К мужскому роду относятся оканчивающиеся на *-а, -я* существительные, обозначающие лиц мужского пола: *дедушка, дядя, папа, староста, судья, юноша*. Эта группа слов не является продуктивной, т.е. уже не пополняется новыми членами. В названиях животных действует морфологический принцип: здесь род определяется, не по признаку пола, а по окончанию: *слон, буйвол, медведь (медведя), соболь - соболя, грач — грача* - мужского рода; *кукушка, пантера, рысь - рыси* - женского рода.

2. К мужскому роду относятся существительные с суффиксами оценки *-ишко, -ище, -ушко*, образованные от существительных мужского рода и обозначающие те же предметы, что и слова, от которых они образованы: *город - городишко, двор - дворишко, дворище, мост - мостишко, мостище, хлеб - хлебушко*. При обособлении по значению слов с перечисленными суффиксами они включаются в средний род согласно окончаниям: *березовое топорище, древнее городище, мрачное пожарище*. В то же время сохраняется мужской род существительных, образованных с помощью суффикса увеличительности *-ина*: *огромный домина, толстый носина, мостина, зверина*. Также названия животных с суффиксами *-ишк-, -к-*, образованные от слов мужского рода, сохраняют мужской род: *волк - волч-ишк-а, заяц - зайч-ишка*, а также *зайка, соловей - соловушка, ери - ери-ишк-а, окунь - окуп-ишк-а*.

Аварский язык демонстрирует аналогичные особенности лишь в единичных примерах с префиксальным классным показателем – *вас» сын», вац» брат», но яс» дочь», яц» сестра»* – или же в субстантивированных адъективах, включающих классный суффикс (*бахIара-в» жених» – бахIара-й» невеста»*). К явлениям того же порядка можно отнести и функционирование обусловленных родовой (классной) принадлежностью соответствующих имен показателей косвенной основы *-ас* (муж.), *-аль* (жен./средн.).

Особого внимания заслуживают примеры функционирования в

обоих языках слов «общего рода», когда род существительного варьирует в зависимости от того, кто является действующим лицом, названным данным словом, мужчина или женщина, например: *врач, агроном, инженер, техник* и т. д. При этом, как отмечается в литературе, в русском (это особенно характерно для официального языка) усиливается тенденция пользоваться одним словом мужского рода для обозначения лиц обоего пола по профессии, социальному положению, например: *Сотрудники Петрова, Николаева, Сергеева представлены к премии*. Разговорный язык при этом чаще пользуется разными названиями для обозначения лиц мужского и женского пола: *работник – работница, студент – студентка, продавец – продавщица*.

К словам общего рода относятся также слова с окончанием *-а*, выражающие оценку по отношению к лицам мужского и женского рода: *Вася - большой **неряха**; Наташа - большая **неряха***, ср. также: *белоручка, грязнуля, забияка, неженка, горемыка, лакомка, недотепа, недотрога, непоседа, плакса, работяга, сладкоежка, торопыга, умница* и другие.

Важно отметить, что род неодушевленных имен влияет на интерпретацию обозначаемых этими словами предметов и явлений, например, *Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана* [М.Л.]. Ср. также образы времен года и т.п.: *зима - старуха, весна - красная девушка, дед Мороз* и т.п.

Категория числа

Категория числа определяется в современной лингвистической литературе как «грамматическая категория, выражающая количественные характеристики предметов мысли» [ЛЭС 1990: 583]. В этом отношении грамматическая категория числа мыслится как одно из частных проявлений более общей языковой категории количества, которая может выражаться и лексически: с помощью числительных или других частей речи (ср. *двойка, единственный, мало* и т. п.).

Имена существительные в русском и аварском языках противопоставляют единственное и множественное число, обозначая один или несколько предметов. При этом единственное число в обоих языках выражается немаркированной формой, в то время как множественное оформляется специальными аффиксами. Ср.:

авар.

рус.

Единственное число:

Къурабазда гьоркъоб буго *Заметив за селением*
дир росу[Р.ХІ.] «Среди скал мое *усадыбу на пригорочке, пошли*
селение» *пока – глядеть* [Н.Н.]

Множественное число:

Районалъул бутӀрулги *Есть женщины в русских*
гъевгун цадахъ росабалъе ине селеньях с спокойною важно-
къачІана [Р.ХІ.] «Районные на- *стью лиц...*[Н.Н.]
чальники с ним вместе собра-
лись ехать в **селения**»

Единственное число нередко выступает в обоих языках как нейтральный член оппозиции, ср. ав. *Гъанже абула росуль цо дибирас хутІизегІан, киназго тІехъ цІалулин* [Р.ХІ.] «Теперь, говорят, в селе, за исключением муллы, все **книги** (букв. книгу) читают». Хотя в данном примере в русском переводе использование единственного числа слова *книги* по крайней мере нежелательно, русский язык также не лишен такого рода употреблений, ср. *Любите книгу – источник знаний*. Ср., с другой стороны,

Ана КъурбанГали росабалъа росабалъе лъелго лъади ялагъизе...
[Р.ХІ.] «Пошел Курбанали **из села в село** пешком искать жену»...

Здесь форме множественного числа аварского существительного *росаби* «селения» соответствует нейтральная форма единственного числа русского языка, причем форма множественного в русском языке невозможна.

Некоторые лексемы демонстрируют своеобразное отношение к противопоставлению числовых форм. Например, в аварском языке слово *рукъ* «дом» может употребляться как в форме единственного (ср. *Нухлулав, гъаб дир рукъ гьоркъоб тани, бокъобе глазу-цІер баги дур* [Р.ХІ.] «Путник, если ты пройдешь мимо моего **дома**, снег и град пусть упадут на мой хлев»), так и в форме множественного числа в том же значении (ср. *Вильлъана дун АбутІалибил цІиял рукъзабахъе*[Р.ХІ.] «Я пошел в **новый дом** (букв. новые дома) Абуталиба»).

Особенностью аварского языка является противопоставление форм ограниченной и неограниченной множественности, основные

признаки которых были описаны в специальной статье Я. Г. Сулейманова [1985]. По Я.Г. Сулейманову, оппозиция ограниченного и неограниченного:

<i>ссангабр</i>	«укрепление»	<i>ссангабр-а-л</i>	<i>ссубнгр-у-л</i>
<i>гарацццI</i>	« узелок»	<i>гарацццI-а-л</i>	<i>гарацццI-а-л</i>
<i>чанагъ</i>	«сани»	<i>чанабгъ-а-л</i>	<i>чабнгъ-а-л//чубнгъ-у-л</i>
<i>хъарахъ</i>	«куст»	<i>хъарабхъ-а-л</i>	<i>хъабрхъ-а-л</i>
<i>гIарахъ</i>	«стог»	<i>гIарабхъ-а-л</i>	<i>гIабрхъ-а-л</i>
<i>гIалах</i>	«простор»	<i>гIалабх-а-л</i>	<i>гIаблх-а-л</i>
<i>къалам</i>	«карандаш»	<i>къалабм-а-л</i>	<i>къаблм-а-л</i>
<i>гIачIар</i>	«телка»	<i>гIучIабр-а-л</i>	<i>гIучIр-а-л</i>
<i>тIамах</i>	«лист»	<i>тIамах-а-л</i>	<i>тIабмх-а-л</i>
и т.д.			

По его мнению, отличительными признаками ограниченного мн. числа, сигнализирующего об ограниченном (считанном) количестве предметов, являются «неподвижность, или сохранение одноместности фиксированного ударения исходной формы ед. числа при образовании формы ограниченного мн. числа...; Характерность оформления основы имени ограниченного мн. числа детерминативом *-а-* и нехарактерность оформления его детерминативами *ду-*, *-у-* (<*-ду-*>» [Сулейманов 1985: 117] и др. Надо сказать, что выделенные Я. Г. Сулеймановым признаки обусловлены, по существу, оппозицией продуктивного суффикса *-ал*, формирующего форму ограниченного множественного, и непродуктивных, маркирующих неограниченное. Таким образом, существительные, имеющие продуктивный аффикс множественности (это касается прежде всего заимствований), оказываются вне сферы действия данной оппозиции.

Механизм действия данной оппозиции иллюстрируется следующими примерами на сочетаемость с диагностическими лексемами *дабгъал* «немного (несколько)» и *гIемебр* «много» :

Нежеца дагъал (го) гулал росана (огр. мн. ч.) «Мы взяли немного снопов» – *Нежеца гIемерал гулал росана* (неогр. мн. ч.). «Мы взяли много снопов» и т.п.

В русском языке подобные семантические различия могут быть выражены лишь с помощью соответствующих лексем.

Различные формы множественного числа у некоторых существ-

вительных могут сигнализировать о лексической дифференциации, ср. *лист* – *листы* (бумаги, железа), *листья* (дерева); *хлеб* – *хлебы* (испеченные), *хлебаб* (в поле); *зуб* – *зубы* (во рту), *зубья* (пилы); *повод* – *поводы* (основание, причина), *поводья* (у узды); образ – *образы* (художественные), *образаб* (иконы); *тон* – *тоны* (музыкальные), *тона* (оттенки цвета); *сын* – *сыновья* (дети), *сыны* (торжественно и переносно: *сыны отечества*). В аварском языке подобные различия еще более редки, ср. *цIер* – *цIурдул* «льды» – *цIерал* «стекла».

Аварский язык отличается от русского также наличием специального выражения распределительного (дистрибутивного)¹⁰ множественного – путем редупликации соответствующего существительного или числительного (в последнем случае говорят о специальном разряде распределительных числительных), ср.

Цо кIудияв чи вачIунаан инсухье мех-мехаль [Р.ХІ.] «Один старик приходил к отцу **время от времени**».

Цо-цо районалда цо-цо гIабдалги вукIуна [Р.ХІ.] «В каждом районе по одному дураку бывает».

Как видим, одной форме выражения в аварском языке в русском соответствуют две различные формы: местоимение *каждый* и распределительное наречие *по-одному*.

В обоих языках имеются существительные, употребляемые только в единственном или же только во множественном числе, хотя специфика их проявления различна. Как отмечается в специальной литературе [Мадиева, Самедов 1988: 98-100], к существительным *Singularia tantum* в аварском языке относятся следующие группы существительных:

1) существительные, обозначающие конкретные предметы, не поддающиеся счету, в основном жидкие (*би* «кровь», *лIим* «вода», *рахь* «молоко», *чIагIа* «буза», *чагIир* «вино» и т.п.), сыпучие (*ханжу* «мука», *рахьу* «зола», *ниха* «овес», *хIур* «пыль» и т.п.), газообразные (*гьава* «воздух», *кIкIуй* «дым» и т.п.) и иные вещества (*гьан* «мясо», *нису* «творог», *ххам* «ткань», *хIатI* «глина», *гьалай* «олово» и т.п.);

2) существительные с абстрактным (отвлеченным) значением (*талихI* «счастье», *гьудуллIи* «дружба», *хIурмат* «почет», *гIайиб* «ви-

¹⁰ Не следует смешивать эту категорию с понятийной категорией дистрибутивного множественного, наблюдаемой в примерах типа *Наклоните голову вперед* (при обращении к нескольким лицам), когда форма единственного числа сигнализирует об одном предмете у каждого из адресатов.

на» и т.п.);

3) существительные, обозначающие единичные предметы (*аллагь* «бог», *бакъ* «солнце», *жужахI* «ад», *моцI* «луна» и т.п.);

4) существительные, обозначающие совокупность однородных предметов (*гьоло* «горох», *гъегь* «скопление камней», *матахI* «вещи», *гIарац* «деньги» и т.п.);

5) существительные-композиции, обозначающие совокупность однородных предметов (*эбел-эмен* «родители», *чехь-бакъ* «внутренности», *гIанкIу-хIелеко* «домашняя птица», *рагIи-хер* «корм для скота» и т.п.). Сюда же можно отнести специфические композиции-повторы с фонетическим преобразованием второго компонента, ср. *гIеретI-меретI* «посуда (кувшины и т.п.)», *гIака-мака*, *оц-моц* «скот (коровы и т. п., быки и т.п.)» и др.

В русском языке обнаруживаются те же лексико-семантические группы слов, имеющих только форму множественного числа, за исключением последней, составляющей специфику аварского языка. Ср.: «Наличие лишь единственного числа у существительных отчетливо связано с принадлежностью их некоторым категориям, обладающим значениями, не допускающими считаемости и множественности. Как отмечалось, сюда относятся:

1) отвлеченные, обозначающие качества и процессы: *честность*, *чистота*, *ходьба*, *пение*;

2) вещественные, обозначающие сплошные массы, не делящиеся на отдельные особи: *известь*, *сахар*, *алюминий*, *олово*;

3) наиболее типичные собирательные, обозначающие группы предметов как единство: *учительство*, *поголовье*, *молодняк*, *листва*, *липняк*» [Гвоздев 1973: 161].

Несколько меньшей степенью общности обладают в сравниваемых языках существительные Pluralia tantum. Так, в русском языке «существительные, не имеющие единственного числа, составляют пережиточную, почти не пополняющуюся новыми словами группу. Вся эта группа свидетельствует об ином понимании множественности, чем в современном языке; при этом у отдельных разрядов, которые можно в ней выделить, отношение к множественности сказывается неодинаково» [Гвоздев 1973: 162]. В аварском языке число подобных существительных также ограничено. Как правило, при этом они имеют коррелирующее существительное единственного числа, но с иным значением *кIулал* «замок» при *кIул* «ключ», *кагьтал* «карты

(игральные)» при *кагъат* «бумага» и т.д.

Категория падежа

В отечественном языкознании исследования, посвященные категории падежа, обычно опираются на определение, данное акад. В. В. Виноградовым, писавшим следующее: «Падеж – это форма имени, выражающая его отношение к другим словам речи... В падежных формах имени существительного отражается понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности» [Виноградов 1972: 132]. Среди дагестановедов популярным является и определение падежа, предложенное Е. А. Бокаревым: «Падеж, фактически данная в языке категория, представляющая единство содержания и формы – является основой для изучения всех формальных разновидностей падежа (как связанных непосредственно меж собой, так и не связанных) и всех семантических разновидностей его употребления (также связанных непосредственно меж собой и не связанных)» [Бокарев 1954: 33].

Падежное словоизменение в русском языке, с одной стороны, объединяет в единую макрокатегорию именные части речи, с другой – выделяет среди них имя существительное. Ср.: «Нет никаких оснований говорить о единой системе склонения в синтетических славянских языках. Каждая склоняемая часть речи здесь имеет свою специфическую, свойственную лишь ей, систему склонения. С системой склонения имени существительного их объединяет в основном число и наименование падежей. Семантические же поля этих падежей и падежные флексии иногда существенно отличаются от семантических полей и падежных флексий одноименных падежей в системе склонения имен существительных» [Дешериева 1974: 149].

Отчасти этому обстоятельству обязан и нетрадиционный подход к выделению падежей в русском языке, который был предложен А. А. Зализняком. В соответствии с принятой им методикой был получен набор из четырнадцати дифференцированных падежных единиц, включающий:

- 1) именительный (самостоятельный)
- 2) родительный (самостоятельный)

- 3) родительный (припредложный)
- 4) родительный (самостоятельный)
- 5) родительный (припредложный)
- 6) дательный (самостоятельный)
- 7) дательный (припредложный)
- 8) винительный (самостоятельный)
- 9) винительный (припредложный)
- 10) творительный (самостоятельный)
- 11) творительный (припредложный)
- 12) предложный (припредложный)
- 13) предложный (припредложный)
- 14) счетная форма (самостоятельная) [Зализняк 1967: 53].

Как видно из приведенного списка, увеличение количества падежей здесь происходит за счет противопоставления самостоятельных и припредложных форм, характерных для личных местоимений 3-го лица (*дать ему, но обратиться к нему*). Поскольку парадигма личных местоимений не является предметом нашего сопоставительного анализа, подобным различием в данном случае можно пренебречь (что практически делает и А.А.Зализняк в последующем изложении русского именного словоизменения). Тем не менее, безусловный интерес вызывает наличие таких единиц, как родительный 1 (*пачка чая*) и 2 (*выпить чаю*), предложный 1 (*в лесу*) и 2 (*о лесе*), а также счетной формы. В русистике полученные таким образом дополнительные падежные единицы не рассматриваются в качестве самостоятельных падежей, а считаются специфическими падежными формами. Важно отметить, что в приведенный выше перечень не вошла и звательная форма. Исключение данной формы из числа падежей некоторые исследователи оправдывают тем, что лишь очень немногие существительные имеют эту ныне практически исчезнувшую форму (ср. *боже, отче, Иисусе Христе, господи, владыко*). На наш взгляд, более важным является то, что звательная форма не может считаться падежной уже по определению, поскольку категория падежа является выражающие синтаксические отношения в предложении. Звательная же форма употребляется изолированно, как вводное слово. Что же касается аварского языка, то здесь подобные формы также фиксируются в незначительном количестве слов. Ср.: «В большинстве случаев обращение бывает оформлено в именительном падеже.

Только для двух слов, наряду с формой обращения в именительном падеже, сохранились старые формы звательного падежа: *васав* «мальчик», «парень», *ясай* «девочка», «девушка». Например: *Васав, дида аскIове вачIа мун* «Мальчик, ко мне подойди ты». *Ясай, мун кие уней?* «Девочка, ты куда идешь?»» [Мадиева 1981: 49].

Заметим также, что, в отличие от русского, аварский язык может включать субъект побудительного предложения в структуру последнего, не оформляя его как обращение. На это показывает падеж подлежащего в следующем примере: в первой и второй строчках при переходном глаголе - именительный, в в третьей строке при переходном - эргатив. Ср.:

*Гъан тIамурал тIаде рахъа,
Тех буцарал гъоркъго чIа,
ЧагIа бугез дунги ахIе* [Р.ХI].
Мясо молотившие, вставайте,
Толокно мешавшие, садитесь,
Бузу имеющие, и меня позовите.

Позиционные падежи

К числу позиционных падежей, т.е. таких, которые преимущественно служат для выражения субъектно-объектных отношений, в русском языке относятся именительный (номинатив), родительный (генитив), дательный (датив), винительный (аккузатив), творительный (инструменталис). Особняком в данном случае стоит предложный, в функции которого входит прежде всего выражение в сочетании с предлогами различных пространственных отношений.

При очевидности своеобразия винительного падежа в русском и эргативного в аварском глубокие содержательные различия именительного (ср. его употребление, эквивалентное русскому аккузативу), родительного (ср. функции аварского генитива, эквивалентные русскому относительному прилагательному) и дательного (ср. использование аварского датива для оформления субъекта глаголов чувствования, с одной стороны, и его противопоставленность аллативам) падежей выявляются при более детальном анализе. Истоки этих различий кроются в типологических расхождениях сравниваемых языков.

В данном исследовании принят метод сопоставления падежных

значений, используемый в работе Т.И.Дешериевой о сопоставлении семантических полей чеченских и русских падежей [Дешериева 1974].

Именительный падеж.

Отличительной особенностью именительного падежа в языках, имеющих парадигму склонения, является его формальное совпадение с основой, функционирование в качестве независимой, исходной формы, в которой имя существительное употребляется как название лица, предмета или явления (характерный речевой контекст: подписи – к рисункам, экспонатам в музеях, заголовки, списки, наконец, разного рода словари и т.п.). Такими функциями именительный падеж противопоставляется остальным – косвенным падежам, вследствие чего был назван еще античными грамматиками прямым (*orthe*) в отличие от косвенных (*plagiai*, *ptoseis*).

Как показано в названной выше работе, структура семантического поля русского им. падежа определяется такими предикатами:

$Им_1(x) =$ «*x* исходная форма наименования лица, предмета, явления (Словарная форма существительных). Как отмечалось выше, в этой же рубрике следует упомянуть названия литературных произведений, других произведений искусства. Аварский именительный падеж в этой функции полностью соответствует русскому. Ср. словари разного рода:

гIебу шило...

гIегIеди *масд.* пение (*нетуха*), кукареканье...

гIинш край, горловина мешка (аварско-русский словарь: Саидов 1967);

молокомн. *нет* рахь ...

морда хонех; куц, бегI

море ралъад ... (Русско-аварский словарь: Саидов, Микаилов 1951).

Входной формой словарей могут быть и другие формы или даже целые словосочетания, например, фразеологические обороты, однако это касается лишь специализированных словарей (см. Магомедханов

1980; 1993).

Примеры названий литературных произведений: рус. «*Война и мир*», «*Дядя Ваня*», «*Судьба человека*», авар. «*Дир Дагъистан*», «*ХъахИлаб цIад*», названия частей книг: *ЦеберагIи - Предисловие* и т.д.

$I_2(x) = x$ форма субъекта действия в непереходном обороте.

Примеры: *Солнце светило ярко, по-весеннему* [В.Ш.]; *Месяц плывет и тих и спокоен, а юноша-воин на битву идет* [М.Л.].

Аварский именительный падеж также является основным средством передачи данной функции: *Гьелдаса нахъе гIемерал санал ана. Резедаюссана Дагъистаналде*[Р.ХI.] «С тех пор прошло много лет. Резеда вернулась в Дагестан».

$I_3(x) = x$ форма субъекта в прямом переходном обороте.

Примеры: *Вдруг Кирилл услышал шаги на лестнице* [К.Ф.]; *Ветер обжигал их лица* [В.Ш.].

В аварском языке эта функция присуща именительному падежу лишь в ограниченных контекстах - при аналитической форме сказуемого с причастием смыслового глагола: *Гъанже ХIасан Суракъат ханасул тарих бакIарулев вуго*[Р.ХI.] «Теперь Хасан собирает историю Суракат-хана».

Как правило же, эта функция в аварском языке приходится на долю эргатива и частично других падежей - датива и локатива. На это в свое время указывал А. А.Бокарев [Бокарев 1949: 13], установивший набор основных синтаксических конструкций в аварском языке, определяемых в зависимости от вида глагола-сказуемого:

I. *эмен рокъове вуссана* «отец домой вернулся»

II. *инсуца хур бекъана* «отец поле пахал»

III. *инсуе жиндирго лъимер бокъула* «отец любит своего ребенка»

IV. *инсуда жиндирго вас вихъана* «отец видел своего сына».

Как видим, всем четырем типам предложения в русском соответствует единая структура с номинативом подлежащего.

$I_4(x) = x$ форма субъекта в косвенно-переходном обороте.

Примеры: *И синицы отвечали ему - доверительно и весело* [Ю.С.]; *Я всегда завидовал вашему уменю выстраивать точную логическую направленность* [Ю.С.].

В этой функции наблюдается соответствие русского и аварского номинатива (ср. *Гъезул тIахьал географиялъул учебниказда рельлъуна* [Р.ХІ.] «Их книги похожи на учебники географии»), хотя отдельные соответствующие глагольные лексемы дают в сравниваемых языках различные модели управления.

$I_5(x) = x$ форма субъекта в предложении, сказуемое которого выражено глаголом средне-возвратного залога.

Примеры: *У нас в Конотопе дельфины питаются только бананами, - сказал Коля* [К.Б.]; *Она теперь у нас в классе учится* [К.Б.].

В этом случае аварские соответствия русскому номинативу также неоднородны. В случае использования учащательных форм глагола в аварском языке в этой функции также употребляется номинатив. Иногда дифференциация номинатива и эргатива зависит лишь от значения глагола, ср. *Гъеб мацIаль цIалана дун* [Р.ХІ.] «На этом языке я учился» с номинативом» и *Дица гIемерал цIарал цIалана тIахьазда* [Р.ХІ.] «Я много названий прочитал на книгах» с эргативом». Если же конструкция строится с помощью возвратного местоимения, то налицо эргатив субъекта.

Кроме того, эргативное построение предложения имеем в аварском в случае сложного глагола, которому в русском может соответствовать непереходный. Ср. *Дицаинкар гъабулеб букIана* [Р.ХІ.] «Я отказывался» (букв. «отказ делал»).

$I_6(x) = x$ форма логического объекта в страдательном обороте.

Примеры: *Дом строится рабочими-строителями.*

Возможность реализации в русском языке одной и той же семантической структуры по крайней мере в виде двух поверхностных – действительного и страдательного оборотов, которым в дагестанских языках отвечает только одна, дает некоторым исследователям основание полагать, что «специфика эргативных языков состоит в том, что в них устойчиво сохраняется мотивированный способ выражения различных типовых ролей участников ситуации: для каждой роли имеется фиксированный типовой способ морфологического оформления, т. е. наблюдается значительное соответствие между «глубинными» и «поверхностными» падежами» [Кибрик 1976: 34]. Можно согласиться с этим утверждением в целом, однако, как мы отмечали выше, и дагестанские языки, в т. ч. аварский, допускают в определенной степени синтаксическое варьирование, заключающееся в синонимии эргативного или номинативного оформления переходного предложения с аналитической глагольной словоформой, образованной по модели «причастие настоящего времени + вспомогательный глагол «быть» .

И₇ (х) - х форма именной части составного сказуемого.

Примеры: *Лев и Глеб – сложное, редкое соединение* [В. Н.]; *Мое ходячее имя было не Надежда Николаевна, а Евгения* [В. Г.]. Как известно, в этой функции конкурентом номинатива в русском языке является творительный падеж. Ср.: *А родитель Красовых был мелким шибаем* [И.Б.]

В аварском именительный падеж не разделяет рассматриваемой функции с другими падежными единицами, ср.: *Щибаб цIар ботIрo-да лъoлeб тIагъур буго* [Р.ХI.] «*Всякое имя – на голову одеваемая папах* (есть)».

Г.И.Мадиева [1971: 47] так определяет круг глаголов, выступающих в связочной функции в сопоставляемых языках: «В роли связки могут употребляться в русском языке глаголы: **бывать, являться, стать, становиться, делаться, считаться, называться, оказаться, оказываться и др.**

В аварском языке к таким глаголам относятся: **букІин** (есть), **льугьин** (стать), **бахьин** (подняться), **чІей** (стать), **тей** (оставить), **гьаби** (делить), **рикІкІин** (считаться), **бищи** (выбирать), **бихьи** (видеть), **ккей** (думать), **бачІин** (прийти) и т. д.

С этими глаголами образуются предложения, аналогичные следующим:

Меседу доктор льугьана (Меседу доктором стала).

Муса бетІерльун вищана (Мусу избрали главой).

Доб класс нижеца мисалиябльун рикІкІуна.

(Тот класс мы примерным считаем).

В этих предложениях составными сказуемыми являются **доктор льугьана** (доктором стал), **бетІерльун вищана** (главой избрали) **мисалиябльун рикІкІуна** (примером считаем)» .

И₈(*x*) - *x* форма приложения, уточнения».

Пример: *Мы, ученые, обязуемся высоко держать знамя советской науки.* Эта функция, по нашему мнению, выделена не совсем верно: приложение повторяет падеж главного слова, поэтому средства его выражения не ограничиваются номинативом, ср. *Нас, ученых, тревожит судьба отечественной науки; Нам, ученым, дорога судьба отечественной науки* и т.д. Как отмечается в грамматиках русского языка, «существительное-приложение согласуется с определяемым словом в падеже (старушке-Земле, у инженера-водника); определяющее существительное, таким образом, ведет себя здесь как прилагательное: его падеж в приложении, как и у прилагательного, является уподобляющимся («согласовательным») падежом» [Русская грамматика 1980: 58].

В аварском, как и в других дагестанских языках, подобные определения, в отличие от русского, являются несогласованными во всех случаях, несмотря на наличие падежного словоизменения, ср.:

им. *дир вац Расул* «мой брат Расул»

эрг. *дир вац Расулица* «мой брат Расул»

дат. *дир вац Расулие* «моему брату Расулу» и т.д.

Таким образом, здесь можно говорить об именительном падеже как о специализированной форме оформления приложения. Как видно из примера, приложениями могут выступать, в частности, термины родства. Г.И.Мадиева [1981: 49] отмечает и другие возможности: «Немало случаев, когда имя в форме им. падежа выступает как определение для другого имени, выражая при этом различные признаки:

а) место жительства: *Москов пачаясул чинидул сурат* (Хъ. М.) «Московского царя эмалевый портрет» ; *Хунзахъ районлдаса вуго дун* «Из Хунзахского района есть я» ;

б) определение национальной принадлежности: *Асар гьабула дие чачан халкъальул кечIаль* (М. Гъ.) «Трогают меня песни чеченского народа» .

Об именительном падеже русского языка как о специализированной форме приложения можно говорить в случае названий произведений искусства, учреждений и т.п., ср.: *Потом Герингов пригласил в Венецию хозяин отеля «Британия»* [Ю.С.]. В этой функции, впрочем, могут выступать самые различные падежные и падежно-предложные формы, ср.: *Теперь у него убирала молоденькая дочка хозяина кабачка «К охотнику»* [Ю.С.].

$I_9(x)$ - «*x* форма обращения».

Пример: *Пионеры и школьники, овладевайте знаниями!* (об этом см. выше).

$I_{10}(x)$ = *x*форма субъекта номинативных, субстантивных предложений.

Примеры: *Ночь. Луна. Тишина.*¹¹

Здесь все же следует сделать оговорку о большей распростра-

¹¹ От предложений этого типа обычно отличают следующие структуры: а) с номинативом представления, ср. *Ненависть, – что может быть страшнее в человеке?* [А.Т.]; б) с номинативом оценки, ср. «*Кошмар, кошмар*», - *быстро проговорил Шейнберг* [А.Т.] [см., например, Скобликова 1979: 133 и сл.]. В любом случае падежная форма существительного в подобных примерах должна квалифицироваться как номинатив. Аналогичное словоупотребление характерно и для аварского языка, ср. предложение первого типа: *Замана! Къо, мех, век, эпоха... Цоязе эпоха къвариГлуна, цоязе къо Глола* [Р.ХI.] ‘Время! День, время, век, эпоха... Одним эпоха нужна, другим хватает дня’; второго типа: *Цо гьесул Клодолъи, цо дир гьитИинлъи!* [Р.ХI.] ‘Как он велик, как я мал! (букв. его величие, моя малость)’

ненности в русском языке так называемых номинативных предложений, включающих лишь форму именительного падежа существительного. Стихотворение Безыменского практически целиком построено из таких предложений:

*Города. Города. Города.
Электричество. Нефть. Руда...*

Аварский язык редко прибегает к такой форме предложения, хотя и здесь можно найти примеры такого рода: *Хадуб Ленинград. Рагъ. Берцинай магIарулай Резеда* [Р.ХІ.] «Потом Ленинград. Война. Красавица горянка Резеда».

Винительный падеж

Семантическое поле этого падежа определяется такими предикатами:

$V_1(x) = x$ форма прямого дополнения, обозначающего лицо, предмет или явление, полностью охваченное направленным на него действием, выраженным переходным глаголом.

Примеры: *Николай видел только приближающегося Овражне-го* [М.Ш.]; *Я рубашку ей раз стирал, когда она хворала* [А.Пл.].

В аварском языке, как и в других дагестанских языках, являющихся представителями эргативного строя, функции выражения прямого объекта берет на себя именительный падеж, ср.: *Дица лъалиниса ханжар бахъулеб буго* [Р.ХІ.] «Я из ножен кинжал вынимаю».

В то же время нельзя не обратить внимания на некоторую неоднородность самого понятия объекта. Так, объект физического воздействия, в отличие от других видов объектов, в аварском языке выражается не обычным соответствием русского аккузатива - именительным падежом, а местными падежами. Как отмечается в специальной литературе, в аварском языке «количество глаголов, при которых возможна подобная форма объекта, очень невелико, причем все они... чрезвычайно близки друг другу по своему значению» [Бокарев 1949: 28]. А. А.Бокарев перечисляет среди подобных глаголов *xIанчIизе* «кусать» (*дида xIанчIана борхъица* «меня укусила змея»), *зинкIкIизе* «щипать» (*дос зинкIкIана дида* «он ущипнул меня»), *чуртизе*

«щелкнуть пальцем», *гилдизе* «щекотать». Сюда же включены *кьаби-зе* «бить», *чIвазе* «убить», *хIунсизе* «колоть», которые предполагают, по словам А. А.Бокарева, в отличие от предыдущих, «применение какого-нибудь постороннего орудия». Имя орудия при этом оформляется именительным падежом и может, таким образом, быть квалифицировано в качестве прямого дополнения (ср.: *Дица досда кьабуна тIул* «Я его ударил палкой» и т.д.).

$V_2(x) = x$ форма обстоятельства, обозначающего меру времени.

Примеры: *Капитан год тому назад купил маленького негра в Мозамбике и каждый день бил его* [К.Ст.]; *Катерина Петровна не вставала уже десятый день*[К.П.].

Как видно из примеров, аккумулятивное обстоятельство обычно сопровождается кванторным определением, что характерно и для аварского языка, однако здесь в данной функции выступает уже форма эргативного падежа.

Между тем, строгого соответствия между винительным русского и эргативным падежом аварского в данной функции не существует. Об этом говорят, в частности, примеры, приводимые Г.И. Мадиевой [1981: 50], ср. «активный падеж выступает в роли обстоятельства времени:

Херав имамасул глагараб сурат сонаца букIана нижер рокъоб бан (Р. XI.) «Старого имама родной портрет годами висел у нас на стене» (букв.) *Кубышкин минуталь ургъана гьелда тIасан* (М. С.) «Кубышкин на минуту задумался над этим» .

Как видим, здесь соответствием эргативному (активному) падежу являются творительный падеж, а также винительный падеж с предлогом. Ср. также *Гъанже дуда дир кечI рагIулебгъечIо, камуна мун дие тIолгогIумруяль* [Р. XI.] «Теперь ты мои песни не слушаешь, потерялась ты для меня на всю жизнь».

$V_3(x) = x$ форма обстоятельства, обозначающего меру расстояния или пространства.

Примеры: *пробежать дистанцию, бежать целую версту.*

$V_4(x) = x$ форма приглагольного обстоятельства, обозначающего

меру веса».

Пример: *Этот груз весит тонну, а тот - всего лишь килограмм.*

$V_5(x) = x$ форма приглагольного обстоятельства, обозначающего меру стоимости».

Пример: *Эта книга стоила рубль.*

$V_2(x) = x$ форма т. н. внутреннего дополнения».

Как известно, внутренним дополнением принято называть падежную форму существительного, образованного от того же корня, что и глагол, управляющий этим существительным; глагол при этом может быть и непереходным.

Примеры: *горе горевать, шутки, шутить, дело делать* и др.

В русском языке подобное словоупотребление - довольно редкое явление. В аварском же языке функционально ему соответствует использование словосочетаний со вспомогательными глаголами. На это, в частности, указывает М.И. Магомедов [1995: 34]: «Имя в номинативе часто выступает в качестве одного из компонентов во фразеологически связанных словосочетаниях. Например: *пикру гьабизе`думать*» (*пикру`мысль*», *гьабизе`делать*»), *бер чIвазе`взглянуть*» (*бер`глаз*», *чIвазе`убить*») и т.д. Подобные словосочетания по своему значению эквивалентны одному слову, с которым вступают в синонимические отношения. Например: *бер чIвазе- балагьизе`взглянуть*», *гIакълу кьезе- малъизе`учить*», *советовать*» и т.п. Фразеологически связанные словосочетания выражают содержание, отличное от буквального значения его компонентов. В отличие от свободных, фразеологически связанные словосочетания включаются в предложения как готовый материал» .

$V_2(x) = x$ форма прямого дополнения после переходных глаголов с отрицанием.

Примеры: *Вчера не записал такую забавность*[Л.П.]; *Он не оставит Дуняшу.*

Выделение подобных примеров в отдельную рубрику обусловлено тем, что в русском языке, помимо винительного падежа, в данной функции может выступать и генитив (ср. *Никто из старожиллов не помнит времени, когда росли здесь ласковые березы* [Л.С.]). В аварском языке вариативности выражения прямого объекта в отрицательных предложениях не наблюдается и равно как в положительных, так и в отрицательных структурах единственным средством выражения прямого объекта является именительный (абсолютный) падеж. Ср.: *Гуро, дица дир чода чияр кьили льеларо*[Р.ХІ.] «Нет, я на свою лошадь чужое седло (//чужого седла) не положу».

По мнению Т.И.Дешериевой, возможность вычленения винительного падежа не ограничивается языками номинативного строя: «Легко видеть, что дихотомия «вин. падеж : им. падеж» по признаку маркированности-немаркированности может иметь место и в языках с эргативным строем. Например, в нахских языках положение прямого объекта маркировано (прямой объект обычно стоит перед глаголом-сказуемым). Это обстоятельство, наряду с некоторыми другими..., говорит не в пользу теорий, категорически отрицающих возможность существования вин. падежа в языках с эргативным строем предложения» [Дешериева 1974: 156]. На наш взгляд, здесь смешиваются два понятия: падежная форма как морфологическая категория и синтаксическая позиция прямого объекта.

Дательный падеж

Для семантического поля датива в сравниваемых языках присущи следующие значения:

$D_1(x) = x$ форма приглагольного косвенного дополнения, обозначающего лицо или предмет - адресат, к которому направлено действие, названное глаголом с семантикой передачи чего-либо от одного лица или предмета к другому.

Примеры: рус. *купить что-либо брату, продать покупателю, подарить другу, Калоши врачу вернули к рождеству, в самый сочельник* [М.З.].

Аварский датив также широко используется в данной функции, ср.: *Жеги АбутІалибие телефон лъечІо...* [Р.ХІ.] «Абуталибу телефон пока не поставили...».

$D_2(x)$ = x форма приглагольного косвенного дополнения, обозначающего лицо или предмет, которому что-то сообщается, напоминает, доказывається, приказывается и т. п.

Примеры: рус. *Перстень* сказал что-то мельнику на непонятном условном языке [А.К.Т.]. Он объяснял что-то высокой, худой англичанке [А.Ч.].

В аварском эта функция присуща скорее не дативу, а одному из местных падежей, ср.: *Нусалда бичІчІизе, ясалда абубеб* [пог.] «Невеста поняла-чтобы, дочери говорят».

Возможно употребление локативной формы, осложненной направительной частицей *-хун*: *КигІан ццим бахъун бугониги, лъималаз Каримидехун тІокІаб жо абичІо* [М.М.] «Как бы ни злились, дети Кариму больше ничего не сказали».

$D_3(x)$ = x форма приглагольного косвенного дополнения при глаголах: *помогать, содействовать, способствовать, поручать, позволять, разрешать* и т. п.».

Примеры: *помогать товарищу, способствовать успеху, содействовать получению звания, поручить, разрешить учащимся выполнение дополнительной программы.*

$D_4(x)$ = x форма приглагольного косвенного дополнения, обозначающего лицо или предмет, которому что-либо запрещают, чем-то мешают, вредят.

Примеры: *запрещать хулиганам портить отдых курортникам», мешать человеку работать, вредить своему здоровью.*

$D_5(x)$ = x форма приглагольного косвенного дополнения, обозначающего лицо (или предмет), к которому обращены душевные переживания, чувства другого лица, обозначенные глаголами: *верить, доверять, радоваться, сочувствовать, удивляться* и т. п.».

Примеры: *верить, доверять другу, радоваться предстоящему походу, купленной вещи», Всегда я симпатизировал центральному-беждениям*[М.З.]

$D_6(x)$ = *x* форма логического субъекта в безличном инфинитивном предложении».

Пример: *Сегодня быть грозе, идти дождю!*

$D_7(x)$ = *x* форма логического субъекта в предложении с именным сказуемым, связка которого имеет форму инфинитива.

Пример: *всем пионерам,-экскурсантам быть готовыми к выполнению команды!*

$D_8(x)$ = *x* форма субъекта действия в предложении со сказуемым, выраженным возвратным глаголом.

Примеры: *Чайковскому нравился этот деревянный дом* [К.П.]; *Леонтьеву приснился желтый по осени лесной край* [К.П.]

Т.И. Дешериева [1974: 168] ограничивает употребление датива в данной функции безличными предложениями, что, как видно из примеров, не совсем верно. Функционально русскому дативу в этой функции соответствуют аварские датив и локатив, о которых речь шла выше при характеристике соответствий русского субъектного именительного падежа.

$D_9(x)$ = *x* форма субъекта состояния в безличном предложении.

Примеры: *Ребенку было очень худо* [В.В.]; *И так врачу стало на душе скучно и противно* [М.З.]

Ряд функций дательного падежа, выделяемых Т.И. Дешериевой [1974: 168-169], относится к его приименному употреблению. Поскольку в сопоставительном плане здесь не выявляется релевантных различий, ограничимся простым перечислением этих функций:

$D_{10}(x)$ = *x* форма приименного косвенного дополнения, обозначающего лицо или предмет - адресат, к которому направлено дейст-

вие, названное отглагольным существительным с семантикой передачи чего-либо от одного лица (или предмета) к другому.

Примеры: *посылка отцу, покупка брата, продажа покупателям, подарок другу, послание друзьям.*

$D_{11}(x) = x$ форма приименного косвенного дополнения, обозначающего лицо или предмет, которому что-то сообщается, напоминает, доказывається, приказывается и т. п.; при этом действие обозначено отглагольным существительным с соответствующей семантикой.

Примеры: *сообщение врагу секретных сведений, напоминание дежурным об их обязанностях, приказ солдатам.*

$D_{12}(x) = x$ форма приименного косвенного дополнения при существительных, образованных от глаголов: *помогать, содействовать, способствовать, поручать, разрешать* и т.п.

Примеры: *помощь товарищу, содействие получению пособия, поручение другу, разрешение иностранцам посетить город.*

$D_{13}(x) = x$ форма приименного косвенного дополнения, обозначающего лицо или предмет, которому что-либо запрещают, чем-либо мешают, вредят; при этом действие выражено отглагольным существительным с соответствующей семантикой».

Примеры: *запрещение рыбакам ловить рыбу в указанном месте», помеха учебе», вред здоровью.*

$D_{14}(x) = x$ форма приименного косвенного дополнения, обозначающего лицо (или предмет), к которому обращены душевные переживания, чувства другого лица, названные существительными, образованными от глаголов: *радоваться, сочувствовать, удивляться* ит.п..

Примеры: *сочувствие пострадавшему человеку, радость встрече с друзьями, удивление нерадивости начальника.*

$D_{15}(x) = x$ форма приименного косвенного дополнения со значением адресата действия в предложениях с опущенным сказуемым.

Пример: *Честь и слава трудовому народу нашей страны!*

$D_{16}(x) = x$ форма приименного косвенного дополнения при существительных *начало, конец, венец*.

Примеры: *конецстраданиям, положено начало новому методу исследования, конец - всему делу венец*.

$D_{17}(x) = x$ форма несогласованного определения с оттенком назначения.

Примеры: *корм скоту, цена деньгам, памятник В. Маяковскому*.

Следует заметить, что формы несогласованного негенитивного определения вообще в большей степени свойственны русскому, на что указывалось в специальной литературе. Ср.:

«Реорганизация бытийных предложений, их преобразование в предложения характеристики представляет живой, активно протекающий процесс. С ним связаны некоторые особенности русского синтаксиса, в частности, специфика детерминации имени: показатель определенности существительного обнаруживает отчетливую зависимость от локализатора бытийных предложений, которая проявляется в разнообразии форм, их лексической конкретности, а также в тенденции к постпозиции. Ср. *Мужики в этой деревне работающие; Роца за дорогой залита солнцем; Букет у нее в руках был из полевых цветов*; «Для довершения сходства фрак на нем [Собакевиче] был совершенно медвежьего цвета» [Гоголь, Мертвые души]. Детерминация имени, как показывают приведенные примеры, не была унифицирована по генитивному типу. Для русского языка более естественно сказать *Дома на этой улице старинные*, чем *Дома этой улицы старинные*. Между тем в ряде европейских языков есть тенденция к выражению локальной детерминации имени единообразно, пользуясь моделью, передающей генитивные отношения, ср. англ. *the houses of this street*, исп. *lascasas de esta calle*, франц. *les maisons de cette*

рие.[Арутюнова 1976: 27].

Специалисты по сопоставительному исследованию языков говорят в связи с этим явлением о большей «локальности» русского языка, в частности, сравнительно с французским [см. Гак, Ройзенблит 1965: 179 и сл.]. Однако, как видим, это явление в большей степени касается несогласованных определений, выражающих не только локальные отношения.

Творительный падеж

Эта падежная форма отмечается только в русском языке. В сфере ее употребления входят следующие функции:

$T_1(x)$:= x форма приглагольного косвенного дополнения, обозначающего орудие или средство, при помощи которого производится действие.

Примеры: *Фартуком* смахнула что-то со скамейки перед столом в переднем углу [Л.С.]; *Встречаясь на улице, в кафе, в вагоне подземной дороги, они как бешеные размахивали газетами*[А.Т.].

Это значение творительного падежа, имевшееся, по-видимому, уже в праславянском языке, по мнению специалистов является основным значением данной падежной единицы современного русского литературного языка. В аварском языке этому значению инструменталиса соответствует эргатив.

Имеется группа глаголов физического воздействия, о которых речь шла уже при характеристике винительного падежа и его аварских соответствий, в т.ч. *хІанчІизе* «кусать» (*дида хІанчІана борхъица* «меня укусила змея»), *зинкІкІизе* «щипать» (*дос зинкІкІана дида* «он ущипнул меня»), *чуртизе* «щелкнуть пальцем», *гилдизе* «щекотать». Сюда же включены *къабизе* «бить», *чІвазе* «убить», *хІунсизе* «колоть» [Бокарев 1949: 28], при которых имя орудия в аварском языке оформляется именительным падежом (ср.: *Дица досда къабуна тІил* «Я его ударил палкой» и т.д.).

Заметим также, что русскому творительному падежу имени, обозначающему часть тела, соответствует аварский именительный падеж, ср. *Докторас, дихъги гІенеккун, бетІер хъвагІулеб букІана*

«Доктор, выслушав меня, покачал головой».

$T_2(x) = x$ форма приглагольного косвенного дополнения, уточняющего предмет или область, на которую распространяется действие сказуемого.

Примеры: *Папа занимался гимнастикой в саду, а Маша кое-как в комнатах [Л. П.]; Некогда было любоваться видом, хотя вид этого заслуживал [Ю. О.].*

Творительный падеж с рассматриваемым значением, как отмечается в литературе, употребляется в основном при непереходных глаголах. Данное значение творительного падежа представляется довольно неоднородным, в силу чего оно не имеет однозначного соответствия в аварском языке.

$T_3(x) = x$ форма логического субъекта действия в страдательных оборотах.

Примеры: *Дворцы охранялись дворцовой стражей - гвардейцами в черных клеенчатых шляпах с желтыми перьями [Ю. О.]; Поле обработано современными машинами.*

Как отмечается в специальной литературе, в русских памятниках XVIII в. в функции логического субъекта страдательной конструкции употреблялась также параллельная форма «*через + винительный пад.*» В современном литературном русском языке творительный падеж является единственным средством выражения логического субъекта страдательной конструкции. Поскольку в аварском языке страдательные конструкции отсутствуют, не приходится говорить об аварском соответствии данному значению русского творительного падежа.

$T_4(x) = x$ форма предикативного члена именного сказуемого.

Примеры: *И сейчас я невольно являюсь твоим палачом, что меня огорчает [М.Б.]; А денщик был теперь их полномочным начальником и хозяином [А.Ф.].* Данная функция в русском языке выражает-

ся, как было отмечено выше, также именительным падежом. В аварском обычным средством выражения этого значения является именительный падеж, хотя не исключены и иные формы (см. об этом специальную статью А.А.Бокарева).

$T_5(x) = x$ форма приглагольного обстоятельства причины.

Примеры: *Старый Анисим прилежным покаянием расположил к себе игумена монастырского* [С. Е.]; *Лиса хитростью своею в пословицы вошла, а заяц - трусостью.*

В современном русском языке творительный падеж в этом значении употребляется редко, довольно часто здесь можно встретить конструкции: *из-за* + родительный (*из-за залени, из-за отсутствия времени*), *с* + родительный (*с похмелья, со слепу*), *от* + родительный (*от радости*), *по* + дательный (*понезнанию, по поручению*).

Эргативный падеж в аварском языке также может выступать в причинной функции: *БотIрол унтияль дун расги кьижичIо* «Из-за боли головы я совсем не спал», на что указывает и Г. И. Мадиева [1981: 50], хотя нередко эта функция передается аблативами - исходными падежами.

$T_6(x) = x$ форма приглагольного обстоятельства места, отвечающего на вопрос «По какому пути, через какое пространство происходит движение?»

Примеры: *Наша машина шла фронтовыми дорогами, мимо прелестных рек и зеленых городов* [В. Г.]; *бежать полев, ехать морем.*

В русском языке, наряду с творительным, в рассматриваемом значении употребляется предложно-падежная конструкция «*через* + винительный» (*кровь хлынула горлом //через горло*). Аварский язык использует в данной функции форму транслатива, по поводу которой среди специалистов нет единого мнения.

Л. И. Жирков [1936: 166], в частности, отмечал, что «формы Transl. совпали по значению с формами Elat. во всех сериях. Transl. отличался от Elat. только прибавлением аффикса -н». Вслед за Л. И. Жирковым Г. И. Мадиева [1981: 44] так характеризует эту фор-

му: «В прошлом предполагали функционирование в каждой серии еще IV падежа (транслативного) с окончанием *-н* и значением «через». Однако в настоящее время в аварском литературном языке этот падеж формально почти слился с падежом удаления.

Впрочем, иногда транслативный падеж все же можно отличить от падежа удаления, ср.: *Дун МахIачхъалаялде Буйнакскиялдасан вачIана* «Я в Махачкалу через Буйнакск приехал». *Дун МахIачхъалаялде Буйнакскиялдаса вачIана* «Я в Махачкалу из Буйнакск приехал» .

В специальной работе У. З. Эльдаровой [1974: 5], посвященной категории падежа в аварском языке, делается следующий вывод: «Между тем фактический материал языка, наблюдения над живой речью и над языком художественной литературы и периодической печати позволяют квалифицировать транслатив как вполне самостоятельный падеж, оформленный морфологически и имеющий свои собственные синтаксические функции» .

$T_7(x) = x$ форма приглагольного обстоятельства времени.

Примеры: *Изначально полным томленьем дышала веснами ожидавшая зачатья земля* [Л.С.], *Осенью немцы вторглись в Донбасс, заняли Таганрог и Ростов-на-Дону* [А.Ф.].

В этом значении русский творительный падеж близок к винительному, однако последний употребляется в случае события, протяженного во времени и охватывающего весь отрезок времени, обозначаемый соответствующим существительным, в то время как творительный лишь фиксирует отрезок времени, в рамках которого происходит событие. Хотя в аварском языке также имеется два способа выражения обстоятельства времени с близкой семантикой (эргатив и локатив I серии на *-да*), они не имеют аналогичного распределения.

$T_8(x) = x$ форма приглагольного обстоятельства меры, количества.

Примеры: *Не меньшее изумление вызывали и сами русские, пачками прибывающие в Париж через известные промежутки времени* [А.Т.]; *Начнутся прогулки парочками...* [М.Г.].

Творительный с рассматриваемым значением употребляется, как правило, при глаголах движения. Однако не исключено также его употребление и при глаголах с иной семантикой (ср. *петь дуэтом*).

Регулярного соответствия русскому творительному падежу в данном значении мы не обнаружили.

$T_9(x) = x$ форма приглагольного обстоятельства образа или способа действия со значением предмета сравнения или превращения.

Примеры: *Клюковатой дерюгой на снегу застыли серые следы* [С.Е.]; ср. тж. устойчивые выражения типа *петь соловьем, ползти черепахой, извиваться змеей, каркать вороной* (в смысле, пророчить неприятные события); *обернуться добрым молодцем*.

В русском языке творительный сравнения или превращения употребляется преимущественно в народном творчестве - былинах, причитаниях, сказках. В современной художественной и научной литературе он употребляется очень редко. Творительный в рассматриваемом значении употребляется обычно при знаменательных глаголах, обозначающих крики или движения животных и пение птиц.

Аварский язык прибегает в подобных случаях к более стандартному способу выражения - союзу *гIадин* «как, подобно», ср. Пикраби рачIуна гьикьичIого рачIунел гьалбал гIадин [Р.ХІ.] «Мысли приходят, как непрошенные гости // непрошенными гостями».

$T_{10}(x) = x$ форма приглагольного обстоятельства образа или способа действия, характеризующего действие глагольного сказуемого без сравнения его с чем-либо или с кем-либо.

Примеры: *Наступать всеми полками, всеми средствами своего могучего огня, всей силой своего умения, всей стремительностью* [В.Г.]; *Анюта из кувшина лила ему на руки, и мыло ключьями падало в таз* [М.Б.].

Т.И. Дешериева [1974: 175-176] выделяет также целый ряд функций творительного падежа в его приименном употреблении:

$T_{11}(x) = x$ форма приименного косвенного дополнения со значе-

нием орудия или средства действия; при этом действие обозначено существительным, соотносимым с глаголом, требующим творительного падежа.

Примеры: *удар молотом, мытье щеткой, мочалкой», лечение гипнозом.*

$T_{12}(x) = x$ форма приименного косвенного дополнения, уточняющего предмет или область, на которую распространяется действие, обозначенное существительным, соотносимым с глаголом, требующим творительного падежа.

Примеры: *руководство кадрами, занятия физкультурой и спортом, увлечение поэзией, пренебрежение замечаниями учителя.*

$T_{13}(x) = x$ форма приименного косвенного дополнения со значением логического субъекта действия, обозначенного существительным, соотносимым с глаголом, требующим творительного падежа.

Примеры: *проверка контрольной комиссией работы предприятия, составление учителем экзаменационных билетов.*

$T_{14}(x) = x$ форма обстоятельства причины при отглагольном существительном, соотносимом с глаголом, требующим творительного падежа.

Примеры: *приобретение карьеры угодничеством и подхалимством, достижение цели смелостью и упорным трудом.*

$T_{15}(x) = x$ форма обстоятельства места при существительном, соотносимом с глаголом, требующим творительного падежа.

Примеры: *проход винтовой лестницей, путешествие сушей, морем.*

$T_{16}(x) = x$ форма обстоятельства времени при существительном, соотносимом с глаголом, требующим творительного падежа».

Примеры: *работа вечерами, приезд ночью, таяние снега ранней весной.*

$T_{17}(x) = x$ форма обстоятельства меры, количества при существительном, соотносимом с глаголом, требующим творительного падежа.

Примеры: *передвижение рыбы целыми косяками, вымирание жителей осажденного города целыми семьями* и др.

$T_{18}(x) = x$ форма приименного обстоятельства образа или способности действия со значением предмета сравнения или превращения.

Пример: *Меня бесит твое карканье вороной.*

$T_{19}(x) = x$ форма обстоятельства образа или способа действия, характеризующего действие, обозначенное управляющим отглагольным существительным без сравнения его с чем-либо или с кем-либо; при этом отглагольное существительное непременно соотносится с глаголом, требующим творительного падежа.

Примеры: *пениебасом, ходьба шагом.*

На наш взгляд, выделение этих функций не обусловлено их семантическим своеобразием, хотя с синтаксической точки зрения оно является оправданным: в русском языке существуют определенные ограничения на употребление тех или иных падежей в приименной позиции. Что же касается аварского языка, то здесь такие ограничения отсутствуют: отглагольные имена в полной мере сохраняют падежное управление, свойственное финитному глаголу.

$T_{20}(x) = x$ форма приадективного косвенного дополнения, уточняющего объект, на который распространяется признак, качество или свойство, обозначенное управляющим именем прилагательным или причастием».

Примеры: *горд своим положением; известен своими трудами; замучен тяжелым трудом.*

$T_{21}(x) = x$ форма усиления признака, обозначенного именительным предикативным».

Примеры: *Он стал болван болваном; Этот дружок был вчера хам хамом.*

$T_{22}(x) = x$ форма несогласованного определения при существительном, соотносимом с прилагательным».

Примеры: *богатырь телосложением, подлец душой.*

$T_{23}(x) = x$ форма обстоятельства меры, количества при сравнительной степени прилагательного или наречия».

Примеры: *Этот стол пятью рублями дороже того стола; Наше село от станции тремя километрами дальше соседнего.*

Родительный падеж

Родительный падеж в русском и аварском языках имеет довольно широкое семантическое поле, которое может быть задано следующими семантическими отношениями:

$P_1(x) = x$ форма несогласованного определения (выраженного существительным), обозначающего лицо, которому принадлежит что-либо.

Примеры: *На улице их ожидала служебная легковая машина Жукова[А. М.]; платье сестры, картина художника.*

В этой функции, как и в большинстве последующих, русскому генитиву также отвечает аварский родительный падеж. Ср.: *Их ана, рии швана, тIегъачIо вацасул гъветI* (Р. XI.) «Весна прошла, лето наступило, не расцвело брата дерево»; *Дагъистаналъул мугIрул, нужее рецц, баркала* (Р. XI.) «Горы Дагестана, вам спасибо, хвала» (в последнем примере можно говорить и о пространственном отношении).

$P_2(x)$ = x форма несогласованного определения, обозначающего совокупность лиц, объединенных по тому или иному признаку, принципу, или отдельное лицо, к которым (или, соответственно, к которому) лицо, названное управляющим именем, имеет то или иное отношение.

Примеры: *Начальник штаба вышел обратно* [В.В.]; *Второй сын Марии Петровны, Митенька, - дипломат* [С.-Щ.].

В связи с аварским соответствием этой функции генитива укажем на следующую характеристику, данную Г.И.Мадиевой [1981: 51]: «Родительный падеж может выражать единицу из общего числа коллектива: *Цеве эхетана бригадаялъул бетIер МухIамад СагIудов* (М. С.) «Вышел вперед глава бригады Магомед Саидов» «.

$P_3(x)$ = x форма несогласованного определения, обозначающего нечто целое, по отношению к которому управляющее существительное обозначает лишь часть этого целого.

Примеры: рус. *Ее ручонка в последний раз скользнула по серому лацкану нового пиджака и упала* [А.М.]; *Он присел на поваленный ствол сосны и вытер ладонью пот со лба* [Д.М.]; авар. *ясалъул гьумер* «лицо девушки».

$P_4(x)$ = x форма несогласованного с управляющим существительным определения, передающего качественную или возрастную оценку лица или предмета, обозначенного управляющим существительным».

Примеры: *Мальчик лет тринадцати, весь окровавленный, бросился в хоровод* [А.К.Т.].

Аналогичная функция свойственна и аварскому генитиву: *Гъезда гьорлъ вукIана дир гIелалъул гIолохъанав...* [Р.ХI.]. «Среди них был юноша моего возраста...»

$P_5(x)$ = x форма несогласованного определения, обозначающего материал, из которого сделан предмет, обозначенный управляющим

существительным».

Примеры: *стол красного дерева, кабинет карельской березы.*

Если в русском подобное употребление генитива ограничивается случаями, когда генетивное определение представляет собой сочетание «Прилагательное + существительное», уступая в иных контекстах относительно прилагательному, то в аварском в этой функции вполне обычен и одиночный генитив: *Меседил зурма пуна, резил тала къабана* [А. Х. М.] «На золотой зурне играли, в медный барабан били».

$P_6(x)$ = x форма несогласованного определения, обозначающего логический субъект, обладающий свойством или качеством, названным управляющим существительным (в русском в этой функции чаще встречается сочетание «Прилагательное + существительное»).

Примеры: *Его смущала только незначительность ассигнованной суммы* [А.М.]; авар. *Диль лымалазул недегьлы, гЮлохъабазул рокы, херазул гАкьлу цадахъ букЛуна* [Р. XI.] «Во мне сосуществуют кротость детей, любовьюных, ум стариков».

$P_7(x)$ = x форма несогласованного определения, называющего вещество, мера или вес которого обозначена управляющим именем существительным.

Примеры: *Кривой старик исчез и тотчас вернулся с бутылкой воды и двумя стаканами* [И.Т.]; *Перед Пустяковым поставили тарелку супу* [А.Ч.].

$P_8(x)$ = x форма приименного дополнения, обозначающего логический субъект действия или состояния, обозначенного управляющим отглагольным существительным.

Примеры: *Легкий порыв ветра разбудил меня* [И.Т.]; *болезнь ребенка.*

$P_9(x)$ = x форма приименного дополнения, обозначающего логический объект действия.

Примеры: *Невозможно перечислить все бедствия, какие несет истребление лесов*[К.П.], *Однажды летом я был на вскрытии девочки, умершей от крупозного воспаления легких* [В.В.].

$P_{10}(x) = x$ форма приименного дополнения при именах со значением изобилия, наполненности чем-либо.

Примеры: *На берегах пустынных волн стоял он, дум великих полн* [А.П.] *Исполненный благородства, он выглядел прекрасно*; авар. *Дида кодоб буго лъльяр БилбагIараб чогърол цIун* [Р.ХI.] «В моей руке рог, наполненный красным, как кровь, вином».

$P_{11}(x) = x$ форма прямого объекта при переходном глаголе с отрицанием.

Примеры: *Володька, можно сказать, толком и не разглядел своей невесты*[М.З.]; *Он не любил пустых людей*.

Как уже было отмечено выше, при характеристике винительного падежа, аварский язык не дифференцирует формы дополнения при положительных и отрицательных предикатах, используя в обоих случаях именительный падеж прямого дополнения.

$P_{12}(x) = x$ форма прямого объекта при глаголе, действие которого распространяется не на весь прямой объект, а лишь на его часть.

Примеры: *От полноты чувств Володя Завитушкин нацедил себе и ей вина и полез поздравлять и целоваться* [М.З.]; *Он поднялся, налил в стакан мадеры и выпил одним глотком* [А.Т.].

В аварском языке оппозиция средств выражения объекта по степени его охвата действием отсутствует и в обоих случаях имя объекта оформляется именительным падежом.

$P_{13}(x) = x$ форма дополнения при глаголах со значением *добиваться, ждать, искать, просить, приветствовать, желать, требовать, заслуживать, стоить* и т. п., обозначающего предмет достиже-

ния, ожидания, приветствия, поиска, просьбы, желания, требования, оценки.

Примеры: *Он взял отпуск и поехал в Москву искать правды*[В.В.]; *Общество требует от меня целого рабочего дня: утро, день, вечер, - все отдано и распределено* [А.М.].

$P_{14}(x)$ = x форма дополнения при глаголах со значением *опасения, лишения, отчуждения* и т. п., обозначающего лицо или предмет, которого опасаются, лишаются, избегают и т. п.

Примеры: *бояться змей, лишиться друга, опасаться простуды, забывать старых знакомых.*

Для передачи этого значения аварский язык обычно прибегает к аблативам различных серий.

$P_{15}(x)$ = x форма обстоятельства времени, обозначающего дату события.

Пример: *В тот же день, 29декабря, с пятой мушкатерской ротой я выступил в поход на Васильков* [Д.М.].

$P_{16}(x)$ = x форма принаречного дополнения, обозначающего лицо или предмет, с которым сравнивается другое лицо или предмет.

Примеры: *Ты хочешь того, что выше сил человека* [Д.М.]; *Сильнее кошки зверя нет* [И.К.].

В то время как в русском компаративное дополнение может оформляться союзом *чем*, в аварском языке данная функция закреплена за аблативом I серии, ср.: *Гъаб магІлуналдаса цо нодо бакъуль речІчІизе гуллаго лъикІ* [Р.ХІ.] «Чем такое безобразиие, лучше пустить себе пулю в лоб».

$P_{17}(x)$ = x форма логического субъекта в отрицательной безличной конструкции с глаголами бытия.

Примеры: *Мать уже знала, что надежды нет* [В.В.]; *Не стало*

дорогого нам человека.

Как и в случае прямого дополнения при финитном глаголе, наличие отрицательной формы не влияет в аварском языке на способ выражения субъекта: как и в рассматривавшихся выше примерах, он передается именительным падежом:

$P_{18}(x) = x$ форма предикативного члена именного сказуемого со значением определения.

Пример: *А была она калашница и злой души баба* [М.Г.].

Собственно, здесь не усматривается принципиального различия между предикативным и определительным употреблением генитива, ср. *Я догадался, что имею дело с бюрократом самого новейшего закала*[С.-Щ.].

Хотя во многом функции генитивов в сопоставляемых языках совпадают, имеются как значения, специфические только для русского родительного падежа, которые были освещены выше, так и значения, характерные лишь для аварского генитива.

Выше уже говорилось о соответствии русского относительного прилагательного и аварского генитива в контекстах, передающих материал, из которого сделан предмет. Аналогичная ситуация наблюдается при передаче пространственных, временных и некоторых иных значений. Ср.: *Роол кьо хасалил анкьида бацалъулеб* [К.] «Летний день равен зимней неделе». По наблюдению Г.И.Мадиевой [1981: 51], «родительный падеж может обозначать национальность: *Машгьурав гьурусазул хирург Пироговас лъоба чанги заман бана* (М. С.) «Известный русский хирург Пирогов там некоторое время жил». *Даргиязул цлар рагларав поэт ккола Батырай*. «Известный даргинский поэт Батырай» .

Среди специфических для аварского языка функций генитива выделяются употребления в приглагольной позиции:

(а) для выражения дополнения при глаголах информации: *Гъаниб бугелъул бице, гъаниб гъечелъул бицунге* [Р.ХІ.] «О том, что здесь было, рассказывай, о том, чего здесь не было, не рассказывай». В русском языке стандартным способом выражения этого значения является предложная конструкция. Надо сказать, что в аварском это значе-

ние может быть выражено и с помощью послелого, ср.: *Глемерал харбал руго гьеб иццалъул хIакъальуль* [Р.ХI.] «Много существует историй об этом роднике»;

(б) для выражения субъекта обладания: *Росуля райцентралде — Хунзахъе унев мехаль, инсул букIана цогиязда лъалареб жиндирго хасаб сукъмахъ* [Р.ХI.] «Когда ходил в райцентр - в Хунзах, у отца была другим неизвестная своя собственная тропа». Ср. также употребление локатива, который, по словам Г.И.Мадиевой [1981: 45], «в редких случаях... выражает внутреннее состояние человека: *Дир лъадуль лъикIаб гIамал буго* «У моей жены хороший нрав»¹².

Завершая сопоставление позиционных падежей аварского и русского языков, можно заключить, что аварский язык, как и другие дагестанские языки, в употреблении позиционных падежей следует нормам эргативности, что и обуславливает специфику падежных систем этих языков по отношению к русскому. Ср. в связи с этим следующее мнение, высказанное Э. М. Шейховым на основе сопоставления русских и лезгинских падежей: «Таким образом, выводы, вытекающие из сравнительно-сопоставительного анализа позиционных падежей двух языков, находятся в полном соответствии с разработанным в трудах акад. И.И. Мещанинова и ныне устоявшимся в общей теории эргативности положением о типологической соотнесенности эргатива и абсолютива с эргативной системой, а номинатива и аккузатива – с номинативной. Однако и в настоящее время в исследованиях по дагестанским, в частности, по лезгинскому, языкам для обозначения падежной единицы – абсолютива используется термин «номинатив» – видимо, как результат давления индоевропейской

¹² Г.И.Мадиева [1971: 17] так характеризует соотношение русского и аварского генитивов:

1. Родительный принадлежности: книга брата-вацасул **тIехь**.

2. Родительный падеж может выражать отношение предмета к его части: ножка стола - **столалъул бох**.

3. Родительный падеж может указывать на отношение одного предмета к другому: председатель собрания - **собраниялъул** председатель.

4. Родительный меры: мешок картофеля - картошкадул **хъап**.

Все эти значения родительного падежа без предлогов в русском и аварском языках совпадают.

Кроме того, в аварском языке родительный падеж может указывать на материал, из которого сделан предмет: **меседил баргъич** - золотое кольцо».

традиции, в частности – русистики¹³. Здесь уместно напомнить, что такое стремление рассматривать специфику структуры языков эргативной системы сквозь призму индоевропейских (номинативных) языков и породило в свое время концепцию пассивного характера эргативной конструкции предложения» [Шейхов 1993: 52].

2. Местные падежи

Данная группа падежей выделяется только в аварском языке, имея в качестве своего соответствия в русском как падежные единицы, так и предложно-падежные комбинации. В связи с этим будут рассмотрены и русские соответствия аварским послеложно-падежным комбинациям, т.е. в качестве точки отсчета в сопоставлении ниже приняты аварские падежные единицы.

Отличительной особенностью аварского, как и большинства других дагестанских языков, является дискретное выражение пространственного и двигательного ориентиров. Последний представлен следующими значениями:

а) собственно локатив, местный падеж, выражаемый нулевым показателем, передающий местонахождение где-либо;

б) направительный падеж, или аллатив, с суффиксом *-e*, передающий движение к ориентиру;

в) исходный падеж, или аблатив, с суффиксом *-sa/-a*, выражающий движение от ориентира;

г) транслатив с суффиксом *-[c]a-n*, передающий движение через что-либо (о целесообразности выделенности этой падежной единицы в аварском языке см. выше).

Показатели названных местных падежей присоединяются к косвенной основе, осложненной показателем локализации (пространственной ориентации), образуя так наз. серии пространственных падежей:

I серия (суф. *-da*) со значением «на, в; в типичном положении относительно ориентира»: локатив - *Щибаб цIар ботIрода льолеб тIагъур буго* [Р.ХІ.] «Всякое имя – на голову одеваемая папаха

¹³ Особенно показательным в этом смысле высказывание Г.В.Церетели о том, что, опираясь на способность абсолютива выражать прямой объект, можно с таким же успехом рассматривать данную падежную величину и в качестве аккузатива [Церетели 1939:19].

(есть)»; аллатив - *Революция ккун цодагьал сонал аралго гьев Итали-ялде цАлизе витІун вуго* [Р.ХІ.] «Вскоре после революции его послали учиться в Италию»; аблатив - *Дун бакъбаккул Германиялдасаву-го* [Р.ХІ.] «Я из Западной Германии». Падежные формы этой серии используются и во временном значении: *гьеб заманал-да* «в это время» (подробнее см. выше).

II серия (суф. *-(у)хъ*) «у, около, при»; также употребляется для выражения принадлежности (*васас-ухъ* «у сына»; аллатив - *ГІункІкІ ун буго накІкІу-хъ-е* [Ф.] «Мышь пошла к-облаку»; транслатив - *Ахирги гьитІинаб гордурхъан дуда гІатІидаб дунял бихъана* [Р.ХІ.] «Наконец, из маленького окна я широкий мир увидел»;

III серия (суф. *-(у)ль* «внутри сплошной среды, совокупности» (*сал-уль* «в песке», *гІадамаз-уль* «среди людей» и т.п.: *Росоль гІемерал рукъзал ругоан* «В селении было много домов»);

IV серия – суф. *-(у)къ* (*ганчІи-къ* «под камнем»): *Гьеб цІада-къ чІун йигоан дир кІодо* [Ф. ГІ.] «Под этим дождем стояла моя бабушка»;

V серия – суф. *(-ни/у)-КП* (здесь и далее: классный показатель) «внутри полого пространства,местилища» (*чванти-ни-б* «в сумке», *къоло-ни-б* «в седле»).

Следует обратить внимание, что в русском языке предложный падеж имеет тенденцию выражения функций локативов, дательный и винительный – аллативов, а родительный – аблативов, хотя достаточно очевидны и примеры, нарушающие эту тенденцию.

ГЛАВА III

ОСОБЕННОСТИ СУБСТАНТИВНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ

1. Сравнительная характеристика различных видов словообразования в аварском и русском языках

Сравниваемые языки не ограничивают словообразование существительных каким-либо одним способом. Ср., в частности, следующее высказывание об аварском именном словообразовании: «В аварском языке имена существительные образуются главным образом посредством основосложения и суффиксации. Наиболее продуктивным является основосложение. Кроме того, имена существительные могут образовываться путем субстантивации прилагательного и причастия, аблаутным чередованием, калькированием. Последние способы используются для пополнения класса имен существительных реже, чем основосложение и суффиксация» [Мадиева 1981: 56]. Не менее разнообразны способы образования существительного в русском языке. По словам Е.А.Земской, здесь «имя существительное в словообразовательном отношении - самая богатая часть речи. Кроме способов словообразования, действующих в сфере других частей речи, имеются специфические субстантивные способы словообразования: аббревиация, усечение основ, нулевая суффиксация, субстантивация. Существует лишь один способ словообразования, не распространяющийся на существительные, - сращение (это способ словообразования прилагательных)» [Земская 1973: 244].

Суффиксация

В обоих сравниваемых языках суффиксация играет ведущую роль в словообразовании существительных. Так, здесь имеются специальные суффиксы, образующие:

а) названия лиц («носитель процессуального признака»):

- в русском языке производные существительные этой группы образуются от глаголов посредством суф. *-тель* (*жи-тель, изда-тель, вреди-тель, преподава-тель* и т.п.), *-ник* (*заступ-ник, работ-ник,*

вест-ник, провод-ник и т.п.), -щик/-чик (постав-щик, бомбардировщик, траль-щик, налад-чик и т.п.), -льщик / -льник (краси-льщик, пряди-льщик, умыва-льник, кипяти-льник и т.п.), -ец /-лец (чит-ец, жн-ец, скита-лец, корми-лец и т.п.), -ак/-ач (леж-ак, рез-ак, тяг-ач, толк-ач и т.п.), -ун (шал-ун, свист-ун, колд-ун, бег-ун и т.п.), -ок (ед-ок, стрел-ок, игр-ок, ход-ок и т.п.), -арь/-аль (лек-арь, пис-арь, вр-аль, стриг-аль и т.п.), -атор (реставр-атор, агит-атор, организ-атор, экзамен-атор и т.п.), -ор (грав-ёр, ухаж-ёр, редакт-ор, инвест-ор и т.п.), -ант/-ент (симул-янт, консульт-ант, рефер-ент, реценз-ент и т.п.), -ат (делег-ат, адрес-ат, кастр-ат и т.п.), -лк(а) (жен.) (гада-лк-а, сиде-лк-а), -л(а) (надува-л-а, зубри-л-а), -к(а) (лаком-к-а, недоуч-к-а, таратор-к-а), -аг(а), -ак(а) (брод-яг-а, дел-яг-а, служ-ак-а), -ух(а)(жен.), -х(а)/-ох(а) (стряп-ух-а, растеря-х-а, выпив-ох-а), -иш (подкид-ыш, оборв-ыш, выкорм-ыш), -иш(а)/-уш(а) (коп-уш-а, плак-уш-а, крик-уш-а), -ул(я) (игр-ул-я и др.), -еј- (шве-я, вороже-я и др.); от прилагательных посредством суф.-ик (стар-ик, фронтов-ик, почасов-ик, виновн-ик и т.п.), -щик (жестян-щик, кранов-щик, ядер-щик, лоден-щик и т.п.), -ец (стар-ец, слеп-ец, ленив-ец, оборван-ец и т.п.), -ист (фигур-ист, специал-ист, индоевропе-ист, терм-ист и т.п.), -ак (чуж-ак, бедн-як, бос-як, горн-як и т.п.), -ач (бог-ач, ловк-ач, лих-ач и т.п.), -к(а) (нежен-к-а, одиноч-к-а, смуглян-к-а), -иц(а) (пьян-иц-а, умн-иц-а, туп-иц-а и т.п.),

- в аварском языке производные существительные этой группы образуются посредством суф. -хъан и -чи (жен. -чІужу):

-хъан: хъвадару-хъан «писатель», цеве-хъан «передовик», -гъан (от косвенной основы существительных: гъаби-гъан «мельник» <гъо-бо «мельница», коро-гъан «печник, истопник» <кор «общественная печь», бого-гъан «повар, кашевар» <бог «ужин, вечерняя еда»; от прямой основы: бетІер-гъан «собственник, владелец, хозяин» <бетІер «голова»).

-чи¹⁴: кумек-чи «помощник», илхъи-чи «табунщик», хъулухъ-чи «служащий», хъамал-чи «грабитель», шагъар-чи «горожанин», зурма-

¹⁴ В специальной литературе данный аффикс характеризуется следующим образом: "... на стыке аварско-кумыкских языковых контактов в аварском языке возник гибридный по своему генезису способ словообразования, он включает в себя, с одной стороны, исконно аварский способ словосложения, где вторым компонентом выступает чи "человек", "мужчина", чІужу "женщина", с другой - новообразования с заимствованным кумыкским суффиксом -чи, но подчиненным парадигме аварского существительного чи "человек", "мужчина" [Джидалаев, Алиханов 1985: 52].

чи `зурнач», *тухум-чи* `человек, покровительствующий своим родственникам», *гьунар-чи* `умелец», *къасаб-чи* `мясник», *даран-чи* `торговец», *гьереси-чи* `лжец», *масхара-чи* `шутник», *тохал-чи* `бдительный человек», *байрахъ-чи* `знаменосец», *чIанда-чи* `болтун», и т.д. По своей семантике производящие основы выражают здесь предмет или сферу деятельности, с которыми связано название лица.

В ряде слов образования с *-чи* по признаку пола противопоставляются именам на *-чIужу* `женщина» (подробно см. Джидалаев, Алиханов 1985). Возможно образование подобных имен и от безаффиксных основ, ср. *цIогьор-чIужу* `воровка» <*цIогьор* `вор».

б) абстрактные имена существительные, имена действия, состояния и т.п.:

- в русском языке производные существительные этой группы образуются посредством суф. *-ниј/-иј-* (*наказа-ние, рисова-ние, курение* и т.д.), *-нь* (*тка-нь, рва-нь, руга-нь* и т.п.), *-к(а)/-овк(а)* (*линь-к-а, голод-овк-а, руб-к-а* и т.п.), *-ациј-* (*корон-ация, репети-ция, редак-ция* и т.п.), *-ств(о)* (*воров-ство, убий-ство, праздне-ство* и т.п.), *-от(а)-* (*дрем-от-а, зев-от-а, ик-от-а* и т.п.), *-б(а)* (*борь-б-а, стрель-б-а, моль-б-а* и т.п.), *-н(я)* (*рез-н-я, болтов-н-я, маз-н-я* и т.п.), *-аж/-ож* (*инструкт-аж, плат-ёж, пад-ёж* и т.п.), *-ость, -омость/-имось, -онность/-нность/-тость*, (*жал-ость, заболела-емось, проводимось, договор-ённость, задолже-нность, заня-тость*, и т.п.), *-ок* (*пин-ок, скач-ок, глот-ок, хлоп-ок* и т.п.).

В аварском языке представлена специфическая категория имени-глагола - *масдар*, который также имеет специфические способы образования. В русском языке этой форме соответствуют отглагольные имена существительные типа *чтение, ходьба* и др. Эта форма является названием действия и обладает как именными, так и глагольными свойствами. *Масдар* может иметь при себе самостоятельный субъект в именительном, дательном, активном и в местном падеже 1 серии, может управлять другими склоняемыми словами в косвенных падежах. *Масдар* аналогично существительному обладает способностью изменяться по падежам, классам и числам.

Исследователи аварского языка высказывали различные точки зрения по поводу суффиксов *масдара*. М.-С. Саидов и Л. И. Жирков выделяют следующие окончания *масдара*: *-и*: *хIалтIи* «работа, делание», *-ин*: *букIин* «бытие», *-ей*: *тIей* «вливание», *-ай*: *хъвай* «написание», *-ой*: *сорой* «дрожание», *-уй*: *ччуй* «обмакивание». В учебни-

ках аварского языка для педучилищ помимо приведенных выделяются еще три аффикса: *-хи*: *зирхи* «стать ярким, красочным», *-хин*: *макъихин* «сонливость, сонливое состояние», *-льи*: *тохльи* «упущение». По Г. И. Мадиевой [1981: 117], выделяется четыре суффикса масдара: *-и*: *цIали* «чтение», *-ин*: *букIин* «бытие», *-ей*: *седей* «клеение», *-й*: *хъвай* «писание». По нашему мнению, все эти аффиксы являются вариантами единого аффикса *-и*, видоизменение которого регулируется типом глагольной основы - на согласный (*-и*), на гласный (*-и > -й*) и на носовой (*-ин*).

К именованным признакам масдара можно отнести его склоняемость по типу имени существительного с гласным исходом. Ср.:

Им. пад.	<i>цIали</i> «чтение»	<i>нодо</i> «лоб»
Эрг. пад.	<i>цIали-яль</i>	<i>нодо-яль</i>
Род. пад.	<i>цIалияль-ул</i>	<i>нодояль-ул</i>
Дат. пад.	<i>цIалияль-е</i>	<i>нодояль-е</i>
Лок. I	<i>цIалиял-д-а</i>	<i>нодоял-д-а</i>
Лок. II	<i>цIалияльу-хъ</i>	<i>нодояльу-хъ</i>
Лок. III	<i>цIалияльу-ль</i>	<i>нодояльу-ль</i>
Лок. IV	<i>цIалияльу-къ</i>	<i>нодояльу-къ</i>

б) Масдар, как и имя, может выступать в предложении в функции подлежащего и прямого дополнения: *ЦIали* (подлежащее) *хазина буго* «Учение есть клад». *ДуцаахIдей* (дополнение или объект) *жибго те, Муса!* «Ты крик оставь, Муса!» .

В ряде случаев масдарные формы, утрачивая глагольные черты, переходят в абстрактные имена существительные: *унти* «болезнь», *хъвади* «хождение». Критерием разграничения масдара и абстрактных существительных считается возможность участия существительного в определительных конструкциях:

Дида лъана собраниялда ГIали кIальай (масд.) «Я узнал, что на собрании Али говорил»; *Дида клубалда мун къурди* (масд.) *лъала* (букв.) «Я знаю твое танцевание в клубе» .

Дур къварараб кIальай (сущ.) *дида рагIана* [Р. XI.] «Твою смелую речь я слышал»; *Берцинаб къурди* (сущ.) *буго Мусал* (букв.) «Хороший танец есть у Мусы» .

В первой группе предложений на масдар указывает наличие имени субъекта глагольного действия при отглагольном имени, во второй группе предложений наприобретение субстантивных признаков указывает определение-прилагательное.

А. А. Бокарев разграничивал масдар и существительное по типу косвенной основы. Если масдар имеет регулярный аффикс косвенной основы *-аль-*, то отглагольное существительное - аффикс *-у-*:

Им. пад.	<i>xIalmtIu</i>	<i>xIalmtIu</i> «дело»
	«делание» (масдар)	(существ.)
Эрг. пад.	<i>xIalmtIuяль</i>	<i>xIalmtIу-ца</i>
Род.пад.	<i>xIalmtIуяль-ул</i>	<i>xIalmtIу-л</i>
Дат.пад.	<i>xIalmtIуяль-е</i>	<i>xIalmtIу-е</i>
Лок. I	<i>xIalmtIуял-д-а</i>	<i>xIalmtIу-д-а</i>
Лок. II	<i>xIalmtIуяльу-хъ</i>	<i>xIalmtIу-хъ</i>
Лок. III	<i>xIalmtIуяльу-лъ</i>	<i>xIalmtIу-лъ</i>
Лок. IV	<i>xIalmtIуяльу-къ</i>	<i>xIalmtIу-къ</i>

Среди имеющихся в русском языке абстрактных имен с масдаром можно соотносить, по-видимому, прежде всего отглагольное существительное на *-ени(е)*. По существу же в русском языке не имеется столь же унифицированной формы отглагольного существительного.

- в аварском языке производные существительные этой группы образуются посредством суф. *-лъи* (*бахIарчилъи* «храбрость», *бер-цинлъи* «красота» и т. д.

в) имена существительные, выражающие состояние, результат действия:

- в русском языке производные существительные этой группы образуются посредством суф. *-ин(а)* (*царап-ин-а*, *трещ-ин-а*, *морщ-ин-а* и т.п.), *-ив(о)* (*чт-ив-о*, *варе-в-о*, *мес-ив-о* и т.п.), *-к(и)* (*объед-ки*, *очист-ки*, *издерж-ки* и т.п.), *-изм* (*тюрк-изм*, *вульгар-изм*, *арха-изм*, *окказионал-изм* и т.п.),

- в аварском языке производные существительные этой группы образуются посредством суф. *-ел* (*рох-ел* «радость» < *р-ох-изе* «радоваться»; *рег-ел* «постель» < *р-ег-изе* «лежать», *регI-ел* «досуг» < *регI-изе* «иметь досуг», *ругI-ел* «кусочек мяса» < *р-угI-изе* «совать, впихи-

вать», *рек-ел* «обломок» < *р-ек-изе* «ломаться», *рекъ-ел* «мир» < *рекъ-езе* «приспосабливаться», *реџI-ел* «расплата» < *реџI-изе* «платить», *рухI-ел* «горе» < *р-ухI-изе* «гореть», *рат-ел* «наследство» < *р-ат-изе* «находить», *р-етI-ел* «одежда» < *ретI-ине* «одевать(ся)», *тIокIкI-ел* «осадок» < *тIокIкI-ине* «отстаиваться», *џIикIкI-ел* «увеличение» < *џIикIкI-ине* «увеличиваться», *р-укI-ел* «жилище» < *рукI-ине* «жить», *рач-ел* «пояс» < *рорч-ине* «надевать», *рукк-ел* «сбор(ище)», *хв-ел* «смерть» < *хв-е-зе* «умереть», *хутI-ел* «остаток» < *хутI-изе* «остаться», *урхъ-ел* «тоска» < *урхъ-изе* «тосковать», *ургъ-ел* «раздумье» < *ургъ-изе* «думать», *мехт-ел* «пьянство» < *мехт-изе* «пьянеть», *тI-ел* «обрывок» < *тI-езе* «рвать», *џIутI-ел* «выступ» < *џIутI-изе* «выпячиваться»); *-ен* (*релъен* «краска» < *р-елъине* «красить», *рухъ-ен* «связь» < *р-ухъ-ине* «связать», *рикIкI-ен* «число» < *р-икIкI-ине* «считать», *рас-ен* «узор» < *р-ас-ине* «наносить узор», *рештI-ен* «привал» < *р-ештI-ине* «спускаться», *рах-ен* «переправа» < *р-ах-ине* «переправляться», *рукIкIен* «морщина» < *р-укIкI-ине* «морщиться», *рачI-ен* «дамба», *роџI-ен* «ясность погоды» *I* «гной» < *р-еџIџI-изе* «капать, сочиться», *роџ-ен* «мерка» < *р-орџ-ине* «мерить», *рук-ен* «зуд» < *р-ук-аризе* «зудеть», *чIахъ-ен* «состояние» < *чIахъ-ине* «здоровствовать», *чIалх-ен* «распарывание» < *чIалхине* «пороть», *хурх-ен* «отношение, связь» < *хурхине* «прильнуть», *хъвалхъ-ен* «полено» < *хъвалхъине* «колоть (дрова)»).

д) имена со значением предмета, инструмента действия, приспособления, сооружения:

- в русском языке производные существительные этой группы образуются посредством суф. *-лк(а)*, *-ловк(а)* (*мига-лк-а*, *цеди-лк-а*, *горе-лк-а* и т.п.), *-л(о)* (*покрыва-л-о*, *пуга-л-о*, *точил-о*, *мыл-о*), *-ниц(а)* (*скреб-ниц-а* и т.п.)

- в аварском языке производные существительные этой группы образуются посредством суф. *-ро* (*борльа-ро* «сверло» < *борль-изе* «сверлить», *борца-ро* «мерило» < *борџ-ине* «мерить», *борха-ро* «рычаг» < *борх-изе* «поднимать», *буха-ро* «доска для складывания белья после стирки» < *бух-изе* «бить», *боса-ро* «часто поднимающееся и опускающееся облако» < *бос-изе* «брать»; *хъухъади-ро* «пила», *пиштIе-ро/гъешде-ро* «свисток», *къвагъе-ро* «детский пистолет, пугач», *џIади-ро* «чашка весов», *зинкIкIе-ро* «игра в щипки», *къади-ро* «застежка», *хади-ро* «грабли», *къене-ро* «зоб», *хъештIе-ро* «каток». см. также Микаилов 1965. Производящей основой подобных слов, види-

мо, служила учащательная, ср.: *борль-ар-изе*, *борх-ар-изе*, *бос-ар-изе*, *бух-ар-изе* и т.п. (сравнение с отрицательными формами здесь, по нашему мнению, менее перспективно). В аварском языке имеется также значительное количество слов той же семантики с затемненной производящей основой: *вахти-ро* «рашпиль», *гвангвади-ро* «углубление в скале»¹⁵, *гьада-ро* «тарелка», *хьанди-ро* «горский серп», *мого-ро* «рычаг», *можо-ро* «жребий», *рогIo-ро* «мельничный лоток, желоб»¹⁶. В подобных словах суффикс может выделяться лишь исходя из общего инструментального значения данной группы слов, хотя могло быть и так, что именно это значение явилось причиной фонетического сближения с этой группой основ, имевших иную структуру.

е) имена со значением места действия:

- в русском языке производные существительные этой группы образуются посредством суф. *-ищ(е)* (*жил-ищ-е*, *хранил-ищ-е*, *пристан-ищ-е*), *-j-* (*гнездовь-е*, *кочевь-е*, *зимовь-е*), *-к(а)* (*дежур-к-а*, *кочегар-к-а*, *караул-к-а*),

- в аварском языке значения отмеченных выше суффиксов передаются описательно, ср. *хранил-ищ-е* - *щибниги жо цIунулеб бакI* [Саидов, Микаилов 1951: 1002]; *зимовь-е* - *кьин тIамулеб бакI* [Саидов, Микаилов 1951: 286]; *кочегар-к-а* - *паралъул хьагал жанир ругеб рукъ* [Саидов, Микаилов 1951: 365] и т.п.

ж) имена с собирательным значением:

- в русском языке производные существительные этой группы образуются посредством суф. *-ищ(а)* (*конн-ищ-а*, *вольн-ищ-а*).

Таким образом, сопоставление особенностей словообразования имен существительных в рассматриваемых языках позволяет сделать следующие выводы:

И в том, и в другом языке этот способ словообразования играет значительную роль. В количественном отношении русские суффиксы более многочисленны, что, по-видимому, обуславливает и такие особенности русского суффиксального словообразования по сравнению с аварским, как наличие суффиксов со специализированными значениями (ср., например, названия однократного действия, названия болезней и т.д.), наличие словообразовательной синонимии и др. Флективный характер русской морфологии обуславливает такое явление,

¹⁵Ср. *гван-д* `яма', *гвангва* `белка', *гвангвара* `череп' [Микаилов 1965: 47].

¹⁶ На связь с *рагIи* `корм' указывает К.Ш.Микаилов [1965: 48].

как вариативность суффиксов.

Префиксация

В специальной литературе [см. Мадиева 1991: 10] отмечается, что «в отличие от русского, в аварском языке мы не имеем словообразующих приставок, их значение на аварский язык передается описательно:

выходит (**къватIиве вачIуна**)
приходит (**нижехье вачIуна**)
проходит (**аскIосан уна**)
уходит (**аскIоса нахье уна**)
обходит (**сверун тирун уна**)
доходит (**аскIове вачIунев вуго**).»

Вместе с тем, в аварском языке имеется несколько пар имен существительных типа *вакъад* «тесть, свекор» ~ *якъад* [йакъад] «теща, свекровь», *вас* «сын» ~ *яс* [йас] «дочь», *вац* «брат» ~ *яц* [йац] «сестра», *вацIал* «двоюродный брат» ~ *яцIал* [йацIал] «двоюродная сестра» с префиксальным классным показателем. Категория класса не является для существительных (в т.ч. и для вышеприведенных) словоизменительной, и, таким образом, префиксальный классный показатель в подобных примерах должен считаться словообразовательным префиксом. Действительно, в приведенных выше словах имеет место процесс образования новых лексем от неклассных основ, имеющих более отвлеченное значение (без конкретизации по признаку пола).

В русском языке образование существительных с помощью приставок сводится к следующим случаям:

1. Образование существительных со значением высокой степени качества с помощью приставок *раз-/рас-* (*рас-красавица*), *сверх-* (*сверх-человек*), *супер-* (*супер-танкер*), *архи-* (*архи-демократ*), *ультра-* (*ультра-модный*), *гипер-* (*гипер-коррекция*), *экстра-* (*экстра-класс*);
2. Образование существительных со значением противоположности с помощью приставок *анти-* (*анти-мир*), *противо-* (*противодействие*), *контр-* (*контр-удар*), *де-/дез-* (*де-милитаризация*, *дез-*

информация), *не-* (*не-счастье*), *дис-* (*диспропорция*), *ин-/им-/ир-*;

3. Образование существительных со значением ложности, неистинности с помощью приставок *псевдо-*, *квази-*;

4. Образование существительных со значением совместности с помощью приставки *со-*: *со-автор*, *со-владелец* и т.п.;

5. Образование существительных со значением совместности с помощью приставок *под-* и *суб-*: *под-вид*, *суб-подрядчик* и т.п.

К менее продуктивным приставкам в именном словообразовании русского языка относятся *пра-* (*пра-дед*), *экс-* (*экс-чемпион*) и нек. др.

Таким образом, в русском языке префиксация в словообразовании существительных представлена шире, чем в аварском, хотя и здесь она не является доминирующим способом.

Конфиксация (префиксально-суффиксальный способ)

В аварском языке префиксально-суффиксальный способ словообразования существительных практически не представлен, если не считать окаменелый классный префикс в отглагольных существительных (о них речь шла выше) словообразовательным. В русском языке, как отмечается в специальной литературе, «этим способом образуются существительные на базе сочетаний существительных с предлогами. В составе производного предлог преобразуется в приставку:

а) существительные с пространственным значением: *под-снежник*, *на-рукав-ник*, *за-реч-ье*, *при-мор-ье* и др.;

б) существительные с временным значением: *меж-сезон-ье*, *пред-зим-ье*;

в) существительные, обозначающие отсутствие чего-л.: *без-работ-иц-а*, *без-дорож-ье* и т.д.

Ср. также непродуктивные модели в словах типа *па-сын-ок*, *па-дчер-иц-а*, *су-глин-ок* и нек. др.

Словосложение

Сложные существительные играют заметную роль в словообразовании обоих сравниваемых языков.

Для русского языка в субстантивном словообразовании характерно использование соединительных гласных (интерфиксов) при образовании сложных слов, хотя имеются и композиты, образованные «чистым сложением» .

Сложные существительные в аварском языке образуются при помощи следующих словообразовательных моделей:

(а) по модели «Сущ.им. + Сущ.им.» : *хоноборохъ* «уж» (*хоно* «яйцо» + *борохъ* «змея»), *гозоГоркъ* «рукоятка кирки» (*гозо* «кирка» + *Горкъ* «рукоятка»), *туснахърукъ* «тюрьма» (*туснахъ* «арестант» + *рукъ* «дом»), *хъаравулгъой* «сторожевая собака» (*хъаравул* «охрана» + *гъой* «собака»), *гъалбацI* «лев» (*гъал* «коса» + *бацI* «волк»), *тIехIницI* «канифоль» (*тIехI* «парша» + *ницI* «смола»), *тIинчIна* «молодой рой» (*тIинчI* «детеныш» + *на* «рой, пчела»), *варанихIинчI* «страус» (*варани* «верблюд» + *хIинчI* «птица»), *габаниквар* «дратва» (*габани* «конопля» + *квар* «веревка»), *габанихъон* «конопляное семя» (*габани* «конопля» + *хъон* «семя»), *габанихъон* «конопляное семя» (*габани* «конопля» + *хъон* «семя»), *гIекIмацI* «пряжка» (*гIекI* «колечко» + *мацI* «язык»), *тIалагъуд* «ящик для ложек, вилок и ножей» (*тIала* «корзинка» + *гъуд* «ложка»), *гохIккел* «холмистая местность» (*гохI* «холм» + *ккел* «местность» – сущ. от *ккезе* «быть, оказаться»).

В русском языке отмечается лишь небольшое количество имен, образованных по данной модели: *генерал-майор*, *царь-рыба*, *Царь-гради* др.

Эта модель в аварском языке является довольно продуктивной и во многих случаях является эквивалентом сочинительным словосочетаниям, ср. *вакъи-къеч* «лишения» (букв. «голод + жажда»), *къайи-къоно* «домашняя утварь» (букв. «утварь + сковорода, плита»), *къайи-свери* «домашнее хозяйство» (букв. «утварь + круг, окрестность»), *зоб-ракъ* «мир, вселенная» (букв. «небо + земля»), *къайи-цIа* «домашний скарб» (букв. «утварь + огонь»), *хабар-кIал* «беседа» (букв. «весть + рот»), *хабар-гIазаб* «новость» (букв. «весть + страдание»), *ханжу-цIам* «продукты» (букв. «мука + соль»), *мусру-харж* «все, что требуется для похорон» (букв. «саван + расход»), *вац-яц* «брат и сестра»), *тIикъвамагI* «подкова с гвоздями» (*тIикъва* «подкова» + *магI* «гвоздь»), *хатIа-балагъ* «беда, недоразумение» (*хатIа* «ошибка» +

балагь «беда»). Более того, в подобных композитах нередко объединяются синонимичные основы: *зулму-хІал* «насилие, угнетение» (букв. «насилие, угнетение + сила»).

В дагестановедении была высказана мысль об отнесении номинативных единиц подобной структуры к сфере фразеологии. Так, по мнению А.Г. Гюльмагомедова, «при синхронном анализе континиума номинативных единиц дагестанских языков объектом фразеологической деривации должны быть образования следующих групп.

В первую очередь должны быть отмечены имена, состоящие из двух компонентов - чистых основ, и составные части которых соединены между собой как сочинительным, так и подчинительным типом связи. Примеры: авар. *варанихІинчІ* (верблюд-птица) «страус», *хІамагага* (осел-косточка) «одуванчик», *сордо-къо* (день-ночь) «сутки», *эбел-эмен* (мать-отец) «родители», *оц-гІака* (бык-корова) «скот», *вац-вас* (брат-сын) «близкая родня»; лак. *макъара-оърватІи* (скорлупа-лягушка) «черепашка», *варани-чІелму* (верблюд-птичка) «страус», *ххячара чІелму* (перепонка-птица) «летучая мышь», *бюрхттукку* (заяц-осел) «белка», *гъалбарцІ* (*гъал* «грива», *барцІ* «волк») «лев»; рут. *цІир-хъум* (полено-дым) «головешка», *цІай-рапын* (огонь-метание) «молния» [Гюльмагомедов 1996: 17].

В эту группу следует включить и характерные для аварского языка имена собственные типа *ХІажимурад*,

(б) по модели «Сущ.косв. + Сущ.им.» : *гъаки-бер* «колесо» (< *гъаки-* «арба [косв. осн.]»+ *бер* «глаз»), *тІажда-рухъен* «гашник» (< *тІажда-* «брюки [косв. осн.]»+ *рухъен* «связь, завязка»), *тІажда-гІаг* «штанина» (< *тІажда-* «брюки [косв. осн.]»+ *гІаг* «штанина»), *тІатІу-чед* «кружки заготавливаемого впрок топленого сала» (< *тІатІу-* «сало [косв. осн.]»+ *чед* «хлеб»), *кутна-махх* «лемех» (< *кутан* «плуг [косв. осн.]»+ *махх* «железо»), *гъади-ражи* «черемша» (< *гъеду* «ворона [косв. осн.]»+ *ражи* «чеснок»), *цида-хІелеко* «недотрога» (< *цида-* «гнев [косв. осн.]» + *хІелеко* «петух»), *хІанчІ-и-тІинчІ* «птенец» (< *хІанчІ-и-* «птица [косв. осн.]» + *тІинчІ* «детеныш»), *цІару-бакІ* «местоимение» (< *цІар-у-* «имя [косв. осн.]» + *бакІ* «место»), *гІечу-гъветІ* «яблоня» (< *гІечу-* «яблоко [косв. осн.]»+ *гъветІ* «дереву»), *мокъро-гъветІ* «персиковое дерево» (< *мокъро-* «персик [косв. осн.]»+ *гъветІ* «дереву»), *гену-гъветІ* «груша (дерево)» (< *гену-* «груша [косв. осн.]»+ *гъветІ* «дереву»), *хари-бакІ* «сенокос» (< *хари-*

«трава [косв. осн.]»+ *бакI* «место»), *ччугI-и-нах* «рыбий жир» (< *ччугI-и-* «рыба [косв. осн.]» + *нах* «жир»), *чан-а-оц* «олень» букв. «зверья-бык» (< *чан-а-* «дичь, зверь [косв. осн.]» + *оц* «бык»), *цIили-къверкъ* «древесная лягушка» (< *цIил-и-* «хрящ [косв. осн.]» + *къверкъ* «лягушка»), *гIия-вехь* «чабан» (< *гIия-* «овца [косв. осн.]»+ *вехь* «чабан»), *гIосо-вехь* «коренной зуб» (< *гIусо-* «(коренной) зуб»+ *вехь* «чабан») и т.п. Можно считать, что слова такого рода были получены стяжением определительных словосочетаний, тем более что в ряде случаев сложные слова сохраняют подобную внутреннюю форму: *ччугI-и-л/гIин* «раковина» (букв.»рыбье ухо»), *цфIад-а-л/хIама* «улитка» (букв.»дождевой осел»), *буххул-нах* «жир, снятый с бульона» (< *буххул* – род. пад. от *буххи* – масд. от *буххизе* «снять, сгребать» + *нах* «жир»). При синхронном анализе сложных слов с подчинительной семантической структурой первым компонентом выступает косвенная основа, нередко трактуемая как усеченная форма родительного падежа;

(в) по модели «Прил./Нар. + Сущ.» : *гIисиннихь* «алыча» (< *гIисин* «маленький» + *нихь* «плод»), *тIеренчед* «тонкая лепешка» (< *тIерен* «тонкий» + *чед* «хлеб»), *хIоржо* «яловая овца» (< *хIор* «яловая» + *жо* «вещь»), *тIокIцIар* «прозвище» (< *тIокI* «лишний»+ *цIар* «имя»), *хъахIмахх* «жесть» (< *хъахI* «белый»+ *махх* «железо»), *хъахIракь* «белила» (< *хъахI* «белый»+ *ракь* «земля»), *цIигъан* «свежее мясо» (< *цIи-я-б* «новый»+ *гъан* «мясо»), *хъахIмикки* «белый голубь» (< *хъахI* «белый»+ *микки* «голубь»), *хъахIбер* «белок глаза» (< *хъахI* «белый»+ *бер* «глаз»). В результате этимологического анализа была показана историческая членимость аварской лексемы *чIчIужу* «женщина» [Гудава 1954] на *цIцIу-* «женщина, самка» и *жо* «вещь», что позволяет говорить об исходной модели «Прил./Нар. + Сущ.» и в данном слове.

(г) по модели «Числ. + Сущ.» : *ичIкIал* «скорпион» (< *ичI* «девять»+ *кIал* «рот»); *кIитIанкI* «двоеточие» (*кIи* – основа числительного *кIуго* - «два» + *тIанкI* - «точка»; *лъабгIин* – «клевер» (*лъаб* - основа числительного *лъабго* «три» + *гIин* «ухо»)

(д) по модели «Нар.¹⁷ + Сущ.» : *дандежо* «все, что едят с хлебом» (*данде* «напротив» + *жо* «вещь»); *нахъарукь* «кладовая» (*нахъа* «сзади» + *рукь* «дом»), *гIодонакIкI* «туман» (< *гIодо* «на земле»+

¹⁷ А также падежные формы существительных: *гIиялъа-жо* 'овца' (букв. 'из овец вещь').

накІкІ «облако»), *тІадгьобо* «верхний жернов» (< *тІад* «наверх[у]»+ *гьобо* «мельница»), *тІасагьури* «западный ветер» (< *тІаса* «сверху»+ *гьури* «ветер»), *тІасажо* «овца, которую отдают пастуху за охрану стада» (< *тІаса* «сверху»+ *жо* «вещь»), *къадекак* «полуденная молитва» (< *къаде* «днем»+ *как* «молитва»), *къадеквен* «обед» (< *къаде* «днем»+ *квен* «еда»), *къасиквен* «ужин» (< *къаси* «вечером»+ *квен* «еда»). По-видимому, к этой группе следует отнести и сложные основы с первым компонентом – существительным в местном падеже: *тІагьдикькквел* «подставка для пряслица» (< *тІагьди-къ* «пряслице [суб-лок.]»+ *кквел* – абстр. сущ. от *кквезе* «держатъ»);

(е) по модели «Глаг.(прич./дееприч.) + Сущ.» : *цІурачед* «пирог с начинкой» (< *цІура-б* «наполненный»+ *чед* «хлеб»¹⁸; *тІупуннакІкІ* «густой туман» (< *тІупун* – дееприч. от «окутаться»+ *накІкІ* «туман»

(ж) по модели «Сущ. + Глаг. (осн.)» : *габурбухъ* «шейный платок» (< *габур* «шея» + *бухъ[ине]* «связывать»), *гордабигъ* «занавеска» (< *горда* лок. пад. от «окно» + *бигъ(изе)* «завешивать»), *хинкІбахъ* «шумовка» (< *хинкІ* «хинкал» + *бахъ[ине]* «поднимать»), *тІурччибухъ* «углекоп» (< *тІурччи* «уголь» + *бухъ[изе]* «копать»), *тІурччибухІ* «углежог» (< *тІурччи* «уголь» + *бухІ[изе]* «жечь»); редко в качестве именного компонента может выступить деепричастие: *бухІунхутІ* «окурок» (< *бухІун* деепр. от *бухІизе* «гореть» + *хутІ[изе]* «оставаться»).

В отличие от аварского языка, аналогичная модель (если не принимать во внимание интерфикс) сложных слов в русском языке чаще используется для названий лиц: *скал-о-лаз*, *кост-о-прав*, *блюд-о-лиз* и т.д. Тем не менее и здесь фиксируются названия предметов, образованные по данной модели: *лед-о-ход*, *пул-е-мет* и т.д. По А.Г.Гюльмагомедову [1996: 18] конструкции вида «сущ-ное + мас-дар», например, *керенсвери* (*керен* «грудь», *свери* «кручение») «телогрейка», *цІараки* (*цІа* «огонь», *раки* «раздигание») «хозяйство», «двор», *бетІеркъай* (*бетІер* «голова», *къай* «сжать») «головная повязка», являются фразеологизмами.

(з) по модели «Сущ. + Прил.(кратк.)» : *гІоркъ-халат* «сорт груш» (< *гІоркъ* «ручка» + *халат[-аб]* «длинный»), *къвал-халат* «гор-

¹⁸ А.Г.Гюльмагомедов [1996: 17-18] трактует подобные образования как фразеологизмы. Между тем в аварском композите первый компонент лишен самостоятельности, что делает невозможным говорить в данном случае о словосочетании.

ский тулуп» (< *къвал* «рукав» + *халат* «длинный»), *гIакълугъечI* «безумец» (< *гIакълу* «ум»+ *гъечI(o)* «нет»), *куцберцин* «красавец» (< *куц* «лицо» + *берцин* «красивый»), *куцквеш* «безобразный, урод» (< *куц* «лицо» + *квеш* «плохой»). Интересно, что А.Г.Гюльмагомедов в качестве фразеологизмов приводит «конструкции аварского языка «сущное в им.п. + наречие» : *чехъквеш*(<*чахъ* «желудок, *квеш* «плохо») «обжора», *куцквеш* (*куц* «форма», «образец», *квеш* «плохо») «урод», *тIагъихъахI* (*тIагъи* «ручка», *хъахI* «бело») «кинжал с рукояткой из белой слоновой кости»» [Гюльмагомедов 1996: 18].

(и) по модели «Сущ. + Посл./Нар.» : *къайи-цадахъ* «компаньон» (букв. «утварь + вместе»).

Имеется также ряд существительных, образованных как бы сложением со вторым компонентом – отглагольным существительным. Своеобразие подобных слов заключается в отсутствии соответствующих самостоятельных существительных, выступающих во второй части композита, ср. *тIа-лъел* «крышка»< *тIад* «наверх(у)»+ **лъел* (ср. «ножны») < *лъезе* «класть». Можно считать, что самостоятельный второй компонент некогда функционировал в языке, но впоследствии был утрачен. С синхронной точки зрения налицо комбинированный способ словообразования – словосложение + суффиксация.

По составу компонентов русские сложные существительные также разнообразны. Здесь отмечаются следующие модели:

а) по модели «Прил. + Сущ.» : *вольн-о-слушатель*, *сух-о-фрукты*

б) по модели «Сущ. + Сущ.» : *книг-о-торговец*, *лес-о-промышленник*;

в) по модели «Числ. + Сущ.» : *перв-о-источник*, *втор-о-разрядник*

г) по модели «Мест. + Сущ.» : *сам-о-защита*, *сам-о-образование*.

При образовании сложных слов в русском языке фиксируются некоторые процессы, которые вынуждают говорить о комбинированном способе словообразования, ср. сложение с суффиксацией: *долг-о-лет-ие*, *канат-о-ход-ец* и т.д.;

Аббревиация

Аббревиация как особый способ словообразования, целью которого является создание более коротких по сравнению с исходными структурами (сложенными словами или словосочетаниями) синонимичных им номинаций, получила широкое распространение, в основном, в европейских языках в XX в., а в русском языке – после Октябрьской революции 1917 года. Структурное разнообразие аббревиации в русском языке сводится к следующим структурным типам:

1) аббревиатуры «инициального» типа, в свою очередь, подразделяющиеся на 3 подтипа:

а) буквенные аббревиатуры, состоящие из названий начальных букв слов, входящих в исходное словосочетание: *СНГ* (эс-эн-гэ) – *Содружество независимых государств*; *КПРФ* (ка-пэ-эр-эф) – *Коммунистическая партия Российской Федерации*; *ДГУ* (дэ-гэ-у) – *Дагестанский государственный университет*;

б) звуковые аббревиатуры, состоящие из начальных звуков слов исходного словосочетания, читающиеся как обычное слово: *вуз* – *высшее учебное заведение*; *РАН* – *Российская академия наук*;

в) буквенно-звуковые аббревиатуры, включающие как названия начальных букв, так и начальные звуки слов исходного словосочетания: *ЦСКА* (цэ-эс-ка) – *Центральный спортивный клуб Армии*;

2) слоговые аббревиатуры, включающие сочетания начальных элементов слов: *обком* – *областной комитет*; *Минпрос* – *Министерство просвещения*;

3) аббревиатуры смешанного типа, состоящие из начальных элементов слов и из начальных звуков или названий букв: *гороно* – *гор. отдел нар. образования*;

4) аббревиатуры, состоящие из начального элемента слова или нескольких слов и целого слова: *вторсырье* – *вторичное сырье*;

5) аббревиатуры, объединяющие начальную часть слова с формой косвенного падежа существительного: *комполка* – *командир полка*; *завкафедрой* – *заведующий кафедрой*;

б) аббревиатуры, состоящие из сочетания начала первого слова с концом (или началом и концом) второго: *мопед* – *мотоцикл-велосипед*.

Для аварского языка, как и для других дагестанских языков, аббревиация как способ именного словообразования не характерна. В аварских текстах русские аббревиатуры выступают в той форме, в какой они используются в языке источнике, ср.: *РСФСРалъулКПялъул-ДагърескомалъулДАССРалъул Верховный Советалъул ва Министрзабазул Советалъул орган* [Б.Б.] «Орган *ДагрескомаКПРСФСР*, Верховного Совета и Совета Министров *ДАССР*» ; *ДагъагропромстройалъулУМСалъул коллективалъул хIакъалъулъ видеофильм* [Б.Б.] «видеофильм околлективе *УМСДагагропромстроя*» и т.д.

Как видно из примеров, заимствуемые аббревиатуры теряют в аварском языке признак несклоняемости. Тем не менее, можно говорить о частичной калькируемости приведенных выше аббревиатур, поскольку компонент *Дагъ-* в рассматриваемых примерах указывает на норму не русского, а аварского языка.

Субстантивация

Субстантивированные прилагательные и причастия по своему значению могут быть отнесены к следующим группам:

а) названия лиц по признаку, выражаемому прилагательным: *слепой, глухой, хромой* и т.д.;

б) названия лиц по предмету: *штурвальный, звеньевой* и т.п.

в) названия лиц по действию (от имен прилагательных): *ссылный, посыльный* и т.д.

г) названия лиц по действию (от причастий - действительных и страдательных): *управляющий, командующий*, а также *пострадавший, обвиняемый* и т.д.

Интересно, что субстантивированные имена женского рода по значению обычно выражают различные помещения:

а) *учительская, прорабская* и др. (от названий лиц);

б) *душевая, сосисочная,пельменная* и т.д. (от названий предметов);

в) *курительная, операционная* и др. (от названий действий).

Субстантивированные имена среднего рода имеют либо абстрактное обобщенное значение (минувшее, пройденное, новое); либо предметное значение (горячее, мороженое, заливное).

В форме множественного числа субстантивируются видовые на-

звания животных и растений (*позвоночные, парнокопытные, зонтичные*) или же суммы выплат (*командировочные, суточные, квартирные*).

На явление субстантивации в аварском языке специалисты также обращали внимание. Ср.: «Аварскому языку присущи явления субстантивации прилагательного. В данном случае новое слово образуется без участия словообразовательных средств, но субстантивированное прилагательное приобретает все грамматические формы и синтаксические функции имен существительных. Субстантивация имени прилагательного в аварском языке имеет два вида. Первое - переход в существительное и второе - переход только в контексте. К словам первого типа можно отнести: *БахIарав кьурдулев вуго* «Жених танцует». *БахIарай кIалъалей йиго* «Невеста разговаривает». Ср.: 1. *БахIарав чи вуго дов* «Молодой человек есть он». *БахIарай чIужу йиго дай* «Молодая женщина есть она». 2. *БахIараль лъималазе сайгъат къуна* «Невеста детям подарки дала». *БахIарав гъоболлъухъе ахIун вукIана*. «Жениха в гости пригласили» .

Во втором типе прилагательное получает предметное значение только в контексте, в этом случае оно выполняет только функцию имени существительного, но само остается прилагательным и в класс существительных не переходит.

Ворхатав чи вахчун вукIана къеда нахъа «Высокий человек спрятался за стеной». *Ворхатав хехго вихъулаан* «Высокого быстро замечали». *ГIинкъав вас вуго досул* «Глухой сын у него». *ГIинкъав ахIмIолев вихъула* «Глухой кричит» .

В этих примерах *ворхатав* «высокий», *гIинкъав* «глухой» используются в качестве существительного.

Субстантивированные прилагательные выполняют в предложениях те же синтаксические функции, что и существительные, т. е. они могут выступать в предложении в роли подлежащего (субъекта), прямого дополнения (объекта) и в роли косвенного дополнения» [Мадиева 1981: 82].

Видимо, следует отметить, что в аварском языке тип субстантивации ограничивается одним из перечисленных выше, а именно когда субстантивированное имя - это название лица.

2. Сравнительная характеристика производящих

основ в именном словообразовании

В обоих сравниваемых языках производящей основой при образовании существительных могут выступать основы практически всех частей речи.

С точки зрения производящей основы имена, образованные от существительных в аварском языке, могут быть подразделены на: (а) образованные от прямой основы («именительного падежа») и (б) образованные от косвенной основы («родительного падежа»).

Довольно регулярно образуются существительные от основ прилагательных (наречий), причем производящая основа в обоих случаях может указывать на характеристику лица (суф. *-чи*) или название качества, ср.: *мискин-чи* «бедняк» - *мискин-лъи* «бедность».

В ряде случаев производящей основой для абстрактных имен становится суффиксальная форма со значением лица, ср.: *бахIар-чи* «смелчак» - *бахIарчи-лъи* «смелость», *бихьин-чи* «мужчина» - *бихьинчи-лъи* «мужество». Легко видеть, что в подобных примерах мы имеем дело со словообразовательной цепочкой. Аналогичное явление не редкость и в русском языке, ср. *мест-о* - *по-мест-ье* - *по-мещ-ик*.

Ср. также словообразовательный ряд с обоими вариантами абстрактного существительного: *гIолохъан-чи* «юноша» - *гIолохъанчи-лъи* «молодость» - *гIолохъан-лъи* «омоложение».

Своеобразную модель представляет существительное *чу-гун-чи* «человек с лошастью», основу которого составляет именительный падеж, осложненный союзной частицей *-гун*.

Имена существительные могут быть образованы также от наречий, ср.: *хаду-чи* «подручный» от *хаду-б* «сзади». В русском языке такие имена по существу единичны, ср. *пред-ок* (<*перед*), разг. *почему-чк-а*, а также *сообщ-ник*, *сообщ-еств-о* (< *сообща* см. РГ I: 219; впрочем, последние два слова могут иметь и иную деривационную историю: *со-обществ-о* < *общество*, *со-общ-ник* < *общ-ий* префиксально-суффиксальным способом).

В аварском образовании абстрактных имен от наречий-послелогов - регулярное явление, ср. *тIа-лъи* «плоскогорье; пост главы» < *тIа-д* «на(верху)», *гIодо-лъи* «низина, низменность» < *гIодо-б*

«внизу».

Отглагольные имена образуются от основ различных видов. При этом следует заметить, что названия лиц в аварском языке образуются от учащательных основ, в то время как в русском языке для именного словообразования используются различные видо-временные основы.

3. Словообразовательные типы имен с точки зрения семантики

Nomina actionis.

В обоих языках эта группа производных имен достаточно многочисленна, причем если в русском языке используемые при этом средства многообразны и не столь регулярны, в аварском имеется практически единый тип отглагольного имени - масдар, образуемый практически от любого глагола.

Nomina agentis.

В сравниваемых языках в качестве особого словообразовательного типа можно выделить имена со значением лица, названные как по характерному действию, так и по характерному предмету - объекту обычного для данного лица действия. Как пишет Г.И.Мадиева [1971: 11], «в аварском языке при образовании слов со значением профессии выступают суффиксы: **-чи, -хъан, -гъан**. В русском языке им соответствуют **-щик, -ник, -тель, -чик, -ак, -ец** и др.:

колхозчи (колхозник), **сагІатчи** (часовщик), **къадахъан** (каменщик), **гъокочи** (извозчик), **гамихъан** (владелец парохода), **гъабигъан** (мельник), **хъвадарухъан** (писатель), **даранчи** (торговец), **ччугІихъан** (рыбак)» .

Как видно из примеров, несмотря на различия в производящих основах, в используемых суффиксах и их продуктивности, в единую

группу эти слова объединяет их общая семантика.

Среди названий лиц необходимо выделить еще две подгруппы:

а) имена с дополнительным экспрессивным (ласкательным, пренебрежительным и т.п.) значением. В обоих языках эта группа имен весьма непродуктивна.

Использование того или иного словообразовательного способа с несвойственной ему семантикой может послужить основой для создания своеобразного стилистического эффекта. Об этом достаточно подробно пишет М. М. Халиков: «Способом создания экспрессивных номинативных единиц может быть нарушение правил дистрибуции словообразовательных средств, т. е. перенос этих средств из привычной для них предметно-понятийной сферы функционирования в другую, несвойственную им, по принципу контраста (чем более отдалены друг от друга указанные сферы в естественной картине мира, тем ощутимее экспрессивный эффект). К примеру, суффикс *-ро* служит в аварском языке преимущественно для образования имен существительных – наименований орудий труда: *могоро* «рычаг», *гьохтиро* «рашпиль», *борльаро* «сверло», *хадиро* «грабли», *хъухъадиро* «пила», *бухаро* «стиральная доска» и т. д. Если же с помощью этого суффикса образуется имя существительное для обозначения человека, то сам факт уподобления человека и орудия становится источником негативно-оценочной экспрессии. То обстоятельство, что при транспозиции суффикса имеет место, как правило, и семантический (метафорический) перенос в производящей основе, делает такое образование особо выразительным: *сентIеро* «тот, кто сует свой нос во все дела», ср. *сентIезе* «нюхать, разнюхивать». По этой модели в речи могут свободно образовываться новые, неожиданные, актуальные только для данного контекста коммуникативные единицы с яркой эмоционально-образной коннотацией. В одной из повестей М. Магомедова читаем: *ГьитIинаб мехалъги ай гъайго хIенчеро йикIана* «И в детстве она была такой же **задирой**»; ср. фреквентивный глагол *хIенчезе* «колоться». Ср. также окказионализм с тем же значением *хIенсеро* у А. Хачалова» [Халиков 1997: 89].

б) названия существ женского пола. Суффиксальное образование имен этой группы развито лишь в русском языке. Ср. *повар-их-а*, *кондуктор-ш-а*, *шалун-ь-я*, *буфет-щиц-а*, *красав-иц-а* (в названиях людей), *тигр-иц-а*, *слон-их-а*, *голуб-к-а* (в названиях животных) и т.п.

Для аварского языка эффективным средством выражения половых различий служит склонение имени «общего рода» по второму («женскому») типу, определение *цӀуяб* «самка» или же использование суффиксоида *чӀужу* «женщина».

В обоих языках имена данной семантической группы продуктивно образуются с помощью словосложения по модели «Сущ. + Глаг.» (рус. *дровосек, рыболлов, бракодел*, авар. *гьудрулчӀикӀ* «блюдолиз», *тӀасанкӀануӀ* «сверхупрыг, т.е. наглец», *гӀункӀкӀбечӀчӀ* «мышедой, т.е. скряга», *кьвачӀакӀумӀ* «сумотряс, т.е. последний ребенок в семье» и т.п. В аварском языке отмечают экспрессивный характер подобных образований [Халиков 1998: 18], в русском экспрессивность налицо лишь у их части: *блюдолиз, лоботряс* и т.п.

Как отмечается в специальной литературе: «Продуктивной, открытой для индивидуально-авторского словотворчества моделью в аварском языке является словосложение со вторым компонентом - *гьечӀ*. В качестве первого компонента выступают имена существительные, общим семантическим признаком которых является то, что их денотаты оцениваются носителями языка как нечто социально-престижное: *адабгьечӀ* «не имеющий учтивости, невежа», *намусгьечӀ* «не имеющий совести, бессовестный», *ничгьечӀ* «не имеющий стыда, бесстыдный», *пайдагьечӀ* «не имеющий пользы, бесполезный», *гӀакьлугьечӀ* «не имеющий ума, неумный», *бетӀергьечӀ* «не имеющий головы, неумный» и т.д. Употребляются такие слова как средства пейоративной номинации человека» [Халиков 1998: 18].

В русском языке эта лексико-семантическая категория характерна для прилагательных, образуемых с помощью приставки *без-/бес-*: *бессовестный, бесстыдный, бесполезный* и т.д.

Среди экспрессивных сложных слов аварского языка упоминаются также образованные по модели «Сущ.+ прил.» существительные типа *кӀалбегӀер* «рот астр, т.е. остряк», *рагӀибегӀер* «слово остро, т.е. острослов», *гӀамалберцин* «нрав красив, т.е. благоденствующий человек». В русском языке им соответствуют сложные образования с обратным порядком компонентов, причем более типичны для русского языка имена прилагательные, ср. *бледнолицый, красноносый, черноглазый*, из существительных – *толстосум, хромоножка* (с суффиксацией) и др.

Названия инструментов и т.п.

Суффиксы, придающие производному слову подобные значения, отмечаются в обоих сравниваемых языках. Об одном из аварских суффиксов К. Ш. Микаилов пишет следующее: «Количество словообразовательных суффиксов в аварском языке чрезвычайно велико, однако продуктивных суффиксов гораздо меньше. Одним из последних является элемент -ро (в диалектах -ру). Наиболее часто он встречается в именах существительных, обозначающих орудия действия, инструменты» [Микаилов 1965: 45]. Это утверждение нетрудно подтвердить соответствующими примерами: *борля-ро* «сверло» < *борль-изе* «сверлить», *борца-ро* «мерило» < *борц-ине* «мерить», *борха-ро* «рычаг» < *борх-изе* «поднимать», *буха-ро* «доска для складывания белья после стирки» < *бух-изе* «бить» и т.д.

В русском языке производные существительные этой группы образуют несколько групп:

- а) существительные мужского рода с суф. -л(а), -ловк(а) (*мига-лк-а*, *цеди-лк-а*, *горе-лк-а* и т.п.);
- б) существительные женского рода с суф. -ниц(а) (*скреб-ниц-а* и т.п.)
- а) существительные среднего рода с суф. -л(о) (*покрыва-л-о*, *пу-га-л-о*, *точи-л-о*, *мы-л-о*).

Названия мест, помещений, вместилищ и т.п.

Этот тип образования производных слов более характерен для русского языка, ср. субстантивы с суф. -ник (коров-ник), -ниц(а) (сахар-ниц-а), -н(я) (колоколь-ня), -ищ(е) (город-ище). В аварском аналогичные значения передаются описательно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного в настоящей работе комплексного сопоставительного анализа морфологического своеобразия одной из важнейших частей речи – имени существительного на материале русского и аварского языков можно прийти к следующим выводам, касающимся как функциональных характеристик грамматических категорий, так и способов их формального выражения.

Материал сопоставляемых языков показывает принципиальную совместимость основных понятий морфологии обоих языков, в т.ч. таких терминов, как основа (несмотря на наличие различных точек зрения и подходов к его определению), окончание («аффикс, используемый в качестве средства словоизменения»), корень, словообразующий аффикс, детерминант/тематический показатель, аблаут и нек. др. Возможные расхождения вызваны недостаточно последовательным применением соответствующих терминов.

С точки зрения формы выражения существенным и важным является то обстоятельство, что агглютинативный принцип словоизменения в целом прослеживается в обоих языках. В той или иной степени в них представлены и такие грамматические явления, как чередования (внутренняя флексия, аблаут), хотя некоторые исследователи аварского языка предпочитают квалифицировать соответствующие соотношения корневых гласных как результат ассимилятивно-диссимилятивных процессов; наращения; редупликация; аналитизм; омонимия морфологических единиц.

Одним из важнейших компонентов характеристики формальных особенностей именного словоизменения в сравниваемых языках является модель словоизменительной парадигмы. Судя по нашим наблюдениям, независимо от конкретных морфологических интерпретаций, объясняющих отдельные особенности аварской именной парадигматики, можно констатировать, что модель склонения с выделением нескольких словоизменительных основ, характерная для аварского языка, вообще не представлена в русском. Это обусловлено, прежде всего, совмещением в русском языке в одной морфеме значений числа и падежа, что дает упрощенную схему с именительным падежом, совпадающим с исходной основой.

В то же время разнообразие парадигматических схем в русском именном словоизменении достигается наличием различных чередо-

ваний и разноместным ударением. При этом в русистике подобные парадигмы описываются не как противопоставляющие ударные и безударные основы, а как парадигмы с переходом ударения с основы на окончания, причем основа в соответствии с таким описанием остается неизменной. Это вызвано тем, что множественность наборов окончаний существительных приводит к тому, что более эксплицитным описание русского именного словоизменения выглядит через описание парадигматических классов с единой, но видоизменяющейся основой.

Существенным отличием аварской именной парадигмы (присущей, впрочем, и другим дагестанским языкам) является ее иерархическое строение, обусловленное наличием локативных падежей, представляющих серийную модель образования, при которой форманты собственно локатива, аллатива, аблатива и транслатива присоединяется не к основе (прямой или косвенной), а к основе, осложненной показателем серии («локализации»). Таким образом, в единой парадигме имени выделяются несколько подпарадигм: во-первых, подпарадигма общеграмматических (абстрактных, позиционных, синтаксических...) падежей, не осложненных показателем локализации, и подпарадигмы местных (пространственных) падежей. Различия в именной парадигматике сравниваемых языков характеризуются также такими признаками, как количество парадигматических классов (типов склонения), сопряженное с вариантностью аффиксальных и корневых морфем, а также наличие дефектных парадигм и синкретических форм.

Выделение существительных среди других частей речи как в русской, так и в аварской грамматической традиции опирается на целую совокупность признаков, которые, как правило, пересекаются, т.е. частично противоречат друг другу, - морфологических, синтаксических, семантических и др.

Говоря о семантике рассматриваемой части речи в сопоставляемых языках, можно заметить, что имя существительное как часть речи, выражающая предметность, в сравниваемых языках, как и во многих других языках мира, характеризуется рядом особенностей, проявляющихся на различных уровнях языковой структуры: своей семантикой (можно считать, что ядерную группу здесь составляют конкретные имена – предметные, в т.ч. одушевленные и неодушевленные, и вещественные), грамматической формой (набором грамматиче-

ских категорий: падежа, числа, – словоизменительных, рода, одушевленности/ неодушевленности, конкретности, вещественности, собирательности, отвлеченности, субъективной оценки – классифицирующих) и синтаксическими функциями (оно выступает в предложении подлежащим и дополнением, а также всеми другими членами предложения (сказуемым, определением, обстоятельством; в то же время с ним согласуются прилагательное и глагол). Существительное обладает также своими средствами словообразования (главным образом, суффиксами и типами сложных слов).

В обоих языках в структурной организации именного словаря определенную роль играют более или менее совпадающие по лексическому составу и общему значению лексико-семантические группы имен. Так, абстрактные существительные (названия действий, качеств, состояний) и в русском и в аварском, так же как и имена собственные, относятся к периферийным разрядам существительных, что, в частности, находит свое отражение в том, что абстрактные существительные, за весьма редкими исключениями, оказываются образованными от глаголов и прилагательных с помощью специальных суффиксов.

Имя существительное в сравниваемых языках имеет следующие грамматические категории:

категории	аварский язык	русский язык
род / класс	+	+
число	+	+
одушевленность	-	+
частичность	-	+
падеж	+	+
локализация	+	-

Как видно из таблицы, существительное русского языка в оппозициях своих форм выражает в целом пять грамматических значений, тогда как существительное аварского языка – четыре. Категория рода является наиболее ярким, характерным морфологическим признаком существительного в русском языке. Категория рода в русском языке –

явление, на наш взгляд, вполне сопоставимое с аварским материалом, поскольку последний имеет категорию грамматического класса, принципы функционирования которой аналогичны родовым классификациям.

В русском языке имена существительные классифицируются на мужской, женский и средний род. Роль немаркированного члена выполняет здесь мужской род: его форма обычно принимает на себя функции «общего» рода. Кроме того, к мужскому роду обычно относятся и названия детенышей.

В аварском языке имена делятся на три класса (рода). К первому классу относятся названия мужчин, ко второму классу относятся названия женщин, к третьему классу относятся все названия животных, предметов, абстрактных понятий.

Таким образом, класс существительного в аварском языке определяется отнесенностью к категории человека и полом обозначаемого лица. Соответственно, одушевленность и неодушевленность также не имеет в аварском языке специального грамматического выражения.

В русском языке род существительного детерминирован семантически только для одушевленных имен (т.е., в отличие от аварского, и для большого количества названий животных). В остальных случаях род существительного может быть определен по его морфологическим признакам.

Имена существительные в русском и аварском языках противопоставляют единственное и множественное число, обозначая один или несколько предметов. При этом единственное число в обоих языках выражается немаркированной формой, в то время как множественное оформляется специальными аффиксами.

Особенностью аварского языка является противопоставление форм ограниченной и неограниченной множественности, основные признаки которых были описаны в специальной статье Я. Г. Сулейманова. Выделенные им признаки обусловлены, по существу, оппозицией продуктивного суффикса *-ал*, формирующего форму ограниченного множественного, и непродуктивных, маркирующих неограниченное. Таким образом, существительные, имеющие продуктивный аффикс множественности (это касается прежде всего заимствований), оказываются вне сферы действия данной оппозиции.

Аварский язык отличается от русского также наличием специального выражения распределительного (дистрибутивного) множест-

венного – путем редупликации соответствующего существительного или числительного (в последнем случае говорят о специальном разряде распределительных числительных).

В обоих языках имеются существительные, употребляемые только в единственном или же только во множественном числе, хотя специфика их проявления различна. В частности, специфику аварского языка составляют существительные-компози́ты, обозначающие совокупность однородных предметов (*эбел-эмен* «родители» и т.п.), в т.ч. специфические компози́ты-повторы с фонетическим преобразованием второго компонента, (*гIеретI-меретI* «посуда (кувшины и т.п.)») и др.

Несколько меньшей степенью общности обладают в сравниваемых языках существительные *Pluralia tantum*, хотя в обоих единицах сравнения они представляют собой пережиточную, ограниченную группу.

К числу позиционных падежей, т.е. таких, которые преимущественно служат для выражения субъектно-объектных отношений, в русском языке относятся именительный (номинатив), родительный (генитив), дательный (датив), винительный (аккузатив), творительный (инструменталис). Особняком в данном случае стоит предложный, в функции которого входит прежде всего выражение в сочетании с предлогами различных пространственных отношений.

При очевидности своеобразия винительного падежа в русском и эргативного в аварском глубокие содержательные различия именительного (ср. его употребление, эквивалентное русскому аккузативу), родительного (ср. функции аварского генитива, эквивалентные русскому относительному прилагательному) и дательного (ср. использование аварского датива для оформления субъекта глаголов чувствования, с одной стороны, и его противопоставленность аллативам) падежей выявляются при более детальном анализе. Истоки этих различий кроются в типологических расхождениях сравниваемых языков.

Местные падежи, как особая группа падежей, выделяются только в аварском языке, имея в качестве своего соответствия в русском как падежные единицы, так и предложно-падежные комбинации. В связи с этим будут рассмотрены и русские соответствия аварским послеложно-падежным комбинациям, т.е. в качестве точки отсчета в сопоставлении ниже приняты аварские падежные единицы.

В связи с этим отличительной особенностью аварского, как и

большинства других дагестанских языков, является также дискретное выражение пространственного и двигательного ориентиров. Последний представлен следующими значениями:

а) собственно локатив, местный падеж, выражаемый нулевым показателем, передающий местонахождение где-либо;

б) направительный падеж, или аллатив, с суффиксом *-e*, передающий движение к ориентиру;

в) исходный падеж, или аблатив, с суффиксом *-sa/-a*, выражающий движение от ориентира;

г) транслатив с суффиксом *-[c]a-n*, передающий движение через что-либо (о целесообразности выделения этой падежной единицы в аварском языке см. выше).

Показатели названных местных падежей присоединяются к косвенной основе, осложненной показателем локализации (пространственной ориентации), образуя так наз. серии пространственных падежей.

Сопоставляя аварские местные падежи со способами выражения соответствующих значений в русском, можно заметить, что в русском языке предложный падеж имеет тенденцию выражения функций локативов, дательный и винительный – аллативов, а родительный – аблативов, хотя достаточно очевидны и примеры, нарушающие эту тенденцию.

В области словообразования существительных прежде всего обнаруживается, что сравниваемые языки не ограничивают словообразование существительных каким-либо одним способом. В аварском языке имена существительные образуются как посредством основосложения, так и при помощи суффиксации. Наиболее продуктивным является основосложение. Кроме того, имена существительные могут образовываться путем субстантивации прилагательного и причастия, аблаутным чередованием, калькированием. Не менее разнообразны способы образования существительного в русском языке, где имя существительное в словообразовательном отношении считается самой богатой частью речи. Кроме способов словообразования, действующих в сфере других частей речи, имеются специфические субстантивные способы словообразования: аббревиация, усечение основ, нулевая суффиксация, субстантивация.

В обоих сравниваемых языках суффиксация играет ведущую роль в словообразовании существительных, реализуя множество сло-

вообразовательных моделей по используемым суффиксам, по производящим основам и по словообразовательному значению. В аварском языке представлена специфическая категория имени-глагола - масдар, который также имеет специфические способы образования. В русском языке этой форме соответствуют отглагольные имена существительные типа *чтение, ходьба* и др. Эта форма является названием действия и обладает как именными, так и глагольными свойствами.

В количественном отношении русские суффиксы более многочисленны, что, по-видимому, обуславливает и такие особенности русского суффиксального словообразования по сравнению с аварским, как наличие суффиксов со специализированными значениями (ср., например, названия однократного действия, названия болезней и т.д.), наличие словообразовательной синонимии и др. Флективный характер русской морфологии обуславливает такое явление, как вариативность суффиксов.

В отличие от русского, в аварском языке не имеется словообразующих приставок, их значение на аварский язык передается описательно. Однако в ряде имен с префиксальным классным показателем (*вас* «сын» ~ *яс* [йас] «дочь» и др.) последний может считаться словообразовательным префиксом.

Префиксально-суффиксальный способ словообразования существительных в аварском языке практически не представлен, если не считать окаменелый классный префикс в отглагольных существительных словообразовательным. В русском языке этим способом образуются существительные на базе сочетаний существительных с предлогами, причем в составе производного слова предлог преобразуется в приставку.

Сложные существительные играют заметную роль в словообразовании обоих сравниваемых языков.

Для русского языка в субстантивном словообразовании характерно использование соединительных гласных (интерфиксов) при образовании сложных слов, хотя имеются и композиты, образованные «чистым сложением» .

Аббревиация как особый способ словообразования, целью которого является создание более коротких по сравнению с исходными структурами (сложными словами или словосочетаниями) синонимичных им номинаций, получила широкое распространение в русском языке после Октябрьской революции 1917 года. Для аварского языка,

как и для других дагестанских языков, аббревиация как способ именного словообразования не характерна. Заимствуемые аббревиатуры теряют в аварском языке признак несклоняемости.

В обоих языках отмечается субстантивация прилагательных и причастий, причем в аварском языке тип субстантивации ограничивается случаями, когда субстантивированное имя - это название лица.

В обоих сравниваемых языках производящей основой при образовании существительных могут выступать основы практически всех частей речи. Отглагольные имена образуются от основ различных видов. При этом следует заметить, что при образовании лиц в аварском языке используются учащательные основы, в то время как в русском языке для именного словообразования используются различные видо-временные основы.

С точки зрения словообразовательного значения в обоих языках имеются производные абстрактные существительные (имена действия, состояния и т.п.), названия людей, инструментов. Некоторые лексико-семантические группы производных субстантивов характерны только для русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Абдулаев М., Сулейманов Я. Аварский литературный язык: Учебник для педучилищ. Махачкала, 1965 (авар.).

Айтберов А.М. Учет особенностей родного языка при изучении русского языка в дагестанской нерусской школе. Махачкала: Дагучпедгиз, 1967

Айтберов А.М. Трудности изучения русского синтаксиса студентами – дагестанцами. Ростов-на-Дону, 1980.

Айтберов А.М. Лингвистические основы обучения русскому языку в условиях многонационального Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1983.

Айтберов А.М. Словосочетание и предложение: вопросы типологии и методики: Пособие для учителей русского языка дагестанской национальной школы. Махачкала: Дагучпедгиз, 1989.

Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М.: Наука, 1988.

Алексеев М.Е. Гипотеза моноконсонантизма корня в дагестанских языках и типология структуры корня // IV всесоюзная конференция востоковедов «Восток: Прошлое и будущее народов» (Новые подходы в теории и методиках востоковедных исследований). Т. 1. М., 1991. – С. 7-8.

Алексеев М.Е., Хизрибекова А.К. Структурные типы косвенной основы аварского литературного языка // Тезисы докладов региональной науч. конф. молодых ученых, посвященной гуманитарным исследованиям. К 50-летию образования Даг. науч. центра РАН. Махачкала, 1995. – С. 127-128.

Алиханов С.З. Словообразование в аварском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. Махачкала, 1994. – 26 с.

Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Л., 1989.

Аракин В.Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования. М.: Высшая школа, 1989.

Арутюнова Н.Д. Референция имени и структура предложения // ВЯ. 1976, № 2. - С. 24-35.

Атаев Б. Опыт реконструкции прономинальной системы аварского языка // Проблемы сравнительно-исторического исследования морфологии языков Дагестана. Махачкала, 1992. – С. 29-35.

Атаев Б. Некоторые особенности морфемной структуры и скло-
нения личных местоимений аварского языка // Морфемный строй да-
гестанских языков: Сборник статей. Махачкала, 1988. – С. 44-48.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского язы-
ка. М., 1955.

Барнова Н.А. Вопросы сочетаемости согласных в аварском язы-
ке. Тб.: ТГУ, 1983. – 172 с. (груз.), рез. рус.

Барнова Н.А. Правила сочетаемости согласных в морфемах
структуры CVC аварского языка // Лингвистический сборник. Тб.,
1984. Ч. I. – С. 42-55 (груз.).

Барнова Н.А. К вопросу о консонантных группах в аварском
языке // Мацне, 1970, № 6. – С. 253-266.

Барнова Н.А. Дистрибутивный анализ консонантных комплек-
сов (на материале аварского языка): Автореф. дис... канд. филол. на-
ук. Тбилиси, 1971. – 25 с.

Белошапкина В.А., Земская Е.А., Милославский И.Г. Панов М.В.
Современный русский язык. М., 1981.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Бокарев А.А. Синтаксис аварского языка. М.; Л., 1949. – 277 с.

Бокарев Е.А. О категории падежа (применительно к дагестан-
ским языкам // ВЯ, 1954, № 1. – С. 30-46.

Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение
дагестанских языков. Махачкала, 1961.

Бокарев Е.А. Сравнительно-историческая фонетика восточно-
кавказских языков. М., 1981.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове.-
М., 1972.

Винокур Г.О. Русский язык. М., 1945.

Вопросы сопоставительной фонетики русского и дагестанских
языков.-Махачкала, 1985.

Гаджиева Д.Р. Имя прилагательное в аварском языке. Махачка-
ла, 1979. – 99 с.

Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского
языков. Л.: Просвещение, 1977. – 300 с.

Гак В.Г., Ройзенблит Е.Б., Очерки по сопоставительному
изучению французского и русского языков, М., 1965.

Гасанова С.М. О структуре именной и глагольной основы в

аварском, даргинском и лакском языках // Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969. – С. 131-141.

Гвоздев А. Н. Современный русский язык. Ч.1. Фонетика и морфология. М., 1973. – 432 с.

Гигинейшвили Б.К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977.

Грамматика русского языка. Т.1-2.- М.: Изд-во АН СССР, 1952.

Грамматика русского языка. Т.1. Фонетика. Морфология. – М.: Изд.-во АН СССР, 1960.

Гудава Т.Е. Консонантизм андийских языков. Тбилиси: Мецниереба, 1964.

Гудава Т.Е. Сравнительный анализ глагольных основ в аварском и андийских языках. Махачкала, 1959.

Гудава Т.Е. Историко-сравнительный анализ консонантизма дидойских языков. Тбилиси: Мецниереба, 1979.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Гухман М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.

Гюльмагомедов А. Г. Сопоставительное изучение фонетики русского и лезгинского языков. М., 1985.

Гюльмагомедов А. Г. Сопоставительное языкознание в очерках и извлечениях. М., 1991. – 163 с.

Гюльмагомедов А.Г. Проблема дифференциации словообразования и фразообразования в дагестанских языках// Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 3. М., 1996. - С. 14-21.

Дешериева Т.И. Структура семантических полей чеченских и русских падежей. М.: Наука, 1974. - 300 с.

Джапаридзе З.Н. Из истории образования множественного числа у прилагательных и причастий с префиксальным классным показателем в аварском языке // ИКЯ. Т. 14. Тбилиси, 1964. – С. 277-282 (груз.), рез. рус. 282-285.

Джидалаев Н.С., Алиханов С.З. Генезис аварского словообразовательного элемента -чи // Тюркско-дагестанские языковые контакты. Махачкала, 1985.

Дибиров И.А. Типы склонения в закатальском и анцухском диалектах аварского языка // Тезисы докладов региональной науч. конф. молодых ученых, посвященной гуманитарным исследованиям. К 50-

летию образования Даг. науч. центра РАН. Махачкала, 1995. – С. 131-132.

Жирков Л. И. Аварско-русский словарь – М., 1936.

Жирков Л. И. Грамматика аварского языка. М., 1924. – XIV + 173 с. (литогр.).

Жирков Л. И. Словообразование в аварском языке// Языки Дагестана. Махачкала, 1948. Вып.1.

Жирков Л. И. Развитие частей речи в горских языках Дагестана// Языки Северного Кавказа и Дагестана. Вып. 1. – С. 155-167.

Загиров З.М. Учебно-методические рекомендации к изучению курса «Сравнительная типология русского и дагестанских языков». Махачкала, 1978.

Загиров З.М. Некоторые вопросы сопоставительной морфологии русского и дагестанских языков (На материале именных частей речи). Махачкала: Дагучпедгиз, 1982. – 87 с.

Загиров З.М. Некоторые вопросы сопоставительной морфологии русского и дагестанских языков. Учебное пособие. Ч. II. Р/Д., 1982. – 80 с.

Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. – 370 с.

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973. – 304 с.

Ибрагимов Г.Х. Роль сопоставительно-типологического описания в лингвистическом обосновании процесса обучения русскому языку // Повышение качества обучения в дагестанской национальной школе. Махачкала, 1989.

Ибрагимов Г.Х. Фономорфологический анализ структуры слова в цахурском языке// Фонетическая система дагестанских языков. Махачкала, 1981. – С. 27-37.

Исаев М.Г. Особенности тлянадинского говора анцухского диалекта аварского языка: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1975. – 22 с.

Исаев М.Г. Плюрализмы в анцухском диалекте аварского языка //Эксп-88/89. – С. 56-57.

Исаев М.Г. Об особенностях образования множественного числа существительных в тлянадинском говоре анцухского диалекта аварского языка // СБНСФИЯ.Махачкала, 1973. – С. 56-57.

Исаев М.Г. Особенности склонения существительных и местоимений в анцухском диалекте аварского языка // Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках. Девятая региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. 16-18 сентября 1981. Махачкала, 1981. – С. 79-80.

Исаев М.Г. Особенности склонения существительных и местоимений анцухского диалекта аварского языка // ПаС. – С. 176-183.

Исаков И.А. О склонении имен в кусурском говоре аварского языка // ИСК. – С. 70-81.

Исаков И.А. Кусурский диалект аварского языка: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 1981. – 19 с.

Касумова З.М. О морфологической структуре слова в языках разноструктурных систем (на материале русского и аварского языков) // Студент и науч.-техн. прогресс: М-лы Всес. науч. студ. конф. Апрель 1977. Филология. Новосибирск, 1977. – С. 34-39.

Карбоненко П. Справочник по русской грамматике с параллелями из дагестанских языков. Махачкала, 1954.

Кацнельсон С.Д. О грамматической категории // Вестник ЛГУ. 1948, № 2.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

Кибрик А.Е. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. М., 1970. – С. 110-156.

Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992. – С. 80-101.

Кибрик А.Е. Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 364 с.

Киквидзе В.В. Склонение по принципу двух основ в аварском языке // Иберийско-кавказское языкознание. Т. 12, 1960.

Климов Г.А. Очерк общей теории эргативности. – М., 1973.

Климов Г.А. К типологии падежных систем // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т.40. – 1981. № 2.

Климов Г.А. Принципы контенсивной типологии. – М., 1983.

Климов Г.А. О позиционных падежах эргативной системы // Вопросы языкознания. – 1983. – № 4.

Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. – М., 1980.

Кодухов В.И. Введение в языкознание. М., 1979.

Кубрякова Е.С. Что такое словообразование. М.: Наука, 1965.

Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия// Вопросы языкознания, 1974, № 5.

Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. М.: Наука, 1977.

Магомедбекова З.М. Фонемный состав и структура именных деривационных морфем в аварско-андийско-дидойских языках //11рег. – С. 79-80.

Магомедбекова З.М. К образованию основных падежей в ахвахском языке// ИКЯ. Т. 15.

Магомедов М.А. Некоторые вопросы передачи пространственных отношений локативными падежами в аварском языке //ВПО. – С.133-139.

Магомедов М.А. Арадерихские говоры аварского языка: Автореф. дис... канд. филол. наук. Махачкала, 1993. – 22 с.

Магомедов М.А. Послелогои аварского литературного языка// Тезисы докладов региональной науч. конф. молодых ученых, посвященной гуманитарным исследованиям. К 50-летию образования Даг. науч. центра РАН. Махачкала, 1995. – С. 128-129.

Магомедов М.И. Категориальная характеристика инфинитных словосочетаний в аварском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. Махачкала, 1992 – 20 с.

Магомедов М.И. Падежное кодирование субъекта и объекта в аварском языке // Дагестанский лингвистический сборник. М., 1995. - С. 33-39.

Мадиева Г.И. Аварский язык. Ч. I: Морфология. Махачкала, 1965. – 234 с. (авар.).

Мадиева Г.И. Аварский язык. Ч. II: Синтаксис. Махачкала, 1967 (авар.).

Мадиева Г.И. Морфология аварского литературного языка. Махачкала, 1981. – 160 с.

Мадиева Г.И. Аварский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. – С. 255-271

Мадиева Г.И. Некоторые вопросы сопоставительной грамматики русского и аварского языков: В помощь учителю русского языка в аварской школе.- Махачкала: Дагучпедгиз, 2-е изд., 1991. – 73 с.

Мадиева Г.И., Самедов Д.С. Существительные pluralia tantum в

аварском языке // Вопросы морфологии русского и дагестанских языков. Межвузовский научно-тематический сборник. Махачкала: ДГУ, 1988. – С. 97-101.

Маллаева Г.И. Морфемы с временной семантикой в аварском языке// Морфемный строй дагестанских языков: Сборник статей. Махачкала, 1988. – С. 164-170.

Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1975.

Мейланова У.А. Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей лезгинского языка. Махачкала, 1960.

Микаилов Ш.И. Сравнительно-историческая фонетика аварских диалектов. Махачкала, 1958.

Микаилов Ш.И. Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. Махачкала, 1964. – 171 с.

Микаилов Ш.И. Очерки аварской диалектологии. М.: АН СССР, 1959. – 171 с.

Микаилов Ш.И. Функции локативов в аварском языке// Труды 1-й научной сессии Дагестанской научно-исследовательской базы АН СССР. Махачкала, 1948.

Микаилов Ш.И. К характеристике и истории указательных местоимений и наречий места в аварском языке// Сборник статей по вопросам дагестанского и вейнахского языкознания. Махачкала, 1972. – С. 15-30.

Микаилов К.Ш. К вопросу о составе основы имени существительного в аварском языке// УЗИИЯЛ. Т.12. Махачкала.

Микаилов Э.Ш. Кутишинская группа говоров аварского языка: Автореф. дис... канд. филол. наук. Тб., 1968. – 22 с.

Нерознак В.П. О трех подходах к изучению языков в рамках синхронного сравнения (типологический – характерологический - контрастивный) // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. – М., 1987.

Нурмагомедов М.М. Морфологическая структура глагола в аварском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. Махачкала, 1993. – 17 с.

Общее языкознание: Методы лингвистических исследований /Под ред. Б.А.Серебренникова. М., 1973.

Ольмесов Н.Х. Сопоставительная грамматика кумыкского и русского языков. Махачкала: Дагучпедгиз, 1982.

Панов М.В., Сукунов Х.Х., Эжба Н.Б. Фонетические, морфологи-

ческие и синтаксические ошибки в русской речи учащихся национальных школ / НИИ НШ МО РСФСР. М., 1989.

Поливанов Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1933.

Реформатский А.А. О сопоставительном методе // Русский язык в национальной школе. 1962. № 5.

Русская грамматика. Т.1-2.- М.: Изд-во АН СССР, 1980.

Русский язык как средство межнационального общения народов СССР: Основные направления в разработке проблемы. М., 1982.

Русский язык. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979.

Русский язык и языки народов Дагестана: Социолингвистика. Типология. Махачкала, 1991.

Саидов М.-С. Аварско-русский словарь. М., 1967;

Саидов М.-С., Микаилов Ш.И. Русско-аварский словарь. Махачкала, 1951;

Саидова П.А. Множественное число имен существительных в закатальском и анцухском диалектах аварского языка // Морфологическая структура дагестанских языков. Махачкала, 1981. – С. 3-19.

Саидова П.А. Множественность субстантивов в карахском диалекте аварского языка // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985. – С. 101-6.

Саидова П.А. Местоимения закатальского диалекта аварского языка // Местоимения в языках Дагестана. (Тематический сборник). Махачкала, 1983. – С. 22-9.

Самедов Дж. Несколько заметок по склонению существительных в аварском языке // Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках. Девятая региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. 16-18 сентября 1981. Махачкала, 1981. – С. 101.

Современный русский язык/Авт.сост. Попов Р.Н., Валькова Д.П. и др.-М., 1978.

Современный русский язык/Под ред. Д.Э.Розенталя.-М., 1984.

Современный русский язык/Авт.сост. Светлышев Д.С., Брагина А.А. и др.-М., 1986.

Сопоставительная лингвистика: теоретические и прикладные проблемы (Тезисы докладов на совещании). М.; Ужгород, 1991.

Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971

Сравнительно-сопоставительные исследования лексики. Махачкала: Изд-во Дагестанского университета, 1992.

Структурные общности кавказских языков. - М., 1978.

Сулейманов Я.Г. О формах ограниченного и неограниченного множественного числа имен существительных в аварском языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985. – С. 114-119.

Сулейманов Я.Г. Система указательно-личных местоимений и парадигмы их склонения в аварской нормативной речи // Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979. – С. 148-165.

Сулейманова С.К. Словосочетания в аварском языке: Автореф. дис.... докт. филол. наук. М., 1990. – 40 с.

Сулейманова С.К. Именные словосочетания в аварском языке. Махачкала, 1980. – 191 с.

Топуриа Г.В. Морфология склонения в дагестанских языках: Автореф. дис.... докт. филол. наук. Тбилиси, 1987. – 52 с.

Топуриа Г.В. Морфология склонения в дагестанских языках. Тбилиси: Мецниереба, 1995. – 191 с.

Топуриа Г.В. Вопросы морфологии склонения в дагестанских языках // ВЯ, 1987. № 1. – С. 66-78.

Топуриа Г.В. Эргатив самостоятельный и эргатив совмещающий, их функции в иберийско-кавказских языках // Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. Нальчик, 1977.

Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987.

Уорф Б.Л. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960.

Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. Тифлис, 1889.

Хайдаков С.М. Структурные типы лакских слов // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1961.- С. 183-192.

Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973.

Халиков М. М. Некоторые приемы экспрессивного словообразования в аварском языке // Дагестанский лингвистический сборник. Памяти Г.А.Климова. Вып. 4. М., 1997. - С. 85-89.

Хизрибегова А.К. Об одном способе выражения дистрибутивной множественности в аварском языке // Тезисы докладов республиканской научной конференции молодых ученых Дагестана по проблемам

гуманитарных наук. (24-25 июня 1993). Махачкала, 1993. – С. 101-102.

Хизрибекова А.К. Выявление функций формообразующих аффиксов *-асс, -альль, -цца* при склонении имени аварского литературного языка // Тезисы докладов региональной науч. конф. молодых ученых, посвященной гуманитарным исследованиям. К 50-летию образования Даг. науч. центра РАН. Махачкала, 1995. – С. 136-137.

Церцвадзе И.И. Основы вопросительных местоимений в аварском языке // ИКЯ. Т. 4. Тбилиси, 1953. – С. 173-179 (груз.), рез. рус. 180-181.

Чикобава А.С., Церцвадзе И.И. Аварский язык. Тб., 1962. – 442 с. (груз.).

Чикобава А.С. Склонение местоимений в аварском языке // Изв. Ин-та ЯМК. Т.12. – С. 31-50 (груз.), рез. рус. 50.

Чикобава А.С. Сопоставительное изучение языков как метод исследования и как метод обучения // Русский язык в национальной школе.-1958.- № 6.

Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка.-М.,1941.

Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М.: Изд-во МГУ, 1968.

Шейхов Э.М. Сравнительная типология лезгинского и русского языков: Автореф. дис.... докт. филол. наук. Махачкала, 1994. – 51 с.

Шейхов Э.М. Сравнительная типология лезгинского и русского языков: Морфология. Махачкала, 1994. – 215 с.

Шейхов Э.М. Содержательный аспект сопоставительного исследования грамматического строя дагестанских и русского языков // Тезисы докладов республиканской научной конференции молодых ученых Дагестана по проблемам гуманитарных наук. (24-25 июня 1993). Махачкала, 1993. – С. 91-92.

Шейхов Э.М. О некоторых проявлениях асимметрии в морфологии дагестанских языков (в типологическом сравнении с русским языком) // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 2. М., 1996. – С. 63-67.

Шейхов Э.М. Способы грамматического выражения в лезгинском и русском языках // Русский язык и языки народов Дагестана. Социолингвистика. Типология. Сб. ст. Махачкала, 1991. – С. 143-151.

Шейхов Э.М. Функционально-семантический анализ грамматических падежей дагестанских и русского языков (сравнительно-

типологический аспект) // Дагестанский лингвистический сборник. М., 1995. – С. 52-65.

Шейхов Э.М. Морфология числа в лезгинском и русском языках (Опыт сравнительно-типологического анализа) // Морфемный строй дагестанских языков: Сборник статей. Махачкала, 1988. – С. 111-118.

Эльдарова У.З. Местные падежи 3 и 5 серий аварского языка // Историко-типологические и синхронно типологические исследования (на материале языков разных систем). М., 1972.

Эльдарова У.З. Типы склонения в аварском языке // Слово и словосочетание в языках различных типов». М., 1973.

Эльдарова У.З. Грамматические функции родительного падежа в аварском языке // Сборник работ аспирантов Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина (гуманитарные факультеты), Махачкала, 1974.

Эльдарова У.З. Категория падежа в аварском литературном языке: АКД. Махачкала, 1974. - 19 с.

Эльдарова У.З. Выражение временных отношений некоторыми падежами аварского языка // Выражение временных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1991.

Юсупов У.К. Проблемы сопоставительной лингвистики. Ташкент, 1980.

Юсупов У.К. Лингводидактический аспект сопоставительного изучения языков // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. М., 1987.

Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. М., 1981.

Charachidzeб G. Grammaire de la langue Avar (langue du Caucase \ Nord-Est). Editions Jean-Favard, 1981. – 209 p. /Documents de linguistique quantitative. № 38.

Kibrik A.E. Organising principles for nominal paradigms in Dagestani languages: Comparative and typological observations // Paradigms: the economy of inflection/ Ed. by Frans Plank. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991. – pp. 255-274.

Kibrik A.E. Andalal noun inflection // Eurotyp-18. – P. 20-30.

Lewy E. Versuch einer Charakteristik des Awarischen. Berlin, 1953.

Nikolayev S.L., Starostin S.A. A North Caucasian etymological dictionary. М., 1994.

Schiefner A. Versuch uzbek das Awarische // MAIS. VIII-e ser. T.V, № 8. St.-P., 1862.

Schiefner A. Ausfuhrlicher Bericht uzber Baron P.v. Uslar»s
awarische Studien// MAIS. VIII-e ser. T. XVIII, № 6. St.-P., 1872.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ХАРАКТЕРИСТИКА СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В АВАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	20
1. Особенности проявления основных морфологических единиц в сопоставляемых языках.....	20
2. Особенности выражения грамматических значений в сопоставляемых языках.....	24
3. Принципы организации именной парадигмы.....	31
ГЛАВА II. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В АВАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	36
1. Место имени существительного среди других частей речи в сравниваемых языках.....	36
2. Местные падежи.....	80
ГЛАВА III. ОСОБЕННОСТИ СУБСТАНТИВНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ.....	81
1. Сравнительная характеристика различных видов словообразования в аварском и русском языках.....	81
2. Сравнительная характеристика производящих основ в именном словообразовании.....	99
3. Словообразовательные типы имен с точки зрения Семантики.....	100
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	104
ЛИТЕРАТУРА.....	112

Научное издание

Марьям Хиличевна Шахова, Гажар Абдусамадовна Магомедова,
Патимат Багавдиновна Шахбанова

СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИМЕННОЙ
МОРФОЛОГИИ АВАРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Формат 60x84 1/16. Бумага офсет 1. Печать ризографная. Гарнитура Таймс.
Усл.п.л. 7,6. Заказ № 142-24. Тир. 300 экз. Отпеч. в тип. ИП Тагиева Р.Х.
г.Махачкала, ул. Батырая, 149. Тел.: 8 928 048 10 45

“ФОРМАТ”